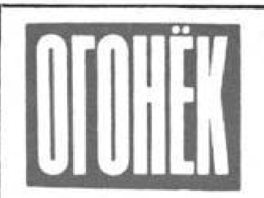

ОГОНЁК
№ 27 ИЮНЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 27 (2140)

Основан 1 апреля 1923 года

29 ИЮНЯ 1968

СЛОВО О МО

Учитель и его ученики... Сколько их, окончивших школу и ушедших в большую жизнь! В Сибири и на Урале, в жарких пустынях и на Дальнем Севере, на Камчатке и далеко за рубежами Советской Родины трудятся бывшие ученики средней школы № 4 города Чехова, ученики А. М. Прокина.

Наши корреспонденты встретились с немногими из тех его учеников, кто живет и работает в родном городе Чехове и районе.

УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ № 4 ГОРОДА ЧЕХОВА АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ПРОКИН ПОЛУЧАЕТ МНОГО ПИСЕМ ОТ СВОИХ БЫВШИХ УЧЕНИКОВ. С ЕГО РАЗРЕШЕНИЯ МЫ ПЕЧАТАЕМ НЕСКОЛЬКО СТРОК ИЗ ЭТОЙ БОЛЬШОЙ ПЕРЕПИСКИ.

Здравствуйте, дорогой Алексей Михайлович!

Уже месяца два никому не писал... Затыркался я, особенно последнее время. Конечно, с работой; жадным я оказался до работы и все стараюсь, чтобы было как можно лучше, а трудно это...

Чертовски приятно сознавать, что ты бываешь нужен, а иногда **срочно** нужен. Очень приятно дело, в котором участвуешь целиком — и мысль, и все органы чувств, и руки...

А все, чем дальше бежит времечко, тем больше я чувствую, как не хватает мне Вас в длинных северных вечерах, в воскресных прогулках, да мало ли в чем! И я все твержу строки:

Прощай, прощай! В пожарах лунных
Дождусь ли радостного дня?
Среди прославленных и юных
Ты был всех лучше для меня...

Шориншо Шотемор,
врач

Магаданская область, поселок Ягодное. 1957 год.

Дорогой Алексей Михайлович!

Для Вас письмо будет неожиданностью, для меня оно необходимость. Если бы Вы знали, как я истосковался по нашим прогулкам к Долгому лугу и Золотой поляне, по осенней Лопасне, по лесу — по всему соскучился я. По нашим беседам, по близким друзьям, по поездкам в Чехов...

Вероятно, расставание с родным и дорогим на долгое время имеет свои положительные стороны. Человек начинает глубже понимать окружающий мир и любить свою родину еще большей любовью. Ведь мне кажется сейчас, что я буду счастливейшим человеком, когда вновь вернусь в Москву, в Чехов. В этом году я объездил половину нашей страны. Я видел сочный по краскам Кавказ, я был в однообразных степях Казахстана. Я проезжал Урал, Волгу. Все восхищало меня, но сейчас я вижу пред глазами свой Долгий луг, свою Ясную поляну, нашу тихую Нару...

...Я очень рад был бы узнать о Вас все. Ведь я уже на всю жизнь привык и полюбил и Вас и всех Ваших.

С приветом любящий Вас, Ваш **Юрий Соловьев, инженер-конструктор.**

Казахстан. 1956 год.

Юрий СБИТНЕВ

Фото Б. КУЗЬМИНА и В. ФИЛАТОВА.

— До Солона вся Аттика делилась на четыре части.— Это голос нового учителя, глубокий, добрый бас, словно окатывающий каждое слово.

Учитель ходит по классу, перебирая в пальцах тоненькую указку. Произнося слова, он слегка кривит крупные губы, близоруко всматривается в наши лица из-под простеньких, с толстыми стеклами очков. Слегка подергивается его правая щека. И походка у него широкая, чуть развалистая. Все подмечают ребячьи глаза, все ухватывают. Аттика... Древние Афины... Реформы Солона...

Казалось, к чему бы все это сейчас, когда где-то еще на нашей земле гремит война — та, что прокатилась тяжелым колесом по детству, когда добрая половина класса сироты и каждый из нас слышал разрывы фашистских бомб и снарядов, видел воочию кровь и слезы, горе и голод!..

А учитель все говорит и говорит, широко

ЕМ УЧИТЕЛЕ

Зинаида Шумская посвятила свою жизнь маленьким жителям города Чехова — она детский врач.

У мастера спорта Владимира Сорокина свои заботы — готовить новых чемпионов.

Лейтенант милиции Иван Чапаев охраняет покой граждан и покой своего сына Василия Ивановича.

Агроном Владислав Коковин и ветеринарный врач Виталий Комисаров полны заботы о родной земле. Любви к ней учил их А. М. Прокин.

вышагивая и перебирая в пальцах тоненькую указку. И раздвинулись вдруг стены, широко распахнулись окна в неведомый, чужой и древний мир... Замер с приоткрытым ртом кудрявый Лелька, застыл пораженный увиденным Сен-Симон (прозвище, конечно), девчонки застыли, притих класс, и только рокочет, как далекий прилив Адриатики, бас учителя.

До чего же интересно было — аж холодок под сердцем! Четверть века прошло, но до сих пор ощущаю этот холодок, помню Афины, вошедшие в класс моего военного детства.

Древняя Греция, Золотое Руно, боги Олимпа, а потом скифы, река Рось, сторожевые курганы в степи, звонкие шеломы русичей, тяжелые мечи, запах трав и шум сторожевых дубрав за Окою...

На всю жизнь, навсегда, как говорят, до березки в головах, вошло это в сердце.

Алексей Михайлович Прокин — наш учитель истории. Он сравнительно недавно окончил десятилетку и не так уж намного старше нас. Но этого мы пока еще не замечаем. И очень обидно, когда сестра в разговоре называет его Лешей и рассказывает о нем какие-то там смешные истории.

Ведь они почти одногодки — моя сестра, которую я и полным именем-то никогда не называю, и он, учитель Алексей Михайлович.

Мы не думали тогда о том, что война отобрала у нас не только родных и близких, но и наших учителей, ушедших из школ в народное ополчение, сражающихся в маршевых пехотных ротах, не думали, что, если бы не врожденная близорукость Прокина, помешавшая встать ему в солдатский строй, мы, может быть, никогда и не встретились со своим учителем истории. Он стал нашим наставником, едва оставив школьную парту, пришел к нам, заменив тех, что уж никогда не придут в шумный, востроглазый школьный класс...

...Желтое до боли в глазах поле. Солнце над ним тоже желтое, вязкое, прилипчивое. Оно нещадно жжет наши спины и головы, прожигает насквозь рубашонки, градом лучей колотит в затылки. Хочется пить. Болят вздувшиеся волдырями мозолей ладони. Мы пропалываем колхозное поле, выдираем с корнем ненавистную желтую сурепку. Каждому за день надо выполоть четыре гряды. Гряды длинные, они по косогору убегают куда-то за окоем, так что и конца не видно. Мы с товарищем отстали.

— Давай посидим,— предлагаю я.— Спину ломит.

— Давай.

Отдыхаем.

— А знаешь, Юрка, давай играть.

— Как?

— А так вот, будто сурепка — это легионеры Красса, а мы воины Спартака!

— Давай!

И заходили под рубашками плечи, замелькали руки, и боль в них уж не так чувствительна. Полем и без умолку говорим, говорим все, что знаем о гладиаторах и Спартаке, о римском консуле...

Свобода! Свобода! Богиня богины!
К великому подвигу сердце зажги,
Слабейших из смертных в бою не покины!
Свобода. Свобода! Богиня богинь,—

читаем в два голоса, забыв обо всем на свете.

А потом сидим вместе со всеми в тощей тени полевых кустов и смотрим туда, куда уходят зелеными строчками гряды спасенного нами поля.

Среди нас учитель. В линялой штопаной рубашке с темными проталинами пота, в стареньких коротких брюках, в разбитых, как и у нас, ботинках. Он что-то рассказывает нам хорошее, большое и доброе.

А потом мы снова полем поле, и оно, громадное и желтое, удивительно сладко пахнет. Горькая сурепка пахнет медом. Может быть, об этом рассказывал нам тогда учитель...

И теперь каждый раз, когда снова и снова вспоминаются мне военные и послевоенные годы, везде рядом со мной улыбка, добрый прищур близоруких глаз, рокочущий, всегда приносящий с собой что-то новое, еще не знаемое мною, голос моего учителя...

...На складах «Заготзерна» горит хлеб. Осень была дождливая, и зерно ссыпали влажным. Хлеб горит изнутри. Без пламени и дыма. Зернышко припаивается к зернышку, обугливается, задыхается. Пропадает с таким трудом выращенный и сданный государству хлеб. Не хватает рабочих рук.

В школе создают бригаду. Надо перелопатить, перекидать с места на место сотни и сотни тонн золотого зерна. После уроков мы идем туда, где горит хлеб. И, конечно же, наш бригадир — Алексей Михайлович.

Там, в душных, пыльных складах, орудуя деревянными лопатами, познаем мы то, что принято называть борьбою за хлеб. Там впервые познаем и другое.

Учитель с темными ободьями вокруг глаз — пыль густо набилась под очки — сидит подле распахнутых ворот склада, окруженный чумазой, как трубочисты, ребятней, и читает по памяти:

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.
О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.
Наш путь — степной, наш путь —
в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь...

Так для нас начинался Александр Блок.

Я мог бы без конца рассказывать о том, как свел нас учитель со спектаклями Художественного и Малого театров, как исподволь приобщил к истории своего края, как научил любить слово, как бродили мы вдоль необыкновенных по красоте русских малых рек Лопасни и Нары, слушали реченье птичьих стай и говор березовых рощ, как стал он сам для нас Другом, без которого не мыслишь себе жизни. Тем единственным, к которому идешь с радостью и горем, с печалью и любовью, с грустью и весельем.

Я говорю — мы, потому что мало кто из бывших учеников двадцати четырех его школьных выпусков, вернувшись в родные места, не заглянет в старый, уже чуть схилившийся дом в густых кустах сирени на тихой Почтовой улице города Чехова, для того чтобы услышать его голос, поговорить о жизни, поделиться своими планами, рассказать о пережитом. Так поступаю и я. И каждый раз, когда нажимаю кнопку звонка или стучусь в двери его дома, ожидаю услышать в ответ:

— А он в бегах.

«В бегах» — это значит бродит где-то с ребятами, собирая материалы о первых комсомольцах района, сажает сад, сидит в тиши московских архивов, отыскивая новые интереснейшие сведения о былом, раскапывает в карьере бивни мамонта или кремневые наконечники стрел древних, беседует с генералом или солдатом, защищавшим в сорок первом московские рубежи, ведет репетицию в ученическом драмкружке, или оформляет новый стенд в школьном музее, или...

Да разве можно перечислить все, чем каждодневно увлеченно занят мой Учитель, мой Друг — Алексей Михайлович Прокин!

У этих воспитанников Алексея Михайловича Прокина все впереди...

УРОКИ ДОБРА

В то время я чувствовал себя очень несчастным. Всего год, как с нашей семьей стряслась большая беда: мать попала в аварию и скончалась, а отец не вынес этого и лишил себя жизни. Все это произошло в один день. Мы, пятеро детей, оказались без родителей. Спустя год в доме не осталось ничего, что можно было продать или выменять на кусок хлеба. То были трудные, послевоенные годы.

День был холодный, зимний. Падал мокрый снег. На улицах — слякоть. В рваных ботинках хлюпала вода. Старый пиджачок никак не хотел просохнуть. Каждую перемену я бегал к учительской и пробовал согреться у стенки, которая излучала тепло от единственной в школе печки.

На меня смотрели сочувственно. Прошла Вера Виссарионовна, учительница пения, сказала какие-то бодрые слова, потрепала по голове. Она была веселая. В школе говорили, что она выиграла по облигации займа десять тысяч рублей.

Двери учительской открылись. Она еще раз подошла ко мне, велела прийти сюда после пятого урока и подождать ее.

После пятого урока я увидел около учительской ребят из параллельного 5-го класса: Анзора, Нодари, Георгия и Гиви. Никто не знал, почему нас собрали. Надо было посмотреть на наш вид — один другого экзотичнее, в драной одежде!..

Но все равно мы покорно ждали свою учительницу. Она была, пожалуй, одной из самых любимых в школе. Мы знали, что незадолго до войны она закончила в Москве музыкальное училище, что у нее маленькая дочь, которую она воспитывает без мужа, и живется ей нелегко.

Мы вышли из школы. Помню, от глубокого почтения к учительнице я не смел надеть шапку, и Вера Виссарионовна силой надвинула ее мне на голову. Вскоре мы вошли в двери Тбилисского центрального универмага: и тут началось... Отдел белья, носки, обувь, школьные формы, пальто и шапки, даже носовые платки! Все это она стала примерять и покупать для нас пятерых.

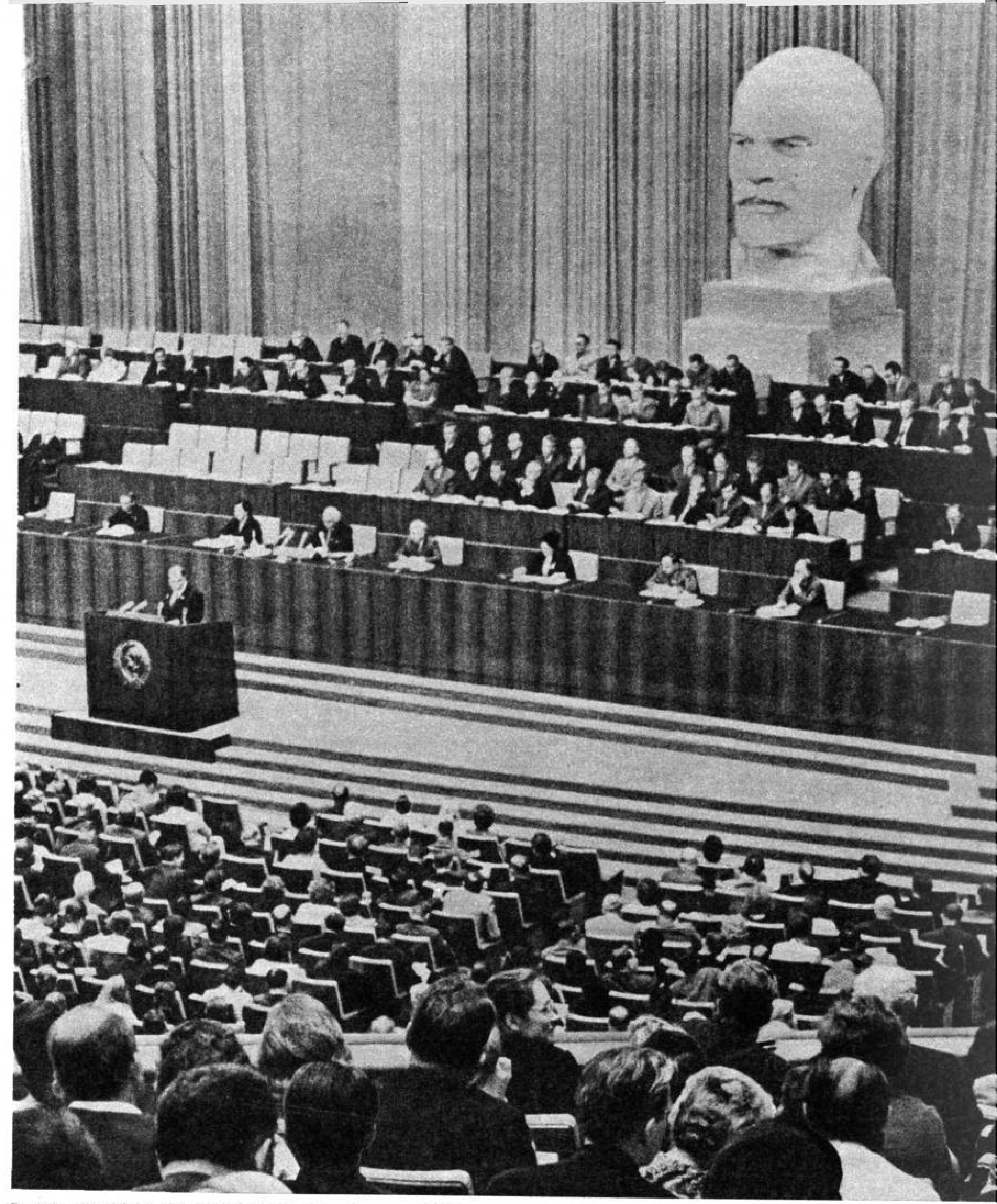
Потом она повела нас к себе домой, согрела чан с водой, выкупала, остригла, накормила и отправила по домам.

С тех пор прошло более двадцати лет. После школы я стал работать в пригородном совхозе и, работая, получил высшее образование. Сейчас занимаюсь научными исследованиями в области геоботаники. Мой друг Анзор Билашвили окончил институт и теперь заканчивает аспирантуру в Ленинграде. Георгий Тхинвалели — шофер, Нодар Кванталиани — портной, Гиви Вачиридзе работает в Потийском городском хозяйстве. Все вышли в люди.

А наша учительница Вера Виссарионовна Гогиашвили, с которой мы все эти годы не теряем связи, стала слепнуть. Нет, она не сидит сложа руки. В своем родном селении Меджврис-Хеви она открыла замечательный народный музей, подарила сельской библиотеке несколько тысяч своих книг. Она продолжает собирать музыкальный фольклор и делать множество бескорыстных, добрых дел.

Все мы пятеро были на ее юбилее, в Тбилисском Дворце пионеров и школьников. Я даже произнес, чего со мной не бывало никогда, речь в стихах. Я говорил о нашем неоплатном долге перед ней. Я говорил, что если в здание коммунизма каждый из нас вкладывает по своим силам кирпичик, то я стараюсь вложить два: один из них за нашу дорогую Веру Виссарионовну.

Автандил ЧХИКВАДЗЕ,
научный сотрудник Института ботаники Академии наук Грузинской ССР

В зале заседаний IV сессии Верховного Совета СССР седьмого созыва.

Фото А. Гостева.

25 июня в Москве начала работу IV сессия Верховного Совета СССР седьмого созыва.

На повестке дня сессии:

1. О состоянии медицинской помощи населению и мерах по улучшению здравоохранения в СССР.

2. О проекте Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье.

3. О международном положении и внешней политике Советского Союза.

4. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.

Тепло встретили присутствующие товарищей **Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, П. Е. Шелеста, В. В. Гришина, П. Н. Демичева, Д. А. Кунаева, П. М. Машерова, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидова, Д. Ф. Устинова, В. В. Щербицкого, К. Ф. Катушева, Ф. Д. Кулакова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева**, а также заместителей Председателя Президиума Верховного Совета СССР, секретаря Президиума Верховного Совета СССР, членов Президиума Верховного Совета СССР, членов правительства СССР.

Совместные командно-штабные учения армий стран Варшавского Договора проходят с 20 июня на землях Польши, Чехословакии, ГДР, Советского Союза. Командует учениями главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора Маршал Советского Союза И. И. Якубовский. Цель этих учений — дальнейшее укрепление боевой готовности Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского Договора, их слаженности для совместных действий против агрессоров.

Полковник
Иван СИДЕЛЬНИКОВ,
заместитель главного
редактора газеты
«Красная звезда»

ЩИТ СОЦИАЛИЗМА

В штаб руководства учениями прибыл Президент ЧССР генерал Л. Свобода (в центре). Справа — Маршал Советского Союза И. И. Якубовский, слева — министр национальной обороны ЧССР генерал-полковник М. Дзур.

Встреча советских и чехословацких воинов.

Фото Н. Сергеева.

Около двух лет тому назад нам, нескольким советским военным журналистам, довелось побывать в Чехословакии. О многом интересном узнали мы в этой стране во время встреч с чехословацкими друзьями. Рабочий одного из городов ЧССР, что на границе с Западной Германией, поведал нам о таком, казалось бы, на первый взгляд смешном случае.

Как-то в дом этого рабочего зашел западногерманский турист. Уже немолодой, но еще пышущий здоровьем. Поначалу спросил, как, мол, живете, как идут семейные дела. Потом, набравшись, так сказать, храбрости, внимательно осмотрел комнаты, обвел взглядом стены, потолки, окна, двери и говорит хозяину: «Я сейчас дам вам тысячу двести крон и попрошу вас израсходовать их на ремонт дома. Этот дом принадлежал нашей семье. Нам пришлось... оставить его тогда... в 1945-м. Но мы еще вернемся сюда. Вернемся. Понимаете? И чтоб дом был в порядке».

Вряд ли стоит говорить, что произошло дальше. Западногерманский «турист» еле унес ноги. И заканчивал он свое турне на автомашине... с выбитыми стеклами.

— Эти недобитые фашисты и неонацисты,— сказал с возмущением рабочий в заключение рассказа,— спят и во сне видят, как снова сядут на нашу шею, вернутся туда, откуда их вышвырнули в сорок пятом. Но черта с два! Не те времена теперь! Мы не одиноки. Мы вместе с Советским Союзом. А это многое значит. Верно я говорю?..

Об этом рассказе рабочего я вспомнил сейчас, когда на землях Польши, Чехословакии, ГДР, Советского Союза идут совместные командно-штабные учения вооруженных сил Варшавского Договора — тех самых вооруженных сил, которые в руках братских народов служат мечом и щитом социализма, стражем свободы, независимости, безопасности нашего великого, навеки возведенного социалистического, интернационального дома и дома того чехословацкого рабочего, в который мечтает возвратиться реваншист.

Варшавский Договор, как известно, был заключен в 1955 году, то есть спустя десять лет после окончания второй мировой войны. Чего только не писала западная реакционная печать об этом Договоре! Сколько усилий приложили многие империалистические политики и идеологи, чтобы убедить общественное мнение в «агрессивности», «экспансионистских устремлениях» участников Варшавского Договора. Однако реальная действительность, ход событий камня на камне не оставили от этой идеологической спекуляции империалистической пропаганды.

Когда кончилась вторая мировая война, народы всего мира надеялись, что ее итоги послужат серьезным уроком для тех, кто привык грабить, покорять чужие страны, кто мечтал и мечтает о «мировом господстве». Но... Не успели погаснуть пожарища закончившейся войны, не успели люди очистить города и села от страшных развалин и привести в порядок могилы павших в борьбе с германским фашизмом, как над миром вновь появились тучи военной опасности и свободолюбивые народы вновь очутились перед угрозой нового, на сей раз ядерного мирового пожара. И, как всегда, эта опасность исходила от

мира разбоя, насилия, агрессии — от империализма.

Империалистические державы, и прежде всего США, взявшие на себя роль мирового жандарма, сразу же после войны развернули бешеную гонку вооружений. Из года в год увеличивалась численность их армий. Наполнялся оружием невиданной разрушительной силы американский «ядерный погреб». А в 1949 году новые претенденты на «мировое господство» во главе с США создали военный блок капиталистических стран — организацию, именуемую Североатлантическим пактом (НАТО). Как грибы после дождя, начали расти различные американские военные базы. И, конечно,— вокруг социалистических стран. А потом один за другим появились другие военно-агрессивные блоки.

Но это не все. Пока народы судили фашистских кровавых палачей, чьи руки обагрены кровью узников Освенцима, Дахау, Бухенвальда, кровью миллионов невинных жертв, американские империалисты и их союзники возродили милитаризм в Западной Германии, раздули там зловещее пламя реваншизма, ввели в должностные штаты своих блоков и союзов недобитых гитлеровских генералов. «Венцом» этого черного и позорного дела явилось включение Западной Германии в тот же агрессивный военный союз НАТО.

Только наивные простаки могли воспринять все это как безопасное недоразумение, на которое можно глядеть сквозь пальцы. Впрочем, и буржуазная пропаганда из кожи вон лезла, чтобы изобразить НАТО и прочие капиталистические военные блоки как самые что ни на есть «мирные» и «благопристойные» организации.

Но для народов, для прогрессивных людей всей планеты стало совершенно ясно: империализм создает чудовищную военную машину для новой войны против Советского Союза, против стран, вставших на путь социализма, против национально-освободительного движения.

Советский Союз и другие братские социалистические страны, учитывая усиливающуюся военную опасность, вынуждены были противопоставить объединенной вооруженной мощи империалистических держав объединенную вооруженную мощь государств социалистического содружества. В этих целях и был заключен Варшавский Договор.

Заключение этого Договора явилось сокрушительным ударом по агрессивным планам реакционных империалистических кругов. Варшавский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи объединил все усилия братских социалистических стран, направленные на укрепление оборонного могущества мировой системы социализма. В лице боевого содружества социалистических государств и их армий народы мира увидели силу, способную обуздать, сокрушить любого агрессора. С этим вынуждены согласиться и господа империалисты, любители военных авантюр. Уже не раз активные действия стран Варшавского Договора заставляли империалистических агрессоров отказываться от своих разбойничьих замыслов. Навсегда ушли в прошлое те времена, когда империализм, пользуясь своим военно-техническим превосходством, не опасаясь серьезных поражений, мог безнаказанно диктовать народам свою волю, предпринимать военные прогулки то в одном, то в другом уголке земного шара.

Иногда встречаются люди, которые, не вникая глубоко в суть международной обстановки и политики империализма, склонны дискутировать по вопросу о том, нужен или не нужен сейчас Варшавский Договор, Объединенные вооруженные силы стран — участниц этого Договора. При этом они ссылаются на необходимость покончить с делением мира на противоположные военные группировки.

Но кто не знает, что социалистические государства никогда не являлись и не являются сторонниками существования таких группировок. Они выступали и выступают за коллективную безопасность в Европе и в других районах земного шара. Но вполне понятно, что до тех пор, пока империалистические государства будут наращивать свою военную мощь и угрожать социалистическим странам, будет нужным, будет существовать и укрепляться Варшавский Договор.

Империалистические правящие круги, идеологи империализма не прочь порассуждать о своем «миролюбии», «стремлении» к добрососедским отношениям. Но их действия, политика говорят о противоположном. Так, например, военные расходы НАТО в 1967 году составляли 100 миллиардов долларов — то есть выросли в пять раз по сравнению с 1949 годом. Американские войска дислоцируются в 100 странах и районах мира. На чужих территориях США имеют более 2 200 различных военных объектов, включая авиационные и военно-морские базы. На тех же чужих территориях находится более 1,5 миллиона американских военнослужащих.

В главный плацдарм агрессии империализма превращена Западная Германия. Именно здесь сосредоточено основное ядро вооруженных сил НАТО. Это 550-тысячная армия бундесвера во главе с бывшими гитлеровскими генералами. Это более чем 200-тысячная американская армия, многие тысячи американских ядерных бомб, зарядов и ракет, а также самолетов, танков... Натовские стратеги разработали недавно так называемую «пятилетку» наращивания военной мощи Североатлантическим пактом.

Не для показных, конечно, парадов создали империалистические союзники многочисленные, вооруженные до зубов армии. Не от безделья проводят они одно за другим учения, маневры войск НАТО вблизи границ социалистических стран. Западногерманские реваншисты не скрывают своих намерений «переиграть» итоги второй мировой войны, осуществить новый «поход на Восток». Неофашистское отребье в ФРГ до хрипоты орет о том, что оно, видите ли, «живет не на той улице», что ему, как в свое время и бесноватому фюреру Гитлеру, недостает «жизненного пространства». Они уже сейчас не прочь бы проглотить Германскую Демократическую Республику, раздавить Чехословакию, Польшу и другие социалистические страны.

Но... «не те времена теперь», как сказал чехословацкий рабочий. Военное могущество стран Варшавского Договора — непреодолимая преграда на пути империалистических агрессоров. Любая попытка преодолеть эту преграду вооруженным путем закончится крахом всей системы империализма. Империалистическая реакция не может не считаться с этим. Не отказываясь от планов и надежд на уничтожение мира социализма вооруженным путем, империалистические круги сосредоточили свои усилия на идеологической борьбе против социалистического содружества. С помощью различного рода идеологических диверсий империализм пытается расколоть единство социалистических государств, противопоставить их одно другому, и особенно — Советскому Союзу. Империалистическая реакция всеми средствами стремится экспортировать в лагерь социализма идеологию буржуазного национализма, шовинизма, обливая при этом грязью пролетарский интернационализм, интернациональную солидарность народов и армий братских социалистических стран.

Убеждать империалистических заправил и идеологов в бесполезности этих занятий — пустое, разумеется, дело. Ведь они считаются только с силой. Ну, а сила — на стороне социалистического содружества. Сила экономическая, морально-политическая и военная. Сила единства, интернациональной сплоченности, сотрудничества и боевого братства.

Коммунистические и рабочие партии социалистических государств неукоснительно воплощают в жизнь идеи и принципы пролетарского интернационализма. Следуя ленинскому завету, они выковали и неустанно укрепляют действительно **добровольный союз** наций — союз, основанный на полнейшем доверии, на сознании братского единства, на добровольном согласии, на полном равноправии. Какую бы область сотрудничества социалистических государств мы ни взяли — политическую, экономическую, научно-техническую, культуру,— в каждой из них гармонически сочетаются национальные и интернациональные задачи, интересы всего социалистического содружества.

На этих принципах основано и военное сотрудничество стран Варшавского Договора. Коммунистические и рабочие партии коллективно, совместными усилиями, с учетом международной обстановки, реальных материальных возможностей определяют пути и задачи укрепления боевой мощи вооруженных сил, обороноспособности своих государств. В руководстве марксистско-ленинских партий, в их интернациональной политике военного строительства — главный источник силы, непобедимости, нерушимого единства и боевого сотрудничества братских социалистических армий. Не случайно империалистическая пропаганда так рьяно атакует незыблемый принцип руководящей роли марксистско-ленинских партий в социалистическом обществе вообще и в вооруженных силах в частности.

Не так давно, например, американская газета «Нью-Йорк таймс», излагая явно провокационный перечень вопросов, которые, по ее мнению, надо «иметь в виду», изучая положение в некоторых социалистических странах, называет и вопрос «об отказе коммунистических партий от монополии на власть и санкционировании создания оппозиционных (читай — буржуазных, контрреволюционных.— И. С.) партий».

Напрасно господа из «Нью-Йорк таймс» изобретают подобные «советы». У народов социалистических стран, воинов их армий имеется достаточно прочное, незыблемое убеждение насчет руководящей роли коммунистических и рабочих партий. Под их руководством они покончили с капитализмом, построили и совершенствуют новый, социалистический мир. Под их руководством выкована и совершенствуется несокрушимая обороноспособность социалистических государств. Марксистско-ленинские партии, братские народы стран социализма всегда помнят завет В. И. Ленина о необходимости их военного союза. Вот почему военный союз социалистических государств укрепляется братскими партиями, народами социалистического содружества по всем линиям, всеми средствами.

Армии Варшавского Договора располагают грозной боевой техникой и оружием. На страже безопасности социалистических государств находится ракетно-ядерная мощь СССР. За время существования Варшавского Договора выработаны многие формы сотрудничества союзных армий, направленные на укрепление их боевой мощи и боеготовности. Одной из таких весьма важных и действенных форм являются совместные учения. Такие из них, как «Октябрьский штурм», «Влтава», «Маневр», «Родопы», проведенные за последние годы, показали, что боеготовность Объединенных вооруженных сил находится на высоком уровне и отвечает современным требованиям. Командование, штабы братских армий умеют мастерски организовывать взаимодействие всех родов войск и вести боевые действия в широких масштабах, в любой оперативно-тактической обстановке. Учения явились убедительной демонстрацией верности воинов социалистических армий своему интернациональному долгу, их нерушимого единства и сплоченности.

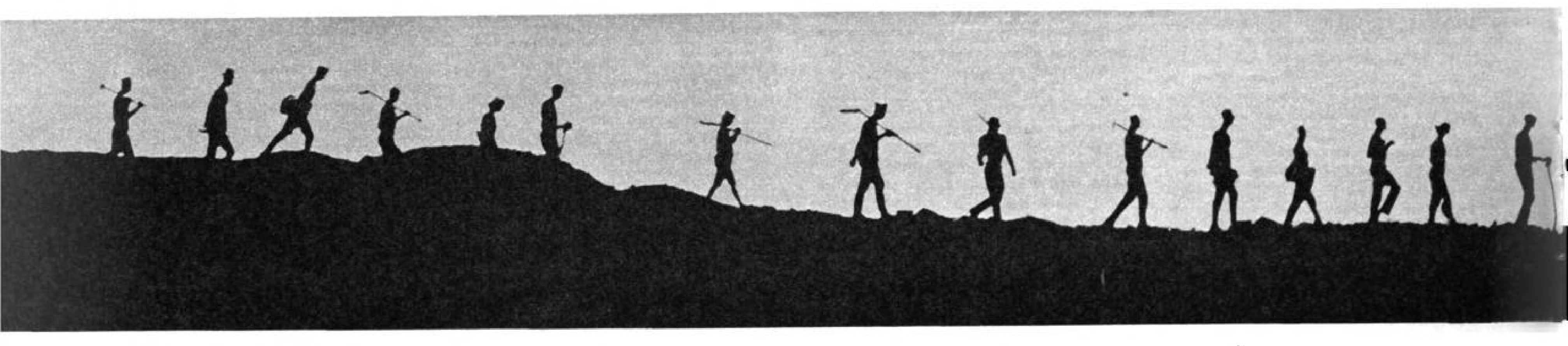
То же можно сказать и о нынешних, совместных командно-штабных учениях. Эти учения развеяли в прах злостные попытки империалистической пропаганды изобразить их как «грубое вмешательство» одних социалистических стран во внутренние дела других социалистических стран. Буржуазная челядь все мерит на свой, империалистический аршин и с помощью этого аршина хочет вбить клин во взаимоотношения между странами Варшавского Договора. Но от этих приемов всегда остается один лишь зловонный запах...

Если говорить о вмешательстве во внутренние дела других стран, то давно известно, что этим реакционным делом освящена вся кровавая история империализма. И не только история. И сегодняшняя империалистическая действительность. Это американский империализм ведет разбойничью, варварскую войну против свободолюбивого вьетнамского народа. Не без содействия американских империалистов распоясались израильские агрессоры, не прекращающие военные авантюры против арабских народов.

Советский Союз и другие социалистические страны помогали и будут помогать героическому народу Вьетнама в его справедливой войне. Они помогали и будут помогать всем народам, борющимся за свою свободу и независимость. Это их интернациональный долг, их священная обязанность перед всеми революционными силами современности.

У народов и армий социалистических стран единая цель — построение, защита социализма и коммунизма. У них единое знамя — знамя марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма. Во имя высоких целей, под революционным, гордо реющим знаменем, под руководством марксистско-ленинских партий братские народы твердо и уверенно идут вперед, к новым свершениям, к торжеству коммунистических идеалов. И идут в сплоченном боевом строю. Они непобедимы, как непобедимо великое интернациональное дело коммунизма.

МЫ ЗНАЕМ — ГОРОД

Трудовой семестр начался...

— Присядем, друзья, перед дальней дорогой.

Ю. КРИВОНОСОВ,
В. ТИХОМИРОВ

Фото авторов.

Деловой шум перрона на Казанском вокзале в эти дни часто заглушается праздничными маршами. Так бывает каждый июнь вот уже десять лет. Юбилей! В год празднования пятидесятилетия Ленинского комсомола вузовская молодежь страны начинает десятое целинное лето.

Гудит перрон, поет перрон, хохочет, танцует. Десять лет назад все было потише.

— Нас тогда было триста тридцать девять человек,— рассказывает первый командир первого студенческого отряда Сергей Литвиненко, пришедший проводить студентов МВТУ.— Физики! Строить? В университете над нами смеялись, не верили. А теперь только из Москвы тридцать тысяч едет на стройки Казахстана, Сибири, Якутии...

270 тысяч студентов страны укладывают сейчас рюкзаки.

Если бы собрать вместе все, что построено студентами за девять лет, то получился бы город такого масштаба, как Караганда, или Хабаровск, или Львов. А задание на это лето равно сумме всех работ за прошедшие девять лет, то есть будет еще один город! Так решили отметить студенты юбилей комсомола. Такой уж они народ: трудолюбивый, боевой, энтузиасты, как и их отцы, строившие Комсомольск и Магнитку. Учебник, мастерок, лопата, руль грузовика подвластны им.

Были у отрядов за эти годы «общие объекты»: дома для Ташкента, полевой госпиталь сражающемуся Вьетнаму... В этом году ленинградские студенты-железнодорожники предложили спроектировать и построить новый пионерский комплекс — сибирский «Артек».

— Есть у нас этим летом и еще один «общий объект»,— вступает в разговор «министр иностранных дел» студентов Володя Зубарев.— Уже несколько лет подряд заработок одного дня мы отдаем в фонд помощи Вьетнаму. Это стало традицией, и мы будем следовать ей до полной победы вьетнамского народа.

Рядом с нашими ребятами будут работать студенты из Болгарии, Польши, Чехословакии, Венгрии, Югославии, ГДР и Монголии. Большое трудовое студенческое братство!

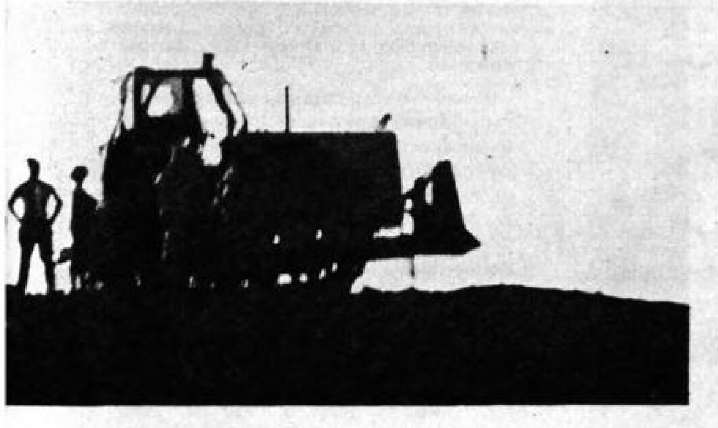

Ей в другую сторону...

Последний глоток московского молока...

БУДЕТ!

Мишка на счастье.

Командир первого студенческого отряда Сергей Литвиненко.

На вокзале довольно шумно...

Уходят эшелоны...

С „ИНТЕРНАЦИОНАЛОМ...“

К 75-летию Вальтера Ульбрихта

Два города — Берлин и Лейпциг — вручили Вальтеру Ульбрихту грамоту о присвоении Почетного гражданства. И с тем и с другим городом связаны многие страницы его жизни. В Лейпциге 30 июня 1893 года Вальтер Ульбрихт родился, там ходил в народную школу, учился ремеслу столяра-краснодеревщика, там вступил в члены Социалистической рабочей молодежи, а позднее — в СДПГ. Он стал членом группы Либкнехта, вел антивоенную работу в кайзеровской армии, попал за решетку.

Потом была Ноябрьская революция, Карл Либкнехт с балкона берлинского дворца провозгласил свободную Социалистическую Республику Германию. Ульбрихт участвовал в создании рабочих и солдатских Советов в Лейпциге, в основании КПГ. В Лейпциге он руководил борьбой против путча Каппа. В Лейпциге его избрали депутатом ландтага Саксонии.

Друг и соратник Эрнста Тельмана, секретарь ЦК КПГ и руководитель берлинских рабочих, депутат рейхстага, представитель КПГ в исполкоме Коминтерна, Ульбрихт всюду, куда его направляла партия, с энергией и страстью профессионального революционера, марксиста-ленинца боролся за будущее Германии, за то будущее, о котором мечтали Маркс и Энгельс, которое провозгласил 9 ноября 1918 года Либкнехт и которое в те времена расстреляли батальоны рейхсвера. Расстреляли при поддержке и с одобрения социал-демократических бонз, духовных отцов нынешнего позорного финала превращения СДПГ в пристяжную в правительственной упряжке ХДС. И не удивительно, что правое социал-демократическое руководство в Бонне содрогается от недоброжелательства и неприязни, когда речь заходит об Ульбрихте: его жизнь и его работа коммуниста и государственного деятеля — это самое красноречивое обвинение тем, кто, объявив марксизм устаревшим, из окопов классовой борьбы перебрался в прихожую западногерманского монополистического капитала.

Ульбрихт никогда не покидал передовой: была ли это нелегальная работа в нацистской Германии, антифашистская деятельность в Париже или Москве, были ли это героические дни Сталинградской битвы. Он находился среди тех, кто спасал доброе имя Германии, втоптанное в грязь кованым сапогом вермахта.

Когда 1 Мая 1942 года, в День международной солидарности трудящихся, 40 немецких военнопленных начали занятия в антифашистской школе под Москвой, в числе первых учителей были Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Эрих Вайнерт. Школа была создана по предложению ЦК Компартии Германии. В ее учебной программе были основные вопросы марксизма-ленинизма, германская история, общественное развитие в Советском Союзе.

В моей библиотеке есть небольшая, скромно изданная книжка, называется она: «Легенда о «германском социализме». Год издания — 1945-й. Автор — Вальтер Ульбрихт. Убедительный, точный, глубокий анализ режима, который именовался «национальным» и «социалистическим». Из 100 немцев 1924 года рождения 25 погибли или пропали без вести, 33 были тяжело ранены и стали нетрудоспособными, 5 были легко ранены. Только 37 из 100 не получили увечий, если не считать жестокой духовной травмы, не учтенной статистикой. Таковы были итоги 12-летнего существования «тысячелетнего рейха».

12 и 13 июля 1943 года в Красногорске, недалеко от Москвы, в одном из лагерей для военнопленных состоялось учредительное собрание Национального Комитета «Свободная Германия», в числе его руководителей был и Вальтер Ульбрихт. Шла упорная, ни на час не прекращающаяся борьба за человеческие души. Немецкие антифашисты, коммунисты сражались вместе с советским народом, чтобы в 1945 году рухнул фашизм, чтобы в 1949 году была провозглашена ГДР, чтобы в 1968 году могла быть принята конституция, первая статья которой открывается словами: «Германская Демократическая Республика есть социалистическое государство немецкой нации. Ее столицей является Берлин».

Среди памятных событий послевоенных лет в Восточной Германии совершенно особенное, исключительное место занимает объединение Коммунистической и Социал-демократической партий. 22 апреля 1946 года Вильгельм Пик и Отто Гротеволь обменялись тем самым рукопожатием, о котором сегодня говорят: «историческое». Председательствующий на съезде Вальтер Ульбрихт ставит на голосование основной вопрос: кто за решение об объединении обеих партий в Социалистическую единую партию Германии, прошу поднять мандат. Единогласно. В зале гремит «Интернационал». Ульбрихт выступает с заключительным словом: «Необходима только о д н а социалистическая единая партия, ибо существует только о д и н научный социализм, существует только одно учение Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Необходима только о д н а социалистическая единая партия, ибо существует только о д и н путь, который ведет к достижению общей великой цели — социализма».

Очень трудным был путь из горящего Берлина мая 1945 года, ощетинившегося скелетами погибших домов, города, где люди выстраивались в очередь у советских походных кухонь, в Берлин сегодняшний, цветущую, яркую столицу Германской Демократической Республики, одной из ведущих промышленных держав планеты.

«Она рванулась вперед, как пушечное ядро» — это сравнение из репортажа о ГДР, опубликованного недавно во Франции газетой «Монд дипломатик». Анализируя успехи социалистического германского государства, автор Жорж Паншенье пишет: «По мнению многих наблюдателей, нечего было возлагать какие-либо надежды на Германскую Демократическую Республику, «зону», как ее пренебрежительно именовали в Бонне, представляя дело так, что есть одна процветающая, индустриальная Германия — либеральная и другая — экономически слабая и угнетенная. Прошли годы, и пораженный мир увидел подъем, равного которому не знает послевоенный период. Если слово «чудо» принимать всерьез, то именно в применении к ГДР оно наполняется настоящим смыслом». Паншенье подробно пишет о новой экономической системе планирования и руководства экономикой. Ее идеи были обоснованы в докладе Вальтера Ульбрихта на совместной экономической конференции ЦК СЕПГ и Совета Министров ГДР в июне 1963 года. Новая экономическая система оказывает сегодня исключительное воздействие на все развитие республики, не только в области «чистой» экономики.

Каждый год народные предприятия ГДР привозят на традиционные ярмарки в Лейпциге лучшее, что они выпускают, и там сравнивают это с лучшим, что предлагают другие страны. Каждый год около полумиллиона ученых, инженеров, техников, экономистов, рабочих ГДР проходят эту лейпцигскую академию научно-технической мысли. Я не помню случая, чтобы Вальтер Ульбрихт пропустил хотя бы одну Лейпцигскую ярмарку. Он приезжает туда со штабом советников и экспертов, и его осмотры меньше всего напоминают протокольные визиты. Идет работа. Самое лучшее, что создано человеческой фантазией и сверхсовременными машинами, не должно оставаться просто выставочным экспонатом. Это закон ГДР. Непреложный.

Жить инициативно, напряженно, творчески, доказывать ежедневно и ежечасно свое умение и право руководить, доказывать конкретными, осязаемыми результатами, в постоянном поиске, острой и широкой дискуссией нащупывать наилучшие решения — вот метод работы, который Социалистическая единая партия Германии и Первый секретарь ее ЦК Вальтер Ульбрихт утверждают и в партийных решениях и в повседневной практике. И если с 1950 по 1966 год национальный доход увеличился втрое, если республика занимает второе место в мире по производству химической продукции на душу населения, если буквально каждый месяц входят в строй новые заводы, где хозяин — автоматика, если города республики — это нескончаемая строительная площадка, если давно уже забыли обыватели повторявшееся в свое время шепотком выражение: «У них апельсины, у нас социализм», — то во всем этом, в тысячах и тысячах примет, характеризующих сегодняшнюю жизнь ГДР, результат работы Ульбрихта и его коллег. Базой для новой экономической системы было теснейшее сотрудничество с Советским Союзом, сотрудничество двух государств, создавших новые нормы межгосударственных отношений.

«Ничто не может быть более успешным, чем успех» — есть и такое выражение в немецком языке. Конечно, успех ГДР, СЕПГ, ее ЦК не исчерпывается стремительными темпами развития экономики. Имеются и свои заботы, но главная победа рабоче-крестьянского государства, его партии, его руководства состоит в том, что выросло новое поколение людей, и интернационализм в их жизни — основа основ. Сегодняшние двадцатилетние считают Вальтера Ульбрихта примером и образцом для себя. В нем видят старшего товарища, за плечами которого гигантский опыт немецкого и международного рабочего движения, жаркие классовые схватки, несгибаемая принципиальность, замечательная традиционная пролетарская солидарность, не растерянная в долгом и напряженном пути. В нем видят неутомимого борца за единство рабочего класса, за единство международного коммунистического и рабочего движения.

У Вальтера Ульбрихта — авторитет коммуниста, для которого дружба с Советским Союзом — жизненная потребность. Авторитет человека, который последовательно, настойчиво и умело делает свою большую работу для ГДР, для немецкого народа, для мирового пролетариата.

Генрих ГУРКОВ

Берлин.

Г. Безукладников. КОЛХОЗНЫЕ ДАЛИ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА «МОЕ ПОДМОСКОВЬЕ». 1968.

А. Бузовкин. АНДРЕЙ РУБЛЕВ.

ЭТО ОН, ЛЯПУНОВ!

Таким он был на фронте.

Уважаемая редакция!

Недавно секретарь партийного бюро нашего предприятия поручил мне подготовить фотовитрину. Где взять цветные снимки? Можно в журнале «Огонек».

Просматриваю комплекты журнала. В № 35 за 1965 год я увидел фотоочерк о Сибирском отделении Академии наук СССР. Мое внимание привлекла одна фотография. Уж очень знакомое лицо! Под снимком подпись: «Лекцию по теории множеств читает член-корреспондент Академии наук СССР Алексей Андреевич Ляпунов». Так и есть! Это он! Двадцать три года прошло с того времени, когда Алексей Андреевич покинул наш полк. Не было тогда у него этих морщин около глаз, не было бороды. Не было и такого высокого ученого звания. Но уже и тогда был он кандидатом физико-математических наук. А по должности — командир топовзвода.

Ляпунов прибыл к нам в полк осенью 1943-го. В то время мы стояли на левом берегу Днепра, против Херсона. Высокий, черноусый, в поношенной шинели и в ботинках с обмотками, он в первое время вызвал у нас недоумение: лейтенант, солидный такой человек и почему-то в обмотках? Ведь офицеры ходили в сапогах. Что ж, разве Ляпунову сапог не хватило? Через несколько дней, когда мы ближе познакомились со своим командиром взвода, он сам ответил на наш вопрос:

— Ботинки с обмотками удобнее. В сапогах идешь по траншее — песок, земля в голенища сыплется. На марше в ботинках с обмотками тоже лучше: нога затянута, вроде легче становится... А при большой грязи мне приходилось даже терять сапог. Перешли, помню, дорогу. Ступил я на травку и вижу на правой ноге грязную, размотавшуюся портянку. Где же сапог? Оглянулся назад, а он на середине дороги в грязи сидит...

Незначительный, кажется, случай, а вот запомнился мне. Может быть, потому запомнился, что умел лейтенант интересно рассказывать. Алексей Андреевич был человеком веселым, добрым. В трудной, сложной, порой очень опасной обстановке шуткой, метким словом умел он ободрить людей.

Алексей Андреевич до войны жил и работал в Москве. Осенью 1941 года он ушел на фронт с батальоном ополченцев Академии наук СССР. До прихода к нам был дважды ранен, побывал в госпитале. Наши старшие командиры сразу поняли, что это за человек: на должность командира топографического взвода офицера лучше не найдешь.

Топопривязку батарей, наблюдательных пунктов, подготовку исходных данных для стрельбы мы стали выполнять во много раз быстрей и значительно точней, а это повышало действенность артогня дивизиона. Перед большими наступательными операциями Алексей Андреевич руководил подготовкой огня не только для своего дивизиона, но и для полковой артиллерийской группы.

Ляпунова кое-кто в полку называл человеком рассеянным. Но мне кажется, что скорее тут подошло бы слово «увлеченность». Увлекшись работой, целиком и полностью отдавшись какому-либо делу, он мог забыть все остальное. Не напомни, например, ему, что подошло время обеда, он, занятый вычислениями, может и сутки проработать без пищи. Надо Ляпунову отправиться из штаба на НП. Дорогу он знает, но лучше с ним послать солдата: погруженный в свои мысли, он может не попасть на НП.

Алексей Андреевич работал точно, аккуратно. Помню, «привязывали» мы наблюдательный пункт. За опорную исходную точку можно было взять перекресток дорог, обозначенный на карте. Он был рядом. Но Ляпунов сказал:

— Перекресток дорог — точка слишком расплывчатая. При большом движении она вообще может смещаться. За исходную точку возьмем вон ту высотку.

До высоты надо идти около километра по болотистой местности. К тому же по высоте периодически били гитлеровские минометы. Пришлось, как говорят, попотеть, но зато привязка наблюдательного пункта была выполнена точно. Мы, солдаты, не только уважали, но и любили командира взвода, по-сыновьи заботились о нем — без всяких на то указаний и даже вопреки его совету «думать о работе, а не о личности командира взвода».

Ляпунов в трудных фронтовых условиях работал над изобретением прибора для засечек батарей противника по звуку выстрела. У него была большая сумка, заполненная бумагами с расчетами, схемами. Он собирал различные трофейные артиллерийские приборы, изучал их.

В 1945 году из Восточной Пруссии Алексей Андреевич уехал в отпуск в Москву. Это было в феврале. Ему надо было показать свою работу над прибором, проконсультироваться. Через 20 дней он вернулся, а следом пришел приказ об откомандировании старшего лейтенанта А. А. Ляпунова на преподавательскую работу в одну из московских академий. С тех пор видеть его мне не пришлось. Впервые встретил его вот теперь, в журнале.

Р. Трусов, майор запаса

Рига.

* * *

После того, как редакцией было получено письмо Р. Трусова, корреспондент «Огонька» побывал в Новосибирске и встретился с Алексеем Андреевичем Ляпуновым.

...Я навестила его в больнице: сердце. Дежурная сестра, выдававшая халат, строго оглядела меня: «Работать Ляпунову нельзя, сообщать ему неприятные известия тоже нельзя».

Я ее заверила, что все будет в порядке: несу не печальные, а радостные вести — привет от боевого товарища.

— Никогда не забудутся те военные годы,— говорит Алексей Андреевич.— Я ведь тоже помню Романа Трусова. Он был секретарем комсомольской организации нашего полка. Так он теперь майор? Тогда был старшим сержантом... Да, да, такой очень молоденький старший сержант. А топограф прекрасный, гораздо опытнее меня, своего командира. При мне был ранен, но не лег в госпиталь. Уверял, что ранение легкое, лечился на месте...

О себе Трусов ничего не пишет,— после недолгого молчания говорит Ляпунов.— А мне бы так хотелось узнать, как он жил эти четверть века, где работал, как семья. Чуть-чуть поправлюсь, сам ему напишу, а пока вы уж спросите у него от моего имени. А самому Роману Петровичу сердечный привет. Спасибо за память.

Ляпунов опять замолкает, видно, заново переживает те дни, о которых ему напомнило письмо боевого товарища.

В больничные окна рвется щедрая на солнце сибирская весна, на столе чуть покачивается веточка цветущего багульника.

— Ученики привезли с Байкала,— заметив мой взгляд, объясняет Ляпунов.

Может быть, именно среди этих учеников я видела Алексея Андреевича, кажется, совсем недавно. Он стоял бодрый, здоровый и что-то чертил на классной доске. А кругом с восторгом смотрели на него «фымышата»— воспитанники Новосибирской физико-математической школы. Об этом своем детище ученый может рассказывать часами. И о системе организации, где на ученика смотрят не как на сосуд, который надо наполнить, а как на факел, который надо зажечь, и о самых юных Ньютонах и Ломоносовых, собравшихся сюда, в центр Сибири, со всего Советского Союза. Ляпунов — один из организаторов и, если можно сказать, теоретиков этой школы, ей он отдает много сил. Приходится только удивляться, как он находит для всего время. Научные исследования в Институте математики, студенты в Новосибирском университете, семинары, и... ФМШ, лекции, беседы с учениками.

Сейчас временно врачи запрещают ученому работать, но когда я вошла в палату, то увидела, как двое молодых людей в испуге стали засовывать в объемистые портфели какие-то рукописи, исписанные цифрами и формулами.

— Это не врач,— успокоил их Ляпунов, а мне объяснил:— Вот, работаю понемногу, это полезно.

Раз уж «Огонек» пришел но мне с приветом от друга, то и у меня будет к журналу просьба,— говорит, прощаясь, ученый.— В июле этого года мы хотим собраться всем полком в Евпатории. Съездить на Перекоп, за Турецкий вал, где воевали вместе, освобождали Крым. Вспомнить бои, погибших... Встречу организует полковник Наливайко из военкомата в Баку. Мы не знаем адресов всех. Напишите в журнале, пусть откликнутся товарищи и свяжутся с Наливайко. Я тоже приеду, обязательно приеду, если здоровье позволит.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Идет беседа о поиске исследователя, о научном творчестве, о таинствах математики. Алексей Андреевич Ляпунов внимательно следит за первыми шагами в науку «фымышат».

Фото А. Николаева.

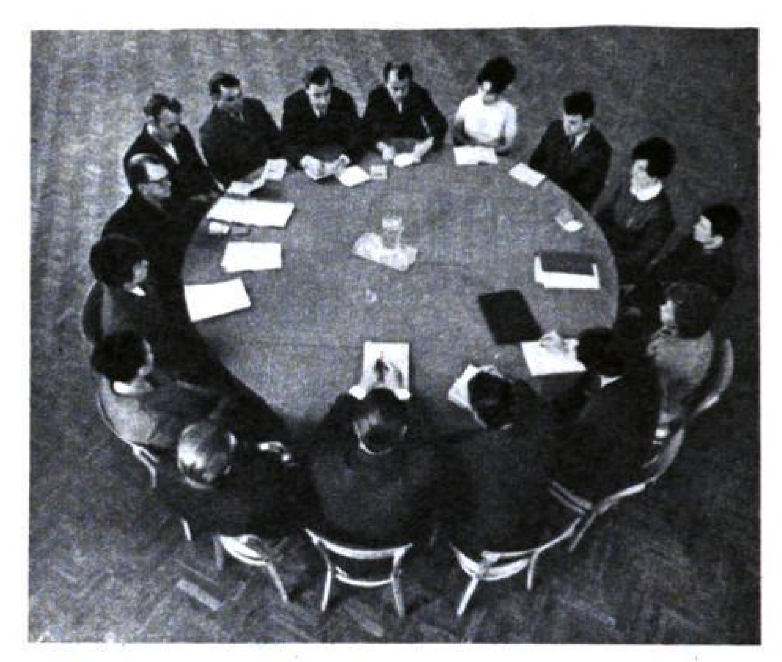
Старые города имеют наследство — мастеровых людей, традиции, памятники. У молодых городов наследства нет. Солигорск молодой. Находится он в Белоруссии. Ему в августе исполнится десять лет. Построен в чистом поле, если не считать деревню Чижевичи, которая началом города никак не была, а просто очутилась под боком у огромной стройки и теперь остается на правах пригорода.

А началось все с того, что в здешних местах нашли фантастически богатые запасы калийной соли. За первым калийным комбинатом создали второй, теперь строится третий. За ними торопится город.

Вот несколько строк из его биографии:

> Начало ему положено 10 августа 1958 года. Население сейчас — около 40 тысяч. Представлены тут почти 30 национальностей. По рождаемости Солигорск на одном из первых мест. Средний возраст жителей 27 лет.

А как выглядит молодой город? Хорошо ли, удобно ли живется в нем? Как заботятся тут о людях, как строят, торгуют, шьют, причесывают? Пекутся ли о культуре, об отдыхе? Чтобы выяснить эти типичные для молодых городов проблемы, чтобы помочь их решить, редакция «Огонька» провела в Солигорске беседу за «круглым столом». Беседу начал секретарь горкома партии Иван Адамович Кулевский, предложив собравшимся высказать свои мысли о солигорском житье-бытье.

«Круглый стол» в Солигорске.

И спрос и запросы навырост

Заместителю председателя горисполкома Г. А. Ванкевичу за «круглым столом» было задано много сложных вопросов.

— Сначала не грех и похвастаться, тем более когда найдется чем.— **Заместитель председателя Солигорского горисполкома Геннадий Александрович Ванкевич** рассказал, как много сделано за небольшой сравнительно срок. Уже есть 210 тысяч квадратных метров жилья, не считая почти двухсот индивидуальных домов; открыты три средние школы, два профтехучилища, горный техникум; город обзавелся комбинатом бытового обслуживания, механической прачечной, ателье, мастерскими, 17 столовыми, рестораном, кафе; в распоряжении жителей 15 библиотек, кинотеатр, клуб строителей, профилакторий, больничный городок... А в заделе — Дворец культуры горняков, фабрика трикотажа для белья, стадион, бассейн...

— Разбег взят уверенный,— завершает свой рассказ Г. Ванкевич.— Вот только бы проблемы кое-какие решить. Сложные есть проблемы. Особенно вопрос местного бюджета. Как ни странно, до сих пор мы его не имеем и целиком зависим от руководителей калийного комбината и строительных организаций. Дадут они деньги на городское хозяйство — спасибо, нет — не взыщи. А нужд у города уйма. Кто построит жилье для транспортников, для работников торговли, предприятий бытового обслуживания? Да что там жилье! Деревьев, кустарников насадили, а ухаживать-то за ними никто не ухаживает: нет зеленхоза и не имеем пока возможности создать...

Действительно странно! Город вырос, а его хозяйство вести, по существу, некому. (Что ж остается — ждать милости от природы?!) Между прочим, это «детская болезнь» многих нынешних молодых городов. По законам времени они рождаются теперь возле комбинатов, гидроэлектростанций, рудников, приисков и «отцами» их — хотят они того или нет — становятся директора предприятий, начальники строек... Хорошо, если «отец» по-отцовски покровительствует городу, если ему есть дело и до скамеек в сквере, и до светильников на улицах, и до павильонов на рынке. А если нет? Если «отец» — лишь ворчливый резонер, благодетель по настроению?.. Солигорских руководителей к таким не отнесешь. И тем не менее, когда узнаешь, что в городе нет, например, ни одной машины для уборки и поливки улиц, делается как-то неловко за всех, кто имеет и к улицам и к машинам прямое ли, косвенное ли — неважно! — отношение. Очевидно, республиканские и областные власти не вправе все-таки без конца надеяться на благодеяния даже очень состоятельных «патронов». Городу, тем более современному, не пристало ходить в иждивенцах.

Главный архитектор Солигорска Геннадий Михайлович Шарый продолжил мысль о типичности (причем явно не идущей на пользу) становления молодых городов:

— Они почти все на одно лицо. Как близнецы. Стандартные дома, стандартная планировка улиц. Зачастую при проектировании не учитываются ни география края, ни особенности ландшафта, ни возможности применения тех или иных материалов... И это, пожалуй, неизбежно, пока все проекты идут из одного центра. Я считаю, что город должен иметь свою архитектурно-проектную мастерскую, руководимую «Белгоспроектом», однако имеющую право творчески влиять на формирование облика города. Тогда мы, не сомневаюсь, быстрее изгоним из практики принцип: «получайте проекты, стройтесь, а потом разберемся». Нет, разбираться надо, пока не поздно. Строить красиво с первого же дома — таков должен быть закон. Легко переделать клумбу, витрину, вывеску... А здания или целый квартал — ну-ка!

— Беда еще и в том,— добавляет **Валерий Васильевич Петров, руководитель производственной группы отдела архитектуры горисполкома,**— что и стандартные проекты не всегда реализуешь в срок. В микрорайонах у нас предусмотрены девятиэтажные дома, но для них требуются специальные панели. А здешний завод железобетонных изделий их не дает и не обещает в ближайшие два-три года. Мало того, что рушится план застройки, жители страдают, потому что именно в девятиэтажных домах запланированы магазины, пункты бытового обслуживания.

Чем дальше шел разговор, тем отчетливее вырисовывалась в нем важнейшая тема — специфика молодого города. Участники беседы, каждый по-своему, подчеркивали, как важно учитывать эту специфику. И в большом и в малом.

Домохозяйка Валентина Сергеевна Непочелович:

— Мне нравится, как торгуют в Солигорске, особенно продоволь-

ственными товарами. Все обычно бывает свежее. Обслуживают быстро, вежливо. В магазин «Спутник» ходишь всегда с удовольствием. Хорошо, что открыли у нас «Кулинарию»: хозяйкам огромное облегчение. Нравится и то, что принимают предварительные заказы на товары, доставку на дом практикуют. Но вот особенности города почему-то не всегда учитывают. Возьмите одежду. Город-то наш шахтерский, мужчины все больше крупные, одевать их по комплекции не так-то просто: не хватает в магазинах одежды нужных размеров. Мой муж не раз жаловался: «Зайдешь — примерить нечего...»

— Я тоже о специфике,— включается в беседу **Юрий Егорович Шашков, начальник технологического сектора горной группы рудника 1-го калийного комбината.**— Сейчас добирался сюда и полчаса стоял на автобусной остановке. Обычное явление. А каково зимой горнякам: поднимутся они наверх, душ примут после смены и зябнут на улице в ожидании автобуса. Мы пытались выяснить, в чем тут дело. Оказывается, много машин в простое, запасных частей не хватает. И никто не учитывает, что у нас металл быстрее снашивается, поскольку сильвинит попадает на почву, в воздух и ускоряет коррозию. Стало быть, городу иные лимиты на машины, на запчасти нужны...

Тут же подает реплику **машинист комбайна с 1-го калийного комбината Валерий Евгеньевич Романовский:**

— Столовая круглосуточная в городе необходима. Люди с шести утра на смену идут. Позавтракать не всем удается.

— Мы над всем этим думаем,— отвечает машинисту и домохозяйке **директор горпищепромторга Иван Александрович Терещук,**— а вот в областных организациях, в Министерстве торговли республики нам не всегда идут навстречу. Опять же наши особенности. Шахтеры — народ с высокими заработками, и мы резонно просили для них больше автомобилей, дорогих телевизоров, ковров, мебели... Город новый, не совсем еще благоустроен, на резиновую обувь спрос высокий... Нам же все планируют, как и старым, сложившимся городам. Наши условия нельзя не учитывать, когда идет речь о строительстве торговых складов, овощехранилищ. Мы сейчас торгуем, как правило, с колес. Причем за колбасой гоняем машины в Волковыск — без малого 300 километров в один конец, за пельменями в Пинск—450, хотя гораздо ближе к нам Минск, Барановичи, Бобруйск...

Работница стройуправления 123 Александра Владимировна Гуринович просит директора горпищепромторга позаботиться о том, чтобы в городе торговали репродукциями с картин великих художников, эстампами. Подруги по общежитию наказали ей напомнить за «круглым столом», что эпоха русалок, романтично разбрасывавших по клеенке оранжевые кудри, кончилась.

Терещук записывает просьбу строителей и продолжает разговор.

— Новый город с первых лет своей жизни должен показывать пример культуры обслуживания... Кое-что нам удалось сделать. Мы ищем новые формы обслуживания покупателей. Едва ли не первое в республике детское кафе, отделы самообслуживания, бюро добрых услуг—все это приметы современных городов...

Спирин Федор Степанович, директор комбината бытового обслуживания:

— Поддерживаю Терещука насчет примет современного города. Солигорск еще очень молод, и он со свойственной молодости напористостью должен пробивать дорогу всему, что украшает быт человека. Мы устраиваем выставки образцов изделий, конкурсы парикмахеров, показываем новые моды. Вошло в традицию в канун Нового года развозить по домам подарки детям. Подкатит дед-мороз к подъезду — у ребят торжество великое... Но знаем, что есть еще и немало претензий в наш адрес. Справедливых претензий. Дел еще много...

Парикмахер Земфира Алексеевна Полуянович, председатель городского совета Союза спортивных обществ и организаций Александр Гаврилович Лихолап, ратуя за город добрых традиций, рассказывали о вкладе своих товарищей по труду в спортивные победы Солигорска, в его умение хорошо отдыхать.

— Я тоже о традициях... Вернее, против некоторых традиций,— сказала **Тамара Васильевна Платонова, инженер производственно-технического отдела стройуправления 123.**— Давайте подумаем, как плохим, ненужным традициям конец положить. Такие у нас тоже, к сожалению, бывают. Придите вечером в кафе. Там только мужской пол представлен, и все больше по части возлияния. Для женщины считается почти неприличным появиться вечером в кафе. Но позвольте, кафе не пивная. Видно, городу нужны и пивной бар и закусочные, а в кафе приходят, чтобы побеседовать, журнал почитать, потанцевать...

Между прочим, высказанное инженером Платоновой имеет отношение не только к кафе. В молодой город неизбежно проникает и дурное. Случайные люди привозят скверные привычки, замашки ухарей-купцов, повадки хулиганов, и только очень высокоразвитое чувство гражданина, чувство патриота города, противопоставленное наносному, грязному, способно быть своего рода заставой, надежной и верной. Как воспитать такое чувство? Правильно говорили участники беседы: всем строем, всем укладом жизни, без скидок на провинцию, на трудности роста, на удобную чиновничью формулировку: «Руки не доходят»... Вспоминали чеховское, тысячи и тысячи раз повторенное: «В человеке все должно быть прекрасно...». Вспоминали и переиначивали: «...в юном городе...» И подчеркивали одно непременное условие: и внутренняя культура — тоже, внутренние красота и богатство — непременно! Показатель того, что город стремится к духовному обогащению,— несколько тысяч учащихся, в том числе огромный отряд рабочих-студентов.

— Только в одном Московском горном институте,— **напомнила моторист 1-го калийного комбината Галина Степановна Кривальцевич,**— с нашего комбината около трехсот человек учится. Занимаются старательно, жадно. Что касается претензий, выскажу их от своего и от их имени. Очень мало технической литературы в городе — и в библиотеках и в магазине. И еще. Консультационный пункт горного института просим восстановить, а то Белорусский политехнический институт взял нас на попечение, но все внимание лишь своим заочникам... По три месяца контрольные работы туда и обратно ходят...

* * *

...Раздумья, предложения, пожелания... Заинтересованность, украшенная мечтой... Признательность за сделанное для города и в то же время неудовлетворенность недоделанным, непродуманным, халтурным... Полезный разговор! Редакция полагает, что он продолжится в Госплане, в Госстрое БССР, в республиканских министерствах, в Минском облисполкоме... А журнал будет периодически возвращаться к тем проблемам, которые подняли солигорцы. Тем более что, как мы уже сказали, эти проблемы типичны и для других новых городов.

Репортаж со встречи за «круглым столом» вел А. ЩЕРБАКОВ, собкор «Огонька»
Фото Д. Ухтомского.

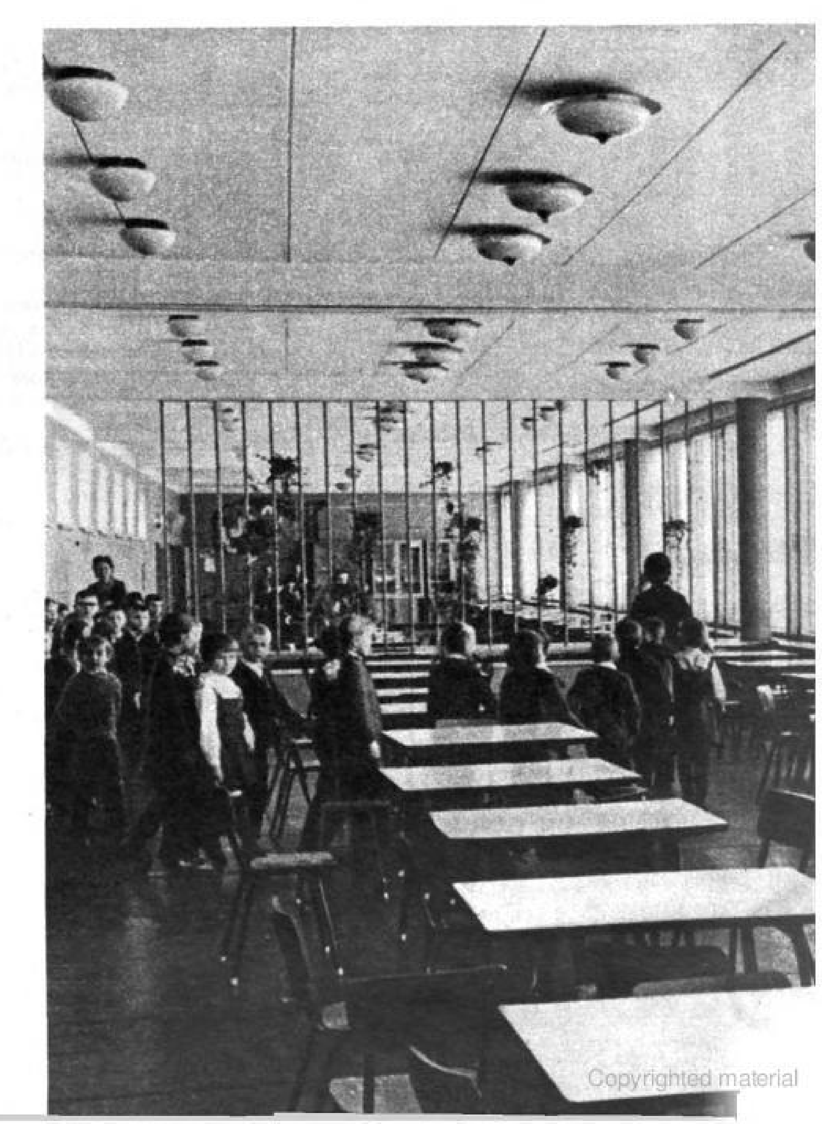
Таким он будет завтра.

Самая обычная операционная самого обычного больничного городка.

Школьная столовая.

Евг. ЕВТУШЕНКО

Новые ст

* * *

Проклятье века — это спешка,
и человек, стирая пот,
по жизни мечется, как пешка,
попав затравленно в цейтнот.

Поспешно пьют, поспешно любят,
и опускается душа.
Поспешно бьют, поспешно губят,
а после каются, спеша.

Но ты хотя б однажды в мире,
когда он спит или кипит,
остановись, как лошадь в мыле,
почуяв пропасть у копыт.

Остановись на полдороге,
доверься небу, как судье,
подумай — если не о боге —
хотя бы просто о себе.

Под шелест листьев обветшалых,
под паровозный хриплый крик
пойми: забегавшийся — жалок,
остановившийся — велик.

Пыль суеты сует сметая,
ты вспомни вечность наконец,
и нерешительность святая
вольется в ноги, как свинец.

Есть в нерешительности сила,
когда по ложному пути
вперед на ложные светила
ты не решаешься идти.

Топча, как листья, чьи-то лица,
остановись! Ты слеп, как Вий.
И самый шанс остановиться
безумством спешки не убий.

Когда шагаешь к цели бойко,
как по ступеням, по телам,
остановись, забывший бога,—
ты по себе шагаешь сам!

Когда тебя толкает злоба
к забвенью собственной души,
к бесчестью выстрела и слова,—
не поспеши, не соверши!

Остановись, идя вслепую,
о население Земли!
Замри, летя из кольта, пуля,
и бомба в воздухе, замри!

О человек, чье имя свято,
подняв глаза с молитвой ввысь,
среди распада и разврата
остановись, остановись!

КАИНОВА ПЕЧАТЬ

Памяти Р. Кеннеди

Брели паломники сырые
в Мекку по серой Сирии,
скрюченно
и поломанно
передвигались паломники —
от наваждений и хаоса
каяться,
каяться,
каяться...
А я стоял на вершине
грешником нераскаянным,
где некогда
(не ворошите!)
Авель убит был Каином.
И — самое чрезвычайное
из всех сообщений кровавых,
слышалось изначальное:
«Каин,
где брат твой Авель?»
Но вновь голоса фарисейские,
фашистские,
сладкозлодейские:
«Чтó вам виденья отжитого?
Да,
перегнули с Авелем.
Конечно, была ошибочка,
Но в общем-то путь был
правилен...»
А я стоял на вершине
меж праотцев и потомков
над миром,
где люди вершили
растленье себе подобных.
Безмолнийно было,
безгромно,
но камни взывали ребристо:
«Растление душ бескровно,
но это — братоубийство!»
И мне представился каменный
угрюмый детдом,
где отравленно
кормят детеныши каиновы
с ложечки ложью —
авелевых.
И проступает алая,
когда привыкают молчать,
на лицах детей Авеля
каинова печать...

А я на вершине липкой
стоял,
ничей не убийца,
но совесть библейской уликой
шептала:
«Тебе не укрыться!
Свой дух растлеваешь ты ложью,
и дух крошится,
дробится.
Себя убивать —
это тоже
братоубийство!
А скольких женщин ты сóслепу
в пути разбросал, как распятья,—
ведь женщины — твои сестры,
а это больше, чем братья!
Что стоят гусарские тосты
за женщин?
Бравада,
отписка.
Любовь убивать —
это тоже
братоубийство!
И чьи-то серые,
карие
глядят на тебя без пощады,
и вечной печатью каиновой
ко лбу прирастают их взгляды...»
Я вздрогнул:
совесть — потише.
Ведь это же несравнимо,
как сравнивать цирк для детишек
с кровавыми цирками Рима...
Но тень изможденного Каина
возникла у скал угловато,
и с рук нескончаемо капала
кровь убиенного брата.
«Взгляни —
мои руки кровавы,
а начал я с детской забавы.
Крылья бабочек бархатных
ломал я из любопытства.
Все начинается с бабочек,
а после —
братоубийство!
Что вечности звездной,
безбрежной
ты скажешь,
на суд ее явленный,—
конечно же, я не безгрешный,
но в общем-то путь мой правилен!
Ведь это возводят до истин
все те, кто тебе ненавистен,
и человечиной жженой
«винстоны» пахнут
и «кенты»[1],
и пуля,
пройдя сквозь Джона,
сражает Роберта Кеннеди.
И бомбы землю бодают,
сжигая деревни пламенем,—
конечно, в детей попадают,
но в общем-то путь их правилен...
Все начинается с бабочек,
после доходит до бомбочек...
Никто не сможет отмыться —
и кровь на руках будет карою.
Единственное убийство
священно —
убить в себе Каина!»

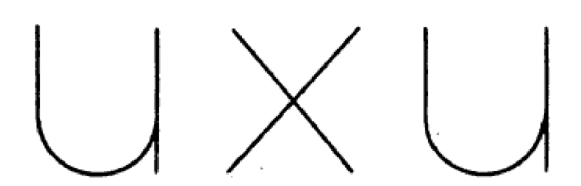
И я на вершине липкой
у вечности перед ликом
разверз свою грудь неприкаянно,
душа
в зародыше
Каина.
Душил я все подлое, злобное,
все то, что могло быть подло,
но крылья бабочек сломанные
соединить было поздно.
А ветер хлестал наотмашь,
невидимой кровью намокший,
как будто страницы библии
меня
по лицу
били...

Дамаск — Москва. 1967—1968 гг.

[1] Сорта американских сигарет.

ШАХМАТЫ МЕКСИКИ

Безвольное солнце.
Безвольная пыль на дороге сомлела.
Безвольного марева звон,
и безвольного буйвола стон.
Безвольно качаясь, куда-то плывут за сомбреро сомбреро —
и первый пеон,
и второй пеон,
и третий пеон,
и четвертый пеон.
«Пеон» по-испански крестьянин.
Второе значенье — пешка,
а жертвовать пешкой безгласной —
всех шахматных партий закон.
И грустные шахматы Мексики,
это над вами насмешка,
и первый пеон,
и второй пеон,
и третий пеон,
и четвертый пеон.
Кусочки крестьянской земли,
словно клетки жестокой доски этих шахмат.
И вами, герои мачете,
играют с далеких времен
те руки, какие ничуть
рукояткой соленой мачете не пахнут...
Эх,
первый пеон,
и второй пеон,
и третий пеон,
и четвертый пеон.
Как жаль, что неровна доска!
Хорошо бы сровнять эти горы, к примеру!
Мешают играть.
Да и пальмы и хижины — вон!
И смерть вас кладет
в свое черное, словно беззвездное небо, сомбреро,
вас, первый пеон,
и второй пеон,
и третий пеон,
и четвертый пеон.
Предательство пешки!
Стряхнули с доски Эмильяно Сапату и Панчо.
Ведь пешка, сыгравшая роль,
не нужна господам-шахматистам потом.
Вас вовремя всех убирают
железный кулак
или два очень ласковых
пальца —

вас, первый пеон,
и второй пеон,
и третий пеон,
и четвертый пеон.
О, сколько пеонов легло,
«Кукарачу» еще недопевших!
Не вышли они в проходные.
Подножки со всех сторон.
Внутри вас молчат короли,
затаенно погибшие в пешках,—
и первый пеон,
и второй пеон,
и третий пеон,
и четвертый пеон.
Но в Мексике или где-то
игра лишь тогда чистая,
когда среди прочих фигур —
сомнительно важных персон —
нет более важной фигуры,
чем пешка, простая, честная,
чем первый пеон,
и второй пеон,
и третий пеон,
и четвертый пеон.
Когда же изменятся правила?
Ответ, словно в ножнах мачете.
Молчат, ощетинясь, кактусы.
Молчит, накалясь, небосклон.
Когда же изменятся правила?
Ответьте. Что ж вы молчите,
и первый пеон,
и второй пеон,
и третий пеон,
и четвертый пеон?!

...Да здравствует пятый!

Мексика.

У РИМСКОЙ ЗАБЫТОЙ ДОРОГИ

У римской забытой дороги
недалеко от Дамаска
мертвенны гор отроги,
как императоров маски.

Кольца на солнце грея,
сдержанно скрытноваты,
нежатся жирные змеи —
только что с Клеопатры.

Везли по дороге рубины,
мечи из дамасской стали,
и волосами рабыни,
корчась, ее подметали.

В язвах богини Венеры,
панцирями одетых,
шагáли легионеры
с лицами, как на монетах.

Еще не ставшие щебнем,
покачивались колесницы,
подобные гнутым гребням
в прическе императрицы.

Плиты дороги были
крепко рабами сбиты,
будто в дорогу вбили
окаменевшие спины.

Изнемогая от солнца,
мазью натершись этрусской,
с чашей лимонного сока
мыслил патриций обрюзглый:

«Пусть от рабочей черни
лишь черепа да ребра,
мы не умрем, как черви,
и не умрет дорога...»

И мыслил араб-строитель,
покорно бивший кувалдой,
но все-таки раб строптивый,
но все-таки раб коварный:

«Думая лишь о плоти,
вы позабыли бога.
Значит, и вы умрете,
значит, умрет и дорога...»

Сгнивали империи корни.
Она, расползаясь, зияла,
как сшитое нитками крови
лоскутное одеяло.

Опять применяли опыт
улещиванья и пыток,
кровью пытались штопать,
но нет ненадежней ниток!

С римского лицемерия
спала надменная тога,
и умерла империя,
и умерла дорога.

Пытались прибегнуть к подлогу.
Твердили, что в крови, когда-то
пролитой на дорогу,
дорога не виновата.

Но дикой травы поколенья
с ней счеты сводили крупно.
Родившая преступленья,
дорога — сама преступна.

И всем палачам-дорогам
и всем дорогам-тиранам
да будет высоким итогом —
высокая плата бурьяном!

Так думал я на дороге,
теперь для проезда закрытой,
дороге, забывшей о боге
и богом за это забытой.

Дамаск — Москва.
1967—1968 гг.

ПЕТУХ В БЕЙРУТЕ

Во мгле перемазаны, будто в мазуте,
мерцали ограды железные прутья,
покрыты гусиною кожей росы,
когда на какой-то застывшей минуте
меж ночью и утром я вышел в Бейруте
из дома, где в пахнущем драмой уюте
два глаза на стебле с надломом росли.

Кружило мне голову плавно, кальянно.
Шуршала листва, как страницы корана,
и ветви сплетались в арабскую вязь,
и город, как будто бы не был — казался
и вместе со мною кальянно качался,
уже расхмелев, но и не протрезвясь.

И в нем и во мне нераспознанно жалась,
как вор в темноте, предрассветная жалкость,
и женская горькая светобоязнь,
как будто лучи, по-ребячьи жестоки,
все наши морщины, все складки, отеки,
где прячутся старость, грехи и пороки,
потащат, камнями швыряясь, на казнь.

И город, в загадку играя устало,
позорно хотел, чтобы не рассветало.
Стыдливостью таинства страх извинял,
боясь, что при свете окажется жуток
в опухшей безгримности лиц проституток,
в лохмотьях калек и бесстыдстве менял.

Но вдруг, сокрушая и крыши и горы,
с чьего-то балкона, как с точки опоры,
веревкой прихваченный около шпоры,
щитами приросшими крыльев звеня,
взвыл первый петух торжествующе, дико.
Глаза его брызнули в небо от крика,
как будто ракеты: «Огонь на меня!»

И грянул рассвет, оглушительно грянул,
и крошечным знаменем гребень багряный
над городом гордо себя распрямил...
О, может быть, высшая в мире свобода —
приветствовать солнце еще до восхода
и солнце из глотки выталкивать в мир!

И мгла, открывая реальность, линяла.
Да, шли проститутки, калеки, менялы,
и рыскали жирные крысы в порту,
но город напрасно рассвета боялся —
ведь то, что скрывает по трусости язвы,
скрывает по глупости и красоту.

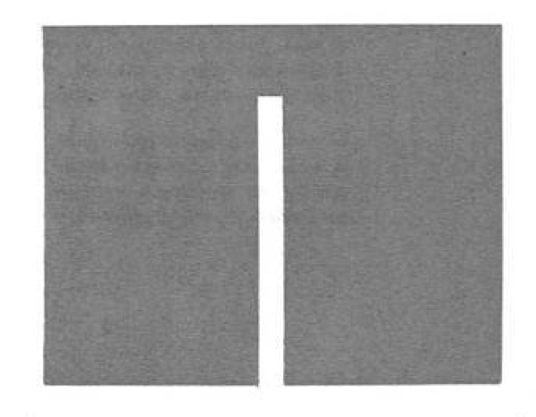
Прекрасен был дервиш, подобный пророку,
с лицом восковым, обращенным к востоку,
на коврике драном творящий намаз.
Прекрасными были маслин продавщицы,
над гомоном купли-продажи, как птицы,
блестя непродажно маслинами глаз.

И этого города разоблачитель —
немножко мятежник, немножко учитель,
немножко неверный, немножко аллах,
прекрасен был сам в своих перьях атласных
и в мыслях о курицах нежных и страстных,
которыми утренний ветер запах.

И только владелец-торговец заплывший,
греховным вином полфазана запивший
и впрок голубями набивший живот,
ворчал, одеяло таща к подбородку,
что надо горлана бы на сковородку,
а то правоверным он спать не дает...

Бейрут — Москва. 1967—1968 гг.

Г. АНФИЛОВ,
М. КОНСТАНТИНОВСКИЙ

ОЗНАН

Сережа Сироткин рассказал нам о своем изобретении. Речь шла о новом принципе составления программ для обучающей машины «Одема». Не стоит излагать суть предложения — слишком это долго. Достаточно сказать, что оно остроумно и неожиданно, на уровне тех, что публикуются в научных журналах и обсуждаются на конференциях.

Голос изобретателя звучал глуховато. Учитель физики Альвин Валентинович Апраушев иногда повторял Сережины слова, чтобы нам было понятнее. Дело в том, что для Сережи не существует звуков. Он глух. Звуковая речь для него — это тщательно заученная последовательность движений губ, языка, гортани. Сережа лишен и зрения. Со своими товарищами он разговаривает, быстро прикасаясь пальцами к ладони собеседника.

Семнадцатилетний изобретатель — один из воспитанников Загорского дома слепоглухонемых детей, учебного заведения, единственного в своем роде не только у нас в стране, но и во всем мире.

Тут все по-домашнему. Много солнца, очень чисто. Рядом с нарядными спальнями — учебные классы.

На переменах беготня, игры. Но тихо. Беззвучные диалоги — в ладони. Многообразное красноречие прикосновений. Вот малыш дотронулся до тебя — и тотчас отдернул руки: чужой! Но любопытство побеждает, следует деликатное обследование на ощупь, и приветливая ладошка ложится на твое плечо: признал, поздоровался.

Подул легкий ветерок — включился по сигналу часов маленький вентилятор. Это «звонок» на урок. Такие вентиляторы всюду: в классах, в спальнях, в столовой. «Ветерку» подчиняется распорядок дня.

А он строг, этот распорядок. Мы пробыли в Загорской школе с утра до вечера и не видели у ребят безделья.

Очень много учения. Воспитанники проходят программу средней школы — всю, за исключением иностранного языка, в полном объеме.

Уроки выглядят непривычно. Вот русский язык. Занятия идут одновременно с тремя учениками. Учительница диктует рукой, вложенной в руку ученика. Он печатает диктант на машинке для слепых — быстро-быстро набирает «аккорды» букв, и на плотной бумаге оттискиваются фигурные точечные строки. Другой ученик в это время выполняет упражнение, третий пишет сочинение (ребята умеют печатать не только на брайлевской машинке, но и на обычной — зрячей).

Результаты очень неплохи. Грамотность высокая.

Хорошо идет литература. Одно из заданий — помечтать о том, что бы ты сделал, если бы нашел волшебную палочку. Читаем наудачу несколько сочинений. Фантазия разнообразна, характеры авторов как на ладони. Вот поэтичная сказка: река, гладкий струящийся песок на пляже, трепещущая «живая» палочка, которую находит в песке героиня, и из палочки вырастает всемогущий богатырь... Это написала Наташа Корнеева.

Наташа пишет и стихи. Вот несколько строк из стихотворения, которое она перепечатала на машинке и подарила нам:

На улице темно, лишь окна
яркo светятся.
Сегодня Новый год со Старым
годом встретится.
В окошки заглянув, увидишь
елки яркие.
Сегодня Новый год, он всем
принес подарки...

Другие уроки — геометрия (зубчатым колесиком проводятся выпуклые линии), физика (прибор с осязаемым сигналом, характер которого зависит от яркости света,— изучают законы оптики), география (рельефный глобус, выпуклые карты, макеты). Биология — это походы в лес, на реку, выращивание растений. То и дело экскурсии в музеи, где перед ребятами распахиваются застекленные витрины. Все можно трогать, «осматривать» руками. Наконец, каждый день физкультура, вплоть до катания на лыжах и коньках.

Рядом с учением дела общественные, жизнь в коллективе. В старшей группе четверо комсомольцев. Комсомольская работа настоящая, по самой высокой мерке этого слова. Вообразите комсомольское собрание: четверо сидят за телетакторами, докладчик, нажимая клавиши, выступает, другие «слушают» пальцами очередь выскакивающих штифтов. Потом прения. Повестка дня традиционна: отчет комсорга, работа с малышами (об этом заботятся как нигде), стенгазета.

Да, есть тут и стенгазета. Листки с выпуклым шрифтом — статьи о походах, общественной работе, прочитанных книгах, вплоть до критики в адрес одного «относительного лентяя» (таких, к слову сказать, почти нет). «А еще пионер!» — так кончается эта заметка.

Библиотека. Книги пообъемистее обычных («Молодая гвардия» Фадеева — двенадцать толстых томов). Как в любой библиотеке — завсегдатаи. Например, Саша Суворов увлекается историей и часами скользит пальцами по книжным строкам.

Маленькая мастерская в подвале. Инструктор по труду Дмитрий Назымович Андрианов, сетуя на тесноту и нехватку оборудования, показывает свое хозяйство. Тиски, верстаки, инструменты. Выпиленные лобзиком фанерные фигурки животных — верблюд, олень, медведь. Изящная подставка для цветов работы Вити Красноперова. Трехметровая деревянная ракета. Если снять кожух, видны грузовой и пассажирский отсеки, кабина космонавтов со специальными креслами, приборная доска. Такая модель украсила бы любую выставку детского технического творчества.

В застекленном шкафу фигурки из пластилина. Лепят все ученики: это важная часть учебного процесса. Лепка — превосходная проверка адекватности представлений о предметах, их истинной форме. Юля Виноградова летом гостила в родной деревне, а вернувшись, вылепила по памяти избу и хлев так точно и живописно, что просто диву даешься. Явно выделяются работы Юры Лернера. Сложная пространственная композиция — «Штурм Зимнего». Мост — это Юра вылепил после экскурсии к Хотьковскому мосту. Лазил там, все ощупал, простукал палкой, промерил расстояния шагами.

У многих старшеклассников на руках элегантные часики (с откидывающейся крышкой, чтобы ощупывать стрелки). Покупают их ребята на собственные трудовые деньги: по заказу местной артели слепых выделывают на станочках английские булавки.

Разве не замечательно, что семнадцатилетний Фаниль Султанов, потерявший зрение и слух в полуторагодовалом возрасте, теперь материально помогает родителям, у которых еще четверо детей! На каникулы в родное башкирское село он ездил на заработанные деньги, даже оплатил дорогу отцу. И сейчас — нарушим тайну вклада — на сберкнижке у него 170 рублей. А ведь попал Фаниль в школу всего три года назад.

Когда родители привезли Фаниля в интернат и услышали от педагогов: «Года через два-три ждите письма от сына»,— они не поверили. Они не верили, что мальчик станет говорить, читать, писать.

Через два года пришло первое письмо. Настал день — Фаниль вошел в отчий дом и сказал: «Здравствуй, мама». Мать заплакала.

Мы видели только что привезенного новичка. Десятилетний мальчик сидел — нет, не на стуле, а на специально постеленном коврике. Сидел как-то странно, «не по-человечески». Стоять, ходить он не мог. Руки висели как плети. Он ничем не интересовался, ничего не пытался охватить или ощупать, не брал поданные предметы. Так сидеть он мог часами. На лице никакого выражения. Улыбаться, хмуриться его надо специально учить, но до этого еще далеко.

Время от времени он начинал качаться из стороны в сторону — организм стихийно удовлетворял потребность в движении. Высовывал язык, бил по нему рукой. Потом снова оцепенение. Вывести из него могла лишь крайняя степень голода — тогда он впал бы в ярость.

Зрелище тягостное.

Здесь, в школе, его предстоит сделать человеком.

Как же? Каким способом? И самый первый вопрос: с чего начать, как подступиться к этому скованному, бессознательному существу?

«Период очеловечивания» продлится годы. Опытнейший воспитатель (в данном случае Н. Д. Ежкова) будет поднимать и опускать новичка, поддерживая его. Десятки, сотни раз. И с каждым разом поддержка будет уменьшаться. Чтобы не падать, он вынужден научиться стоять. Так его научат и сидеть. Его будут водить за руку — он научится ходить, избегать препятствий. Его заставят и приучат спать в кровати, да так, чтобы руки непременно лежали поверх одеяла (иначе не уснешь). Его будут кормить ложкой, зажатой в его же руку. В длинной смене простых движений он разучит все стадии самостоятельной еды при помощи ложки.

Постепенно наш новичок усвоит элементы человеческого поведения. Придет срок — он станет и одеваться, и обуваться, и пользоваться мебелью, туалетом, кроме ложки, освоит тарелку, чашку, салфетку.

В это время у новичка обязательно появятся простейшие жесты — первые средства общения между ним и педагогом. О развитии средств общения нам подробно рассказал здешний научный руководитель А. И. Мещеряков.

Характерное прикосновение к ноге мальчика при одевании послужит для него условным сигналом: надо надеть носок. И, ощутив жест педагога, он это сделает самостоятельно. В руку вложена ложка — надо есть.

Постепенно жесты-прикосновения становятся все более условными сигналами. Обозначают не только действия, но и предметы, схематизируются. Число их множится вместе с умножением числа вещей, вводимых в обиход. Мозг начнет впитывать информацию. Там возникнет чудесное действие — зарождение логически связанной системы сигналов, первые проблески обобщений. Дотронувшись до какой-нибудь части ложки, ребенок не станет ощупывать ее целиком: форма знакома!

Так появляется **сигнальность восприятия**, без которой невозможно развитие психики.

...И вот уже у мальчика рождается **потребность в общении**. Он обретает великий дар любопытства. Отныне все новые предметы, всех новых людей он **сам** будет стремиться ощупывать. Станет запоминать их. Тут начнутся и первые уроки лепки...

Таково «очеловечивание» — через предметы нашей материальной культуры, через наш стиль поведения, через общение с людьми. Не будь этого периода, слепоглухонемой ребенок не стал бы человеком. Ведь и обычное дитя не рождается человеком, оно имеет лишь наследственную возможность превратиться в него. Вне общения с людьми нет личности — известно, что у детей, попавших к животным, не было человеческой психики, хоть они видели и слышали (сказка о Маугли не более чем красивая ложь). Но если обычные дети очеловечиваются «сами», незаметно, в повседневном подражании старшим, то у слепоглухонемых это достигается ценой гигантского и кропотливейшего педагогического труда, сложенного из тысяч мелочей, насыщенного каждодневным упорством, не дремлющим ни минуты вниманием, бесконечной добротой.

Что же будет после «периода очеловечивания»?

Нашего новичка (уже, впрочем, далеко не новичка) будут учить языку, словам. Причем — надо подчеркнуть! — обязательно тем словам, которые обозначают хорошо знакомые ему предметы и действия. Педагог воспользуется сформированным у мальчика языком жестов и заменит упрощенные жестовые движения дактильными словами (то есть словами из букв, образуемых по-разному сложенными пальцами). Вот пример.

ИЕ НА ОЩУПЬ

Жест «мама» — это поглаживание по щеке. Ребенку объясняют (жестами): не делай так (гладят по щеке), а делай так (из пальцев последовательно складывают буквы «м-а-м-а», вложив руку в руку ребенка). Воспитатель настойчив — и постепенно ребенок примиряется с новым обозначением мамы.

Так «методом троянского коня» новичка приучат к десяткам «неудобных жестов» — слов, составленных из букв. Сперва они будут равноправны с обычными жестами. Но мало-помалу слов станет больше. Когда ребенок практически овладеет всем алфавитом, то есть привыкнет складывать пальцы в любую из 32 букв, ему сообщат, что есть на свете буквы, что он уже говорит словами, состоящими из букв.

Теперь новичку можно дать любое новое слово, сразу подкрепив его жестом или «натурой». И очень легко он запомнит брайлевский точечный алфавит, научится читать и писать (печатать на машинке для слепых).

Следующий этап — новичка заставят привыкнуть к грамматическому строю русского языка (именно строю, без объяснения грамматики: мальчик будет говорить «надень шапку», а не «шапка надеть»).

Отныне о каждом пережитом событии ребенка попросят рассказать трижды: сначала жестами, потом словами «на пальцах», а затем опять-таки словами, но уже письменно — точечным алфавитом. У ребенка не будет слов-пустышек. За каждым словом, за каждой фразой, за каждой новой грамматической структурой встанут конкретные образы, полученные из личного, непосредственного опыта. Язык вчерне готов!

С этих пор мальчик будет каждый день (неукоснительно!) вести дневник.

Вот одна из бесхитростных дневниковых записей: «Я пошел на улицу. На улице сухо. Дует слабый теплый ветер. Летит пыль. Земля сухая. Я смотрел дерево. На дереве листья. Я смотрел траву...»

Он смотрел мир! Наш мир. И его мир.

Учитель поможет ему «ословесить» весь накапливающийся опыт, подтолкнет развитие его мышления. А дальше — знания, работа, творчество. Новичок станет школьником, тружеником и гражданином, младшим товарищем Сережи, Юры, Наташи, Юли, Фаниля, Саши, Вити...

...Мы сидим в «вотчине» учительницы Р. А. Леоновой и инженера В. Лебедева — звуковом кабинете школы. Тут бывают уроки слышимой речи, даже музыки (дети ощущают вибрацию громкоговорителя). А сейчас А. И. Мещеряков проводит совещание с педагогами М. Г. Маркиной, Л. В. Марьиной и А. Ф. Беловой. Только что прослушан записанный на пленку рассказ отца Фаниля Султанова о том, как мальчик ездил на каникулы. Оказывается, слепоглухонемой сын ходил с отцом на охоту. Отец дал ему выстрелить из ружья. Убили зайца. Фаниль нес зайца домой. Рассказ подробен, учителя слушают его несколько раз. Им предстоит ословесить этот новый жизненный опыт.

Именно так — сначала дело, потом слово, тут секрет познания реального, а не книжного мира. Фаниль напишет сочинение — изложит впечатления очевидца, он ведь сам испытал охотничий азарт, помнит удар приклада о плечо при выстреле, радовался удаче, хоть и жалел погибшего зверька...

Первичность бытия и только вторичность слов, мысли, сознания — вот исходный принцип. Лишь он может дать верное направление развитию личности.

Этот сугубо материалистический принцип был провозглашен в свое время профессором Иваном Афанасьевичем Соколянским, творцом современной советской педагогики слепоглухонемых. В довоенные годы в Харькове он выпестовал целую группу детей и подростков. Одна из его воспитанниц здравствует и трудится поныне: писательница, поэтесса и ученый Ольга Ивановна Скороходова. Многие трагически погибли во время гитлеровской оккупации Харькова (фашисты взорвали здание школы слепых).

Кстати сказать, познакомившись с Ольгой Ивановной, мы воочию убедились, сколь многого можно достичь без зрения и слуха. Человек высокой культуры, больших знаний, замечательной трудоспособности, автор широко известной книги «Как я воспринимаю и представляю окружающий мир», она защитила диссертацию, написала новую книгу: «Мои наблюдения над слепоглухонемыми», сотрудничает в журнале «Жизнь слепых», ведет научную работу в Академии педагогических наук. У нее насыщенная, интересная жизнь, любимый труд. Она шутит и весело смеется шуткам, увлекательно рассказывает о прошлом, в котором бывали и очень трудные периоды, особенно во время войны... И с волнением и благодарностью вспоминает о своем учителе.

Советской педагогике слепоглухонемых есть чем по-настоящему гордиться. У нее есть чему поучиться зарубежным педагогам.

В самом деле, родись наш новичок полвека назад или сейчас, но где-нибудь на Западе, его, по всей вероятности, стали бы учить совсем по-другому. В нем попытались бы «пробудить бессмертную душу», «открыть сейф, где спрятаны душевные сокровища».

Зазубрить молитву способен и попугай... Если слепоглухонемой и достигал чего-то, то не благодаря, а вопреки молитве, вопреки навязывавшемуся ему религиозному, идеализированно-книжному представлению о мире.

Яркий пример — воспитание Элен Келлер, знаменитой слепоглухонемой американской писательницы, умершей недавно на 87-м году жизни, которую Марк Твен назвал «одной из самых широко и глубоко образованных женщин мира». Она была доктором философии, кавалером всех гражданских орденов своей страны. Дело в том, что Элен очень повезло. В раннем детстве она прошла-таки «период очеловечивания»: няня-негритянка, терпеливая и упорная, научила ее простейшим бытовым навыкам. А потом Элен попала в руки талантливой и самоотверженной учительницы Анни Сюлливан, которая в практической работе во многом отступила от методики, порожденной идеалистическими взглядами наставников. Таким образом, успех Келлер — это то самое исключение, которое подтвердило материалистическое правило: от бытия — к сознанию. Ибо нет никакой бессмертной души. Ибо «сейф» слепоглухонемого заведомо пуст. В этом и чудо: «сейф» может быть заполнен отражением истинного мира, подлинным сознанием жизни, общества, современности.

Пусть простят нас сотрудники Загорского детдома, что так бегло написано здесь об их замечательном деле. Не рассказано о разработанной Н. В. Жаворонковой оригинальной методике обучения арифметике, о том, как детей учат звуковому языку, письму рукой, мимике, как улучшают их походку и осанку, как Р. Я. Каунова занимается с ними спортом, как совершенствуют их умение различать предметы по форме, фактуре, материалу, как тренируют их ловкость в ручной работе, в сборке и разборке машин, как сами учителя пишут для своих питомцев сказки и были, в которых учтены и особенности их восприятия, и их запас слов, и жизненный их опыт на каждом этапе развития... Да и учителей, увы, мы далеко не всех могли упомянуть в очерке — вместе с обслуживающим персоналом их шестьдесят человек. И они обязаны не только учить своих питомцев и заботиться о них, но и служить для них образцом во всем: в походке, в одежде, в прическе...

У нас сложилось впечатление, что успехи педагогики слепоглухонемых важны для всей педагогической науки в целом, для всей психологии. Ведь вскрываются тончайшие механизмы восприятия, памяти, узнавания. Учителя и воспитатели контролируют и формируют практически весь поток информации, попадающий к ученикам. Перед изумленным взором исследователей разворачивается весь процесс становления человеческой личности.

Наука тут всюду. Наблюдения сопровождаются экспериментами. И очень четко видишь: эта своеобразная исследовательски-учебная жизнь окрашена радостью неутихающей деятельности. Все пронизано оптимизмом... Наташа Корнеева танцует — с чего бы? Оказывается, Александр Иванович позвал ее на опыт. Наташа будет читать в темноте брайлевскую книгу, на пальце ее будет прикреплена светящаяся лампочка, и фотоаппарат заснимет кривую чтения. Это важно — изучить, как человек читает, на каких словах задерживается, что проскальзывает... Экспериментатор тоже доволен: опыт открыл что-то новое...

Между прочим, здесь очень пришлись бы ко двору шефы, знающие толк в автоматике, электронике, кибернетике. Поводов для изобретательности, технического остроумия масса. Проектирование же и изготовление различных аппаратов обычным официальным путем, по заказам, идет туго: никто не берется, невыгодно — слишком малы серии.

К сожалению, есть и другие трудности. Среди них удивительны по нелепости административные. Директор этого единственного в стране детдома слепоглухонемых А. П. Толмачева не имела права принять девятилетнего мальчика лишь потому, что он из Казахстана: детдом подчинен Министерству социального обеспечения РСФСР. Воспротивились чиновники и приему двухлетней девочки — по каким-то всеведущим инструкциям она оказалась слишком маленькой (администратору безразлично, что раннее обучение тут наиболее эффективно). В обоих случаях потребовалось разрешение заместителя министра! Ни больше ни меньше!

Плохо и то, что нет у нас статистики слепоглухонемых. А. И. Мещерякову пришлось самому рассылать бесчисленные письма в райсобесы, отделы народного образования, школы слепых и глухонемых. Судя по полученным ответам, только в РСФСР сейчас свыше трехсот слепоглухонемых. Треть из них — дети школьного возраста. Немало! Но слишком уж мал штат лаборатории слепоглухонемых в Институте дефектологии Академии педагогических наук: А. И. Мещеряков — заведующий, Р. А. Мареева — его заместитель, О. И. Скороходова — научный сотрудник, Г. В. Васина и Л. В. Пашенцева — педагоги-экспериментаторы — вот и все научные силы. Они выполняют работу, какую обычно поручают целым институтам.

Все-таки энергия и целеустремленность горстки энтузиастов побеждают. Главное — уже больше четырех лет существует Загорский детдом. Появилась возможность создать на базе детдома учебно-производственный комбинат. Завершив образование, ребята смогут и дальше жить полнокровной жизнью в своем коллективе, работать, если будет желание, продолжать учиться. Разумеется, каждый, кто захочет, волен вернуться в семью или жить самостоятельно, они свободны в выборе. Но всегда у них будет собственный, родной городок, где все близко, памятно с детства.

Этот маленький городок построит им их большая Родина.

Юрий САЛИН,
научный сотрудник Института
вулканологии

ИЗВЕРЖЕНИЕ НАЧНЕТСЯ В 15.30

Всякий репортаж в журнале имеет свою историю.

Из газетного сообщения: «Петропавловск-Камчатский. С вулкана Карымский вертолетчики вывезли находившуюся там в крайне тяжелом положении экспедицию вулканологов...»

Телеграмма из редакции «Огонька» внештатному корреспонденту Ю. Салину, сотруднику Института вулканологии:

НУЖЕН РЕПОРТАЖ ЗПТ КАК ВЕРТОЛЕТЧИКИ ВЫВЕЗЛИ ЭКСПЕДИЦИЮ С КАРЫМСКОГО ТЧК РАССКАЖИ ОБ УЧАСТНИКАХ ЗПТ ЧТО ЗА РЕБЯТА ЗПТ ЧЕМ ЗАНИМАЮТСЯ.

ПИСЬМО В «ОГОНЕК» ОТ Ю. САЛИНА:

...Вместе с письмом высылаю репортаж. Ваш интерес к маршруту на Карымский появился, наверное, после информации в газете. Ребята читали и были недовольны, особенно герои этой информации. Толя Чирков уже получил паническую телеграмму от матери: «Срочно сообщи, что с тобой случилось». На самом деле ничего сенсационного, с нашей точки зрения, не было. Поднимались к кратеру всего один раз. Вот вертолетчики, правда, молодцы, сняли ребят в туман, видимости почти никакой...

Итак вроде бы ничего и не случилось. Ну, застряли... Ну, кончились продукты... Ну... Словом, для кого-то это, может быть, и сенсация. Для ребят, которые там работают,— будни. Об этих ребятах, о том, как и над чем они работают, наш сегодняшний репортаж.

* * *

Когда Анатолий Чирков услышал, что я собираюсь писать о маршруте его группы к Карымскому вулкану, он воспринял это настороженно.

— В кратер мы не спускались, и извержения не было, и вертолет за нами пришел почти вовремя...

Об Институте вулканологии пишется много, но, как правило, такого, что читатель представляет себе вулканолога человеком, который только и делает, что рискует своей жизнью. Раз вулканолог, значит, предстоят захватывающие дух приключения. Еще бы, даже роман о вулканологах называется «Спеши опалить крылья!».

Ну, а чем же занимаются вулканологи в перерывах между извержениями? Неужели тем же, чем и пожарники в перерывах между пожарами?

Давайте попытаемся подойти к нашему институту как к научному учреждению, к его сотрудникам — как к ученым, и к поездкам на вулканы — как к обычным маршрутам исследователей, а не траверсам альпинистов.

Шестьдесят второй год... Институт только что образован. Нет своей лабораторной базы, не хватает научных кадров, производственных помещений, приборов, оборудования. Институтская стенгазета нашла неплохую характеристику состояния дела: «Знаете ли вы, что в единственном в мире Институте вулканологии пропал единственный в институте веник?»

Понемногу институт рос. Приезжали молодые специалисты и опытные ученые. Камчатские вулканы привлекали людей самыми разными своими сторонами.

Какими же именно?

Единственный прямой источник информации о подкоровых процессах. Места, где почти не ступала нога человека. Настоящая геологическая лаборатория, где можно непосредственно наблюдать за образованием многих горных пород. Коэффициент к зарплате. Возможность поставить энергию вулканов на службу человеку. Бронь на московскую прописку. Зародившаяся еще в детстве романтическая тяга к вулканам. Оформившийся в зрелом возрасте трезвый расчет: хоть в провинции, зато на виду.

Так или иначе, по тем или иным причинам вулканологи перебирались жить на десять тысяч километров ближе к вулканам. Ахали и охали бабушки и мамаши. Подумать только, на край света люди едут, за десять тысяч километров от дома, от родственников! Шли им вслед посылки самые разные, даже с картошкой. И каждая картофелина была аккуратно завернута в бумажку. От цинги. Качали головами коллеги, остающиеся в Москве. Научному сотруднику решиться уехать за десять тысяч километров от научных центров, в пустыню, где нет специалистов даже по самым близким смежным наукам! Не превратитесь ли вы там в кустарей-одиночек?

Понемногу создавалась лабораторная база, расширялись производственные помещения, появлялось в достатке оборудование, снаряжение. Даже веники теперь есть. В общем, институт сейчас в состоянии решать большие дела. Он их и решает.

Весь институт занят разработкой единой проблемы: «Вулканизм как индикатор глубинных процессов и роль его в формировании земной коры, гидросферы и атмосферы». Эта проблема распадается на десятки более мелких тематик. Вулканизм изучается с самых разных точек зрения.

Один из объектов наиболее пристального изучения — вулкан Карымский, в последние годы проявлявший наибольшую активность. Один из взрывов вулкана привел даже к обильному пеплопаду в Петропавловске, отстоящем на сто пятьдесят километров от вулкана. Извержения Карымского в шестьдесят втором — шестьдесят пятом годах позволили вулканологам установить многие важные закономерности, не только ранее неизвестные, но и оказавшиеся совершенно неожиданными.

И вот этот вулкан, дававший так много новой информации, стал затихать. Летом шестьдесят седьмого года не было зафиксировано ни одного взрыва. Идет ли дело к тому, что вулкан станет потухшим, или это — временное затишье? Наблюдения продолжались. Во время одного из облетов вулканов было замечено, что белоснежный конус Карымского увенчан черным пепловым шлейфом. Что это, начало новой фазы активности или последние отголоски заканчивающейся?

Было решено возобновить наблюдение у самого конуса. И вот вертолет высадил к подножию вулкана группу вулканологов — Анатолия Чиркова и его помощников — лаборантов Виктора Набойченко и Вячеслава Сорокина. Их наблюдения должны были дать ответ на этот вопрос.

Давно известны попытки предсказать извержения с помощью анализа содержания радона в газовых вулканических выделениях. Радон

На ближних подступах к тайнам земным.

На развороте вкладки:

Огненный научный полигон камчатских вулканологов.

Фото В. ГИППЕНРЕЙТЕРА.

выделяется из расплава. Поднимаясь вверх по каналу к кратеру вулкана, он постепенно распадается. Определяя содержание нераспавшегося радона в газах, можно получить некоторые данные о глубине залегания расплава в канале вулкана. Увеличивается содержание радона — значит, проходит меньше времени от момента его выделения до выхода из кратера, значит, уменьшается путь радона от границы расплавленной лавы до кратера, лава поднимается.

Да вот беда — период полураспада радона велик, расстояние от расплава до кратера может уменьшиться сильно, а содержание нераспавшегося радона при этом изменяется незначительно. У Анатолия давно созревала идея — использовать для прогноза торон, период полураспада которого всего около минуты. Торон чутко реагирует на любое перемещение границы расплава. Еще лучше было бы знать соотношение содержаний радона и торона.

Но существующие приборы не позволяли производить такие измерения. Долго ломал голову Анатолий. Надо создать принципиально новый прибор. И тогда...

— Да что тогда? Здесь еще столько неясного! — принялся доказывать мне один из — ну не противников, скажем мягче — несторонников этой идеи. У новых идей всегда находится достаточно таких вполне объективных «несторонников».

— Все это действительно было бы великолепно, если... и дальше, как правило, семь верст до небес, и все лесом.

Многочисленные «если» почему-то особенно производят впечатление, когда на них смотришь со стороны. Видел ли их Анатолий? Безусловно. Но он верил в свою идею. На чем эта вера основывалась? Конечно, на фактах, на знании, или, как часто пишут в очерках об ученых, на точном расчете. Но ведь были и другие, которые знали то же и не верили. Так что непростая это вещь — вера в свою идею...

Все надо было начинать сначала — прибор, методика, обоснование, постановка вопроса, доказательства. Такие работы раньше не проводились нигде в мире. Гарантий успеха никаких. И рядом — возможность иного выбора. Тема по апробированной методике. Как в парикмахерской — раз зашел, обязательно выйдешь побритым. Так и тут: взялся за такую тему — непременно станешь кандидатом. Предлагали такие темы и Анатолию. Если бы он пошел на это, его никто бы не осудил. Это вполне было бы принято как стремление к тому, чтобы работа давала гарантированную отдачу.

Были и другие обстоятельства. Сначала Анатолий потерял два года на лечение. Вышел из больницы — почти сразу же выбрали председателем месткома. А председатель месткома — научный сотрудник лишь наполовину, да и то вряд ли. Итак, «против» было более чем достаточно. А «за» — только одно. Но таких «за» нет у, как говорят, благополучных тематик. Перспективы, захватывающие дух. Истоки нового направления в вулканологии.

Не каждого привлекут перспективы без гарантий. Но если человек способен жить этим, то это само по себе является гарантией успеха.

Неожиданно для себя он получил помощь, о которой можно было только мечтать. Камчатская экзотика привлекает многих туристов. Стоило как-то побывать у нас на полуострове одному академику, как по его следам зачастили другие. Однажды приехал и Георгий Николаевич Флеров.

Большому ученому трудно, наверно, оставаться созерцателем там, где могут понадобиться его эрудиция, совет, добрые пожелания. Георгий Николаевич сам разыскал Анатолия, расспросил его о работе, планах, затруднениях. Идея молодого вулканолога использовать закономерности ядерного распада для прогнозирования извержений сразу понравилась известному физику-атомщику.

Для работы над прибором Анатолий приехал к Флерову в Дубну. В работу была вовлечена целая группа физиков.

Перед поездкой на Карымский вулкан Анатолий имел уже в деталях разработанную конструкцию прибора. Был вчерне готов и сам прибор. Оставалась кропотливая стадия доводки и отлаживания.

И все-таки это была уже не бесплотная схема. На эталонной пробе прибор дал четкие пики. А тут еще неожиданный взрыв Карымского. Есть возможность проверить прибор практически, попытаться установить, идет ли дело на вулкане к новому извержению.

И вот снова грозный Карымский, с которым у Анатолия связано столько воспоминаний. Предстояло провести наблюдения на кратере, проанализировать несколько газовых проб.

Вулкан как будто спокоен, можно было бы и подниматься... Успеть к кратеру и домой вернуться быстро. Карымский — самый низкий из действующих вулканов Камчатки, всего полторы тысячи метров от уровня моря. К тому же лагерь вулканологов расположен на высоте пятисот метров. Рискнуть? Нет, никаких авантюр! Анатолия не спровоцируешь на необдуманный риск. После одного из маршрутов он пролежал два года в гипсе, перенес несколько операций.

Сначала надо установить периодичность взрывов, а для этого зафиксировать хотя бы два взрыва. День, другой, пять дней, неделя... Никаких признаков активности. Подниматься? А если периодичность как раз восемь дней?

Изучили снеговые разрезы. В слоях снега, наметенных пургой за последний месяц, насчитали три прослоя пепла. Действует вулкан, спокойствие обманчиво!

Пылающий ручей из самых глубоких источников.

Нелегок путь к открытию, пусть даже небольшому.

А потом началась пурга. Ребята пережидали непогоду в домике, построенном специально для наблюдателей.

Но, видно, надеждам Анатолия не суждено было сбыться. Прибор вдруг захандрил: вместо четких пиков упрямо давал одну расплывчатую бессмысленную дугу. Надо будет везти его снова в Дубну, там заняться доводкой, и уж в следующий раз...

После пурги сделали восхождение к кратеру, провели детальное изучение фумарол, самого жерла. Старым прибором определили содержание радона. Содержание оказалось резко отличным от замеренного ранее.

Потом снова была пурга. Снова сидели в домике, играли в шахматы и ждали погоды. Настоящей, хорошей погоды так и не дождались. Вертолетчики экипажа Евтюхина, зная, что продукты у вулканологов на исходе, сумели прорваться сквозь туман и ветер и вывезти их в город.

Так закончился этот маршрут группы Анатолия Чиркова, один из обычных маршрутов. Удачным он был или нет? Пожалуй, не очень... Но то, что дело идет, несмотря ни на какие неудачи, дает нам право немного пофантазировать... Вы включите приемник и услышите:

— Внимание, внимание! Говорит Петропавловск-Камчатский. Как уже сообщалось, извержение Авачинского вулкана состоится в пятнадцать часов тридцать минут местного времени. Всех желающих полюбоваться этим зрелищем приглашаем к балконам и окнам, выходящим на север...

* * *

ПИСЬМО Ю. САЛИНУ ИЗ РЕДАКЦИИ:

Репортаж получили. И как раз накануне фотокорреспондент В. Гиппенрейтер принес в редакцию снимки извержения вулканов. Будем печатать эти снимки с твоим репортажем. Фотографии, на наш взгляд, хорошие. И суровость и потрясающая красота вулканов чувствуется. И можно себе представить, какое мужество нужно людям, работающим в вашем крае. Ты об этом, к сожалению, не написал. Дополни. Ждем.

ПИСЬМО Ю. САЛИНА В «ОГОНЕК»:

Итак, от темы мужества мне все-таки не отвертеться. Оставим науку в стороне. Что же было, кроме нее? Обычная работа, с моей точки зрения. Даже жили не в палатке, а в домике. К кратеру поднимались всего один раз. И продуктов почти хватило.

Но вот что рассказывает журналист, побывавший в маршруте вместе с вулканологами:

— Домик? А ты знаешь, какой это домик? Весь — вон как до того стола, а нас в нем шестеро. На нарах места не хватало, двое спали на полу. Двадцать дней почти безвылазно в таком «доме»! А подъем к кратеру? Лезешь, лезешь на этот вулкан, уже дух вон, а ему все конца-краю не видно. А ребята с рюкзаками вот такими! Да еще Витька, когда слезли с вулкана, у меня уже ноги не двигаются, а он говорит: «Пойду немного прогуляюсь, размяться надо».— И укатил на лыжах к источникам. Разве нормальный человек на такое способен? И с продуктами... Какие нормы у нас были в последние дни, знаешь? Сахару осталось всего два кусочка. Муки на один раз только. Ну, мы решили сахар не трогать и, если вертолет и завтра не прилетит, отдать эти кусочки Витьке, пусть он их съест утром и идет на лыжах в Жупаново за помощью, за продуктами. И горючее кончалось. Мы там соляркой отапливались, уже канистра почти пустая была, но вертолет прилетел. И как прилетел! Аэропорт был закрыт, никого не выпускали, они вылетели под свою ответственность. Ничего не видно, а вертолет так швыряет, что просто надо виртуозом быть, чтобы сесть. И немножко удачи, чтобы не угробиться...

Чем больше я пытался выяснить, где же правда, тем меньше оставалось ясности. Сам собой напрашивался выход — довести до логичного конца оба варианта. Итак, все можно было сохранить в имеющемся виде. Только сначала на первое место поставить интерпретацию вулканолога — маршрут как маршрут. Ничего особенного. Потом заметить: «А на самом деле...» — и вот тут-то и расписать все тяжести и сложности, увиденные глазами журналиста. Вывод в этом случае будет неизбежно предопределенным: какие вулканологи герои и какие они скромные (еще бы — «ничего особенного»)!

Можно было сделать наоборот. На первое место поставить страсти журналиста со смакованием всех трудностей, а потом... «А на самом деле» — и привести спокойную, почти протокольную запись событий в интерпретации вулканолога. Вывод и здесь напрашивался бы сам собой: какие они, эти журналисты, способны из мухи слона раздуть.

Самым поразительным было, конечно, то, что оба варианта были бы абсолютно равноправными, хотя и диаметрально противоположными. И вулканы получаются очень разными. У журналиста — огромный (дух вон, пока доберешься до кратера), величественный, красивый, но... пустой. Внутри у него ничего нет. У вулканолога — невысокий, настолько привычный, что даже не замечаешь, красив он или нет. Снаружи — ничего особенного, а вот внутри... Там скрыто столько загадок, что просто дух захватывает! У журналиста это — ристалище для выявления мужества, у вулканолога — место работы, что-то вроде стола у бухгалтера.

Я думаю, что эту проблему надо решить так. Пусть вулканологи и журналисты будут и впредь недовольны друг другом. Пусть будут два Карымских вулкана, и пусть они будут разными.

И пусть будет мужество, которое одни не замечают и которым другие восторгаются.

Митина жизнь

Владимир БЕЛЯЕВ

Рассказ

Рисунок П. Корецкого.

В темный осенний вечер восьмилетний мальчик Митя стоял на крыльце дома и плакал. В доме было тихо. Только из открытых сеней доносилось блеяние козы. На дворе в непроглядной темноте гулял ветер, шумел дождь. Веяло неприютной сыростью, и на душе у Мити было так тяжело, что не хватало уже сил сдерживать рыдания.

А коза все мемекала и настойчиво постукивала копытцами по деревянному корыту.

— Сейчас, сейчас! — закричал на нее Митя, вытирая слезы кулаком.— Ненасытная утроба!

Он взял ведро с водой и в темноте на ощупь добрался до козы. Она уткнулась мордой в посудину, жадно потянула воду с посапыванием и кряхтеньем.

Напоив козу и заложив ей сена на ночь, мальчик запер дверь на крючок, вошел в комнату, где раздавалось тихое посапывание бабушки. Митя потушил свет и лег спать. Но уснуть никак не удавалось. Он ворочался, прислушивался к шуму дождя за окном, вспоминал свою жизнь. А жизнь у него была запутанная, непонятная, и Митя часто задумывался. А не думать было нельзя. Он уже большой и должен во всем разобраться.

Мите жилось хорошо до пяти лет. Была у него мать, был отец и полный двор товарищей. Жили они в большой комнате на Красной Пресне в Москве, недалеко от зоопарка, в высоком кирпичном доме. У Мити была железная кровать с пружинной сеткой, а над кроватью висел коврик с Красной Шапочкой и Серым Волком. В комнате всегда было тепло и уютно. С потолка на желтых шелковых шнурках свисал большущий оранжевый абажур, и Митя с удовольствием смотрел на яркий, теплый свет лампочки.

Митина мать была молодая, красивая, с темными волнистыми волосами, зачесанными немножко на правую сторону. Когда она смеялась, то на левой щеке появлялась маленькая ямочка, а глаза прищуривались и почти закрывались. Она не любила носить кофты и юбки, и Митя помнил ее платья — то красные, то зеленые, то желтые. За это папа называл ее модницей и часто подсмеивался над ее франтовством. А Мите нравилось, что его мама всегда нарядно одевалась и была красивой. Работала она бухгалтером на ткацкой фабрике, и мальчик видел ее только утром и вечером да в воскресенье и праздничные дни. Когда они гуляли, мама заходила с ним в кондитерский магазин и покупала полную горсть конфет и бублик с маком.

Отец был веселым человеком. Он всегда приходил домой с какими-нибудь приятелями, приносил вино и бутылку лимонаду для сына. Мите было странно, что отец и все взрослые дяденьки боялись мамы. Они сами жарили яичницу, выкладывали на стол прямо в бумажных свертках колбасу и сыр, разливали вино в стаканы и торопились закончить пир поскорее, пока не пришла мать с работы. Если она задерживалась, мужчины были довольны и пели песни. Мальчишке тоже было интересно сидеть со взрослыми за столом, пить свой лимонад и чокаться.

В такие дни мать приходила с работы сердитая, выставляла гостей из дому. Отец был недоволен, кричал:

— Ты бы хоть людей постеснялась!

— Да разве это люди? Пьяницы несчастные! Доведут они тебя до беды, помяни мое слово!

— Не кричи,— огрызался отец.— Я не маленький, знаю, что делаю.

— Стыда у тебя нет, хоть бы ребенка не портил. За стол сажаешь, к стаканам да к бутылкам приучаешь с малых лет. Другие люди как люди, работают, с детьми гуляют, в дом деньги несут, а ты только одно знаешь, пьешь...

— Ну что я тебе сделал? Чего ты привязываешься?

Мать переходила на ласковый тон, присаживалась к отцу на диван, гладила его рукой по колену.

— Добром тебя прошу, Петя. Брось ты эти компании, не пей. У тебя же золотые руки, ты все умеешь. Ты бы лучше сверхурочную работу сделал, деньжат собрал, ценную вещь для дома купил. Разве плохо, что у нас есть ковер, буфет, телевизор? Теперь бы на холодильник скопить. Постарался бы, Петя. Ну почему ты такой?

Мите становилось жалко отца. Он не понимал, почему мать сердится, когда мужчины пьют. А ему приятно было пить лимонад. Он подбегал к матери и жалобно говорил:

— Мы больше не будем, мамочка. Ну, честное слово, не будем.

Мать гладила сына по голове и смеялась. Смеялся и отец.

— Не будете? — говорила мать в шутку отцу.— Смотрите у меня!

Отец Митиным голосом повторял:

— Не будем. Честное пионерское.

Он брал сына на колени, обнимал мать за плечи.

Наступал мир.

А в воскресенье отец водил Митю в зоопарк. Показывал всяких зверей, птиц, катал на маленькой лошадке. Митя особенно любил смотреть на медведей. Бросал им кусочки баранок, конфеты и заливался от смеха, глядя на косолапых, которые с неожиданной прытью ловко подхватывали Митины подарки и раскланивались перед ним. Они совсем не злые, эти звери. Почему их держат в клетках? Мальчику очень хотелось подойти к медведям и погладить рукой по шерсти.

Гуляли целый день и возвращались домой усталые, довольные. По пути заходили в магазин, покупали для мамы пирожное. Она была очень довольна в такие дни, угощала Митю и папу вкусным обедом и весело напевала разные песенки, которые Митя теперь забыл.

Однажды, в день Митиного рождения, отец купил ему большой самокат, синий, с белыми резиновыми колесами и с тормозом. Митя целыми днями гулял во дворе, катался по гладкой асфальтовой дорожке. Мальчишки шумной стаей бегали за ним, и он всем по очереди давал прокатиться. Вообще у них во дворе ребята были дружные, никто не жадничал. Коля всегда выходил гулять с большим куском белого хлеба, намазанного вареньем, и всем давал откусывать. Галя разрешала попрыгать с ее скакалкой, а Витя с утра до вечера оставлял свой трехколесный велосипед во дворе и даже уговаривал некоторых ребят кататься. Хорошо было Мите жить на Красной Пресне, так хорошо, что навсегда запомнилось.

Все несчастья начались три года назад. Папу уволили с работы. Со слов мамы, которая в тот вечер плакала, Митя понял, что его отец, работавший шофером на самосвале, выпил водки, совершил аварию и чуть было не убил человека.

— Скажи еще спасибо, что легко отделался, не отдали под суд,— говорила мать отцу.

Отец молча слушал и курил папиросу за папиросой.

Вечером он ушел из дому и вернулся поздно ночью, пьяный. Сильно хлопнул дверью, свалил стул на пол. От шума Митя проснулся. Но чтобы не ругали его, что не спит, лежал тихо, не шевелился.

Отец разделся, потушил свет и лег в постель. Митя слышал, как он закашлялся и закурил папиросу.

— Да не дыми ты,— сердито сказала мать.— Ни копейки больше у меня не получишь, посмотрю, на что станешь пить.

Отец долго молчал. Потом Митя услышал, как отец сказал матери:

— Кабы не Митька, ушел бы я от тебя навсегда. Думаешь, не знаю, для кого ты всегда наряжаешься? И меня и ребенка обманываешь. Может, я с этого и запил.

— Что выдумал? — ненатуральным голосом сказала мать.— Нашел причину. Люди врут, а ты слушаешь.

— Молчи. Сам знаю, что у вас было. С прошлого года все началось. Противно даже говорить. Лучше бы судили меня, в тюрьме легче было бы жить, чем с тобой.

Мать притихла, ничего не отвечала и только виновато всхлипывала.

Через несколько дней отец сказал Мите, что уезжает в командировку. Попрощался с сыном и ушел с матерью на вокзал.

— Мама, а куда папа уехал? — спросил Митя, когда мать вернулась домой.

— На строительство завода, в Сибирь.

— А почему мы не поехали?

— Нам нельзя, у нас комната в Москве, вещи. Папа тоже скоро вернется, не больно-то ему понравится в Сибири.

Но папа не возвращался. Присылал деньги, писал коротенькие письма, спрашивал о Митином здоровье. О маме ничего не спрашивал и о своей жизни не рассказывал.

Как-то вечером Митина мама пришла домой очень расстроенная и, как показалось Мите,

с заплаканными глазами. Не снимая пальто, подошла к телефону, набрала номер.

— Это ты, Виктор? Даже не придешь проститься? А не боишься, что я приду на вокзал и жена увидит! Ладно, я не такая, как ты, подлости не сделаю. Будь спокоен и прощай навсегда. Конечно, теперь навсегда. Прощай!

Она повесила трубку, опустилась на диван и заплакала. Мите было жалко маму. Он сел рядом, расстегнул пальто, снял шляпку, стал гладить ей руку. Она обняла сына, прижала к груди и целовала его белобрысую голову.

— Ничего, сынок, ничего. Все у нас будет хорошо. Вот напишем письмо папке, и он приедет. Обязательно приедет.

Она всхлипывала, сморкалась в уголок платка и вытирала слезы.

Потом они с Митькой долго, до поздней ночи, писали письмо отцу. Мать нервно кусала карандаш, все зачеркивала слова, несколько раз переписывала на новый, чистый лист. Наконец справилась с письмом. Положила теплую ладонь на Митину голову.

— Пиши, сынок, так,— сказала она ласково. И продиктовала сыну, что нужно было писать. Мите очень понравились жалобные слова, которые он под мамину диктовку написал. Он был уверен, что теперь-то отец обязательно приедет.

Но, сколько ни ждали, отец все не ехал. Прошла зима, кончилась весенняя слякоть, наступили теплые дни, приближалось лето, а отца все не было. Митя по-настоящему затосковал, часто ему хотелось плакать, и он уже не с такой радостью, как прежде, выбегал во двор гулять с ребятами.

Как-то раз вечером мама склонилась над Митиной кроватью и сказала:

— Не едет к нам папка. Может, с ним что случилось или заболел. Поеду я за ним. Комнату на ключ закроем, а тебя к бабушке в деревню отвезу. У нее есть маленькие пушистые кролики и коза. Ты когда-нибудь видел живых кроликов?

— Нет,— грустно сказал Митя.— Не видел. А можно я с тобой вместе поеду к папе?

— Да как же мы поедем, Митя? — ласково сказала мама.— А если папа больной? Он же не сможет с тобой гулять, трудно ему. А я быстро вылечу его лекарствами и приедем в Москву, тебя заберем из деревни, и будем жить, как раньше жили. Хорошо, Митя?

Митя два раза кивнул головой, тихо сказал:

— Угу.

И вот Митя приехал к бабушке. Деревня совсем близко от станции. Когда идет поезд, можно услышать его шум. Бабушка у Мити не очень старенькая, но все время хворает и плохо видит. То голова у нее болит, то нога распухнет, то плечо ломит. Ни одного дня не пройдет, чтобы она не жаловалась на какую-нибудь хворь. И все охает. Станет молоко процеживать, обязательно прольет мимо крынки, нитку в иголку продеть не может, а начнет подметать пол, обязательно мусор оставит под столом и под лавкой. Горе с ней, да и только. Все приходится помогать да следить, как за малым ребенком. Как ни старается Митя, а все что-нибудь и не подскажет бабушке. А сам всего не переделаешь. Тут и козу надо во двор загнать, и кроликов накормить, и хворосту из лесу принести, и в керосинку налить керосину. Бабушка обязательно прольет, а потом тащись в лавку с бидоном.

Осенью Митя поступил в школу, пошел в первый класс с деревенскими ребятами. Правда, он уже умел хорошо читать и писать, еще в Москве его научил папа. За это ребята уважали Митю, и вообще он им нравился, не был задавакой, как другие городские мальчишки, которые летом приезжали в деревню. Митя был работящий, хозяйственный. Бабушка всем рассказывала, какой он хороший, да и сами люди все видели.

Бабушка хоть и была подслеповатая, но умела печь вкусные пирожки с разными начинками. Вот была радость для Мити, когда она вынимала противень из печки и ставила на стол румяные, пахучие пирожочки! Ешь, сколько хочешь, на всю неделю хватит.

Так Митя жил с бабушкой в деревне. Пошел уже второй год, а мать с отцом не приезжали. Митя все ждал, старался хорошо учиться, помогал бабушке по дому. Ему было очень трудно, но он терпел, все переносил, лишь бы скорее приехали за ним мать с отцом и увезли в Москву.

Два раза в месяц они с бабушкой ходили на почту и получали деньги от отца и матери. Каждый присылал отдельно.

Мать писала письма. Бабушка плохо видела и всегда просила Митю читать вслух. Из писем мальчик знал, что мать с отцом не живут вместе. Он не хочет ей чего-то простить, а сам все про Митю вспоминает. Водки теперь не пьет и хорошо работает. Кормит его и рубашки стирает другая женщина. Отец не хочет возвращаться в Москву. Денег зарабатывает много, справляет себе ценные вещи. Купил аккордеон и мотоцикл, а мать даже ни разу не прокатил. Но она все равно вернет его к себе, добьется своего. Специально для этого осталась на стройке, поступила на работу, чтобы быть всегда на глазах и доказать отцу, какая она есть настоящая.

Бабушка все время ворчала. А чем же он виноват, что его обманули? Сказали, что только на лето отвезут, а вот уже вторая осень проходит, но ни мать, ни отец все не приезжают? Он сидел над тетрадкой, решал задачки, а сам все думал и думал о своей жизни. От этого получались кляксы и приходилось переправлять цифры. Конечно, учительница не похвалит. А тут еще бабушка кричит:

— Куда же ты опять запропастил спички? Ужин надо подогреть, а их нету. Куда ты их спрятал, окаянный?

Мите стало очень обидно от этого слова. Он подошел к печке, взял коробок на полочке, который лежал у бабушки под носом, и сердито сунул ей в руки. А сам молча лег на постель, отвернулся к стенке и лежал, пока бабушка не позвала ужинать.

— Не надо мне вашего ужина,— сказал он обиженным голосом.— Не хочу я есть.

Бабушка вдруг притихла и подсела к Мите. Погладила его по плечу и заплакала, растирая слезы фартуком.

— Ну, и пусть! — сердито сказал он.— Мы и без них проживем.

Бабушка прижала его к груди, покачала, как маленького.

— Вот умница. Садись за стол, покушай, Митенька.

Он ел пирожки с вареньем и добрым взглядом смотрел на бабушку, которая сидела напротив, подперев подбородок обеими руками.

«Все-таки она добрая, любит меня,— думал Митя о бабушке.— Она лучше их всех. И сапоги мне купила, и лыжный костюм, и коньки с ботинками».

Но утром бабушка опять ворчала и ругалась, что в бидоне кончился керосин, а воды в кадке осталось только чуть-чуть на донышке. Днем пришло письмо от матери. На этот раз она бранила отца обидными словами и жаловалась на свою злосчастную судьбу. В письме была фотография матери. Она теперь совсем переменилась: стала худая и не такая красивая, как раньше. Видно, действительно плохо ей там живется. И Митя решил вмешаться в это запутанное дело и, пока не поздно, помочь взрослым. Сегодня же ночью он тайно убежит от бабушки на станцию и уедет к матери. Там он разыщет отца, все уладит, привезет их в Москву, на Красную Пресню, где в большой комнате висит круглый оранжевый абажур, а над кроваткой прибит коврик с Красной Шапочкой и Серым Волком.

Целый день Митя собирался в путь. Надел шерстяные носки, приготовил шарф и варежки. Из школьной сумки вынул учебники и положил туда пакет с пирожками, несколько соленых огурцов, кружку, ложку и перочинный складной ножичек, который купил ему папа еще в Москве.

«Жалко бабушку,— думал Митя.— Трудно ей будет без меня, она хуже маленького. Сегодня у нее с утра болит поясница, и она не встает с постели. Вот еще беда».

Митя натаскал воды полную кадку, заложил за решетку козе много сена, накормил кроликов и оставил им в клетке десяток больших морковок. Вышел во двор, нарубил хворосту, сложил его аккуратно около печки. Получилась высокая горка от пола почти до самого потолка. Этого хватит бабушке на неделю. Надо еще сбегать за керосином, притащить полный бидон и заправить керосинку.

Так незаметно прошел вечер.

— Бабушка, хочешь поесть? Я все приготовил.

— Спасибо, Митенька. Подай мне в постель, не могу я подняться, всю спину разламывает.

Митя тревожно поглядывал на бабушку. Подал ей тарелку с картошкой, напоил чаем.

— Больно тебе, бабушка?

— Ничего, пройдет,— сказала бабушка и откинулась на подушку.— Прикрой мне ноги одеялом да садись за уроки. Отдохнул бы, весь день маешься.

Митя прикрыл бабушке ноги, старательно подоткнул одеяло, как это делала бабушка, когда среди ночи вставала и поправляла Митину постель.

— Теперь хорошо тебе?

— Слава богу,— сказала бабушка.— Спасибо.

Митя потоптался на месте, опустил глаза и с волнением в голосе сказал:

— Я пойду немного погуляю, бабушка. Ладно?

— Ну, иди. Иди, милый.

Митя оделся, осмотрел в последний раз комнату, постоял возле бабушки и вышел в сени. Нашарил спрятанную в углу сумку и выскочил на улицу.

Дул холодный осенний ветер, жесткие капли дождя секли лицо, попадали в глаза. Митя чувствовал, как под ногами хлюпали лужицы, но сапоги у него были крепкие, не промокали, и он шел, не разбирая дороги. Из темноты выступали черные стволы деревьев, порой казалось, что это люди идут навстречу и молча отходят на обочины, уступая дорогу. Деревня отдалялась, уже не было слышно, как лают собаки, и только слабые огоньки мелькали сквозь редкий сосновый перелесок. Над головой шумели верхушки деревьев, стряхивали на Митю струи дождя. Ветер дул мальчику прямо в лицо, распахивал полы пальто, будто хотел остановить. Но Митя упрямо шагал вперед и вскоре подошел к станции.

В зале ожидания на скамейке дремал старичок с сивой бородкой, да рядом с ним на чемоданах сидели две женщины. Они ели копченую рыбу с хлебом и запивали водой. Касса была закрыта. Мальчик подошел к женщинам и спросил, когда придет поезд.

— А тебе куда? — спросила старшая, в красном цветастом платке.

— В Новосибирск.

Она насмешливо посмотрела на него и откусила большой кусок хлеба.

— Такого поезда здесь не бывает. Это нужно ехать до Москвы, а там сделать пересадку на Казанском вокзале. А с кем же ты едешь?

Митя ничего не ответил и пошел на перрон. Ну, что же, можно и через Москву. Вот бы забежать на Красную Пресню, ребят во дворе встретить. Эх, поеду в Москву, может, мамка уже дома. Он вышел на перрон, сел на лавочке под навесом и стал ждать поезда.

С перрона дул холодный ветер, монотонно и надоедливо шумел дождь. Было жутко и тоскливо от такой погоды, а больше всего оттого, что такая нескладная у Мити получается жизнь. И он опять вспомнил бабушку. Да как же она будет без него? Опять не найдет спички, не сумеет растопить печь и замерзнет. Пожалуй, хворосту хватит ей на неделю, а потом как же? Скоро наступят холода, пойдет снег. Она и воды принести не сможет. И кролики умрут без Мити, съедят всю морковку, а больше никто не принесет. А коза будет блеять, сена запросит, закричит.

Митя встал, походил по перрону, вошел в зал ожидания и опять вернулся. Ну, что делать? До чего же трудный народ, эти взрослые! Хотелось плакать, но было стыдно, потому что на перроне уже появлялись люди, вышел носильщик и какая-то тетенька в черной шинели и красной фуражке. К станции подходил поезд, а Митя еще не решил, как ему быть. Если уехать, что же будет с бабушкой? И почему он ей не сказал, что уезжает?

Поезд уже остановился, люди суетливо побежали к вагонам. Мимо прошли и те две женщины, которые ели рыбу в зале ожидания. А Митя все стоял на месте. Стоял и смотрел на вагоны. Увидел в окошке девочку в синем платьице и с бантиком на голове.

— Мальчик! Мальчик! — закричала она Мите и помахала ручкой.— Как называется эта станция?

Митя ответил. В это время раздался звонок. Поезд медленно тронулся, застучал колесами.

Мальчик опустил голову и побрел обратно в деревню. Он отошел шагов сто и вдруг повернулся и побежал к вокзалу. Пошел на почту, взял телеграфный бланк, достал из сумки конверт, в котором было письмо от матери, и старательно вывел чернилами адрес. Потом долго потел, почесывал ручкой лоб, ковырял пальцем в носу, соображая, что написать. Мешала шапка, которая все время сползала на глаза. Он снял ее, положил рядом и сразу написал то, что хотел.

«Папочка и мамочка. Я вас очень прошу, приезжайте в Москву и возьмите к себе меня. Митя».

Он подошел к окошечку, достал из глубин кармана десятку, завернутую в бумажку, и расплатился за телеграмму. Потом зашел в буфет и купил полную горсть конфет.

Он возвращался в деревню торопливым шагом, не замечая ни ветра, ни дождя, и радостно улыбнулся, когда увидел за деревьями веселый огонек в окошке бабушкиного дома.

ПИСЬМО ДОЧЕРИ

Второго июля в Москве открывается Всесоюзный съезд учителей. Делегаты двухмиллионной армии работников народного образования обсудят вопросы дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы.

Сегодня с разрешения известного советского педагога, члена-корреспондента Академии педагогических наук СССР, заслуженного учителя школы УССР В. А. СУХОМЛИНСКОГО — он работает на Украине директором Павлышской средней школы — мы печатаем его письмо, адресованное дочери, студентке Киевского пединститута иностранных языков.

В этом письме идет речь о воспитании молодого поколения нашего общества.

Дорогая доченька,

я получил письмо, в котором ты сообщаешь о предстоящей практике. Обрадовало и взволновало оно меня. Вспомнились первые шаги на педагогическом поприще, первые радости и огорчения.

Ты спрашиваешь: что самое главное в нашем труде? С чего все начинается и вокруг чего все вращается?

Трудно ответить на твой вопрос... Сказать, что́ самое главное в нашем прекрасном и сложном, вдохновенном и мучительно трудном деле, нелегко уже потому, что неисчерпаемо сложен, бесконечно многообразен человек. Вспоминается мне судьба одного из первых моих питомцев — маленького, черноглазого Тимка́. Он пришел ко мне во второй класс. Перевели его из класса учительницы, считавшейся очень опытной. Я знал этого человека (да, думай, доченька, о каждом ребенке как о человеке) с первого дня его пребывания в школе. Это был человек с исключительно тонким, чутким духовным миром. Тимко жил в мире сказок, населенном удивительными мавками (в переводе с украинского — сказочные лесные девушки), золотыми жаворонками, кузнецами-великанами. На перемене мальчик, бывало, соберет вокруг себя таких же малышей, и живут дети десять минут в своем удивительном мире. Но на перемене он не успевал окончить сказку, и какую-то часть урока малыши, сев рядом с ним, слушали его шепот. До урока ли тут! Учительница была далека от сказочного мира детской мечты, она не знала, чем живет Тимко. Детскому увлечению (а мне это казалось настоящим талантом), которому только бы радоваться, она объявила «войну». Запрещала Тимку собирать на перемене малышей. Они убегали в кустарник. В злом сердце учительницы рождались новые «сильные», «волевые» средства. Помню, она запретила Тимку два дня приходить в школу. Мальчик стал хмурым и молчаливым и все больше озлоблялся. Однажды, когда Тимко вновь был отлучен на один день от школы, он пас корову. К нему пришли два первоклассника. Они хвалились сопилками — свирелями. Тимко сказал: «Дайте сопилки, я переделаю и научу вас играть». Доверчивые малыши отдали сопилки, и произошло странное: обе сопилки Тимко бросил в огонь.

Трудно было представить, что такой добрый, любящий детей мальчик мог сделать это. Что же произошло, что творилось в его душе? «Сильные» средства, к которым часто прибегала учительница, по капельке накапливали в детском сердце жестокость. Унижение человеческого достоинства постепенно отравляло сердце, порождая озлобление. Маленькие камушки несправедливости обрастали глыбами гнева, оскорбления, отчаяния. Детский же гнев — это очень опасная вещь, дочка. В гневе ребенок готов причинить зло даже тому, кто не имеет никакого отношения к его человеческой беде.

И вот Тимка перевели ко мне... Объясняю, бывало, правило, все внимательно слушают, потом пишут. Пишет как будто бы и Тимко, но сердце мое тревожится за этого человека. Глаза у него играют, как два зверька, чем-то он занят, не до грамматических правил ему. Подхожу тихонько к мальчику и вижу: перед ним полуоткрытая спичечная коробка, в ней — жук, какой-то необыкновенный жучище, с одним рогом; как пилой, режет он и никак не перережет стенку своей тюрьмы. Тимко весь там, в коробке, там его глаза и мысли. Можно, конечно, рассердиться, можно «выйти из себя», можно поставить Тимка в угол, можно довести до слез и покаяния, но что из этого? Мне не дает покоя мысль: что происходит в душе твоей, человече? Я тихонько беру коробку, закрываю ее, прячу в карман, кладу руку на голову Тимка, мальчик пишет, вижу, все он понял и запомнил: бывают же такие дети — одним глазом смотрит на рогатого жука, другим — на доску, и все понимает...

После уроков Тимко подходит к моему столу и молчит, склонив голову. Черные глазища-бесенята под густыми-густыми ресницами. Отдаю жука и прошу рассказать о нем: где он нашел это удивительное существо, что он дальше думает с ним делать. Тимко рассказывает, в глазах у него горят огоньки пытливости. Он тянет меня к кустарнику, мы идем туда всем классом. Здесь, по его словам, такие вот однорогие жуки вылезают на свет и летают раз в три года. Мы садимся под кустом, и перед нами открывается удивительный мир сказки...

Дорогая дочь, мы постепенно приближаемся к главному. Помни, что учителю надо понимать Мир Детства. В таких случаях, как я вот рассказал тебе, речь идет не о том, чтобы с вершин педагогической мудрости снизойти к прозаическому миру детских интересов, не о том, чтобы милостиво позволить себе быть снисходительным к детям. Речь идет о том, чтобы подняться к тонким истинам Мира Детства. Подняться, а не снизойти. Не сюсюкать с ребенком, а говорить с человеком. Не подстраиваться под «детскую ограниченность» интересов (нет этой ограниченности, если ты сама не приведешь маленького человека к ограниченности), а быть мудрым наставником — обладать мудрой властью все понимать. Учительница озлобила и ожесточила Тимка потому, что не умела обладать такой властью над маленьким человеком...

Прошли годы... Тимко стал взрослым человеком, отцом. Началась война, он ушел на фронт. И вот уже через несколько лет после победы я встретился с его другом. Он рассказал мне, как

пал на поле боя мой питомец. Дело было у маленького городка на Западной Украине. Молодая мать с грудным ребенком, прячась от фашистов, перебегала улицу. Вражеская пуля убила ее. Она упала, прикрыв своим телом ребенка. Дитя плакало. Тимко пополз к женщине. Он уже возвращался с ребенком, уже недалеко были наши танки, когда осколок мины сразил его. Далеко от родного села зеленеет маленький холмик. Каждый год на могилу героя приходят дети, приносят венок из лесных цветов...

Вдумайся в эту судьбу человеческую, доченька, и ты поймешь, что мы еще больше приблизились к главному в нашей работе.

Мы, моя девочка, стоим посредине между двумя великими вещами: с одной стороны — знания, добытые, накопленные, выстраданные в веках, сосредоточенные и в копилке мудрости — в книгах и в бессмертной душе бессмертного народа, а с другой стороны — ребенок, маленький человек, из которого надо создать Человека. Для чего я рассказал тебе о судьбе Тимка? Для того, чтобы ты помнила: к тебе пришел маленький семилетний человек, через десять лет он станет гражданином. Через десять лет все мы, наша гигантская советская семья, будем ночью спать, а ему будет доверено стоять с винтовкой на границе, оберегая наш покой, безопасность Родины. Вот и подошли мы, доченька, к главному. Главное — это умение видеть в маленьком человеке завтрашнего гражданина. Главное — это уметь понять, что великое, гражданское в человеке складывается по крохам из всего, что он делает в детстве, что он чувствует и переживает. Пусть не закроет от тебя человеческую сердцевину в маленьком ребенке то, что он повел малышей в кустарник рассказывать сказку или на уроке играл с жуком.

Создать человека — это не значит переложить знания из копилки мудрости в головы наших питомцев. Нет, это процесс несравненно более сложный. Помни, что книги остаются спящими великанами, пока к ним не прикоснулась живая вода мудрого ума и трепетного, взволнованного сердца педагога. Вот тогда великан оживает.

Ты будешь по-настоящему счастлива, когда почувствуешь, что твои ученики не просто узнали что-то новое, а шагнули на одну ступеньку выше, чем просто узнавание истины: их сердца одухотворены величием и красотой идеи.

Вот об этом ты и думай, доченька, когда перед тобой пытливые и вдумчивые глаза твоих питомцев: идеи — это святыни, и их не повторяют каждодневно и на каждом шагу, как не читает каждый день мать последнее письмо своего сына, погибшего на поле битвы: она извлекает его из заветного уголка в сундуке очень редко, но чувствует его у своего сердца всегда. Если тебе удалось прикоснуться к тончайшим струнам человеческого сердца, будь скупа на слова. Чем дороже святыня, тем глубже в сердце ее надо хранить. Помни, однако, что знания — это еще не идея и тем более не убежденность.

Как практически сделать так, чтобы ученики сами определяли свое место в столкновении идей? Я тридцать три года думаю над этим и пришел вот к чему. Это зависит от наличия двух обстоятельств.

П е р в о е — дух гражданственности, царящий в школе, в жизни коллектива, во взаимоотношениях между детьми, во всем, что они думают и делают, к чему стремятся, что их радует и огорчает. Правильно определить свою позицию, овладевая знаниями, быть всегда на стороне подлинно правдивого, передового, революционного — это возможно лишь тогда, когда ты поднимешь своего питомца к гражданскому видению и пониманию мира, к гражданскому чувствованию того, что окружает его повседневно, к гражданскому поведению и поступкам. Идея борьбы за славу и величие, честь и могущество Отечества одухотворяет юное сердце тогда, когда в мире, окружающем ребенка, подростка, есть что-то для него безгранично дорогое. Дорогое же может быть лишь то, что досталось с трудом и в труде. Маленький клочок заброшенного, одичавшего пустыря, глины, на которой ничего не растет,— этот клочок мои малыши в течение нескольких лет превращают в цветущий уголок.

Добивайся того, чтобы ученик твой уже в детские годы в чем-то оставил частицу себя, во что-то вложил свою душу, в заботах о чем-то родном и нужном для нашего Отечества переволновался и перестрадал. Пусть пронесет твой питомец эту гражданскую боль, эти патриотические тревоги и заботы через все годы детства, отрочества, ранней юности. Не верь басням о том, что при коммунизме жизнь будет легкой, безбедной и безмятежной. Пока будет жить человечество, пока оно будет подниматься на все новые и новые ступеньки счастья и прогресса,— будут мозоли и пот, трудности созидания и радостная усталость.

Только тогда, когда твой ученик, достигнув 12—13-летнего возраста, оглянувшись на свой маленький жизненный путь и указав на тяжелый колос пшеницы, на цветущее дерево, на клочок тучного чернозема, скажет с гордостью: «Это сделал я» — только тогда его сердце и разум будут чутко откликаться на каждое слово учителя на уроке, только тогда он с тревогой и волнением будет думать о судьбах своего Отечества.

В т о р о е — это гармоническое единство идей и личности учителя. Не всякий учитель, хорошо знающий свой предмет, умеет наилучшим образом донести его, иначе говоря, обладает даром думать о знаниях. Думать о знаниях — это предвидеть, к каким уголкам человеческого сердца прикоснется каждая истина, какие ответные мысли, вопросы, сомнения пробудит. Думать о знаниях — значит представлять себя на месте подростка и юноши.

У тех учителей, кто умеет думать о знаниях, ученики овладевают редким, бесценным качеством: воспринимая знания, они как бы абстрагируются от них, переходя к мысли о самом себе, о своей судьбе, о ее зависимости от судеб Отечества. В этом переходе и заключается вступление на ту ступеньку познания мира, где постигается идея. Ты с тревогой спрашиваешь, как раскрывать коммунистическую идею при изучении таких, скажем, произведений, как «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского. Я люблю Достоевского, знаю наизусть целые страницы его романов, преклоняюсь перед его мудростью, человечностью. Когда я рассказываю ребятам о его произведениях, мои мысли заняты не столько самим содержанием романа, сколько тем, как его воспримут воспитанники, что они будут думать о себе. Страшно далеко от наших дней время Достоевского, но ведь изучается-то роман для коммунистического воспитания. Эта мысль не выходит у меня из головы и при подготовке к уроку и на самом уроке. Я все время думаю о том, как пробудить в сознании учеников гражданские мысли: что же такое истинный человек? Что такое честь, совесть, достоинство? Что обо мне думают люди? Для чего я живу на свете? Изучение таких произведений, как романы Достоевского, важно не столько для того, чтобы ученики могли бойко рассказать содержание изученного, сколько как раз для того, чтобы в их сознании возникли эти вопросы. Без них нет гражданского воспитания, нет и самовоспитания, а ведь без самовоспитания немыслимо гражданское воспитание.

Опасайся примитивного взгляда на воспитательную силу знаний. Кое-кто полагает, что изучение Пришвина или Короленко, Гете или Бичер-Стоу — это, конечно, хорошо, но это не в полной мере коммунистическое воспитание. А вот если мы изучаем Маяковского или Маршака — вот это подлинное коммунистическое воспитание. Какое заблуждение и какой большой вред приносит оно! Знания сами по себе еще не являются нравственностью. Это инструмент, воспитывающий нравственность. И действенность этого инструмента зависит от мастера. Короленко может стать таким же могучим инструментом коммунистического воспитания, как и Маяковский.

Многие научные истины добыты ценой жизни выдающихся мыслителей. Когда я открываю страницы учебника, на которых излагаются знания, содержащие в себе накал борьбы идей, столкновение правды и суеверий, истины и лжи, мне кажется, что я беру в руки оружие. Твердо держи в руках оружие наших идей, доченька! Одухотворяй свои слова чувством глубокого уважения к мыслителям-борцам, зарони в юные умы мысль о том, что истина, по словам Антонио Грамши, всегда революционна. Сделай свое преподавание таким, чтобы овладение научными знаниями было для юного ума и сердца его внутренней борьбой — борьбой разума, души за торжество единственной правды — коммунистического мировоззрения. Пусть уже в стенах школы, исследуя мир и добывая знания, питомец твой дорожит истиной, как собственной честью.

Я всю жизнь бьюсь над тем, чтобы, овладевая моими мыслями, постигая духовные ценности человечества, ученик имел свои мысли и — что особенно важно — свою позицию, свой взгляд. До тех пор, пока истина не стала позицией,— точкой зрения твоего питомца,— она лишь кусочек металла, кусочек крепкий, но мертвый. Но как только истина стала личной позицией, она острый инструмент в руках мастера, сабля в руке бойца. То не урок, если юноша, услышав из моих уст рассказ о гимназическом сочинении Маркса «Размышления юноши при выборе профессии», ушел домой без горячего трепета в сердце. Я не заслуживал бы имени народного учителя, если бы мой рассказ о Владимире Ильиче Ленине не пробудил в юных сердцах горячего желания отдать свои силы, а если потребуется, то и жизнь во имя славы и чести Отечества.

Если ты хочешь, чтобы знания твоих воспитанников переходили в страстную коммунистическую убежденность, как огня опасайся зубрежки, «проглатывания» готовых истин без их осмысливания, без глубокой вдумчивости, без соотнесения великих, мировых истин к самому себе, к своей личности. Вдумайся в прекрасные слова Сергея Лазо: «Убеждения нужно выстрадать, нужно проверить их жизнеспособность, нужно «обтереть» их о чужие убеждения... человек должен скорее пойти на гибель, нежели отказаться от своих убеждений». Осмысливание знаний как раз должно быть «обтиранием» их о чужие убеждения. Найди для своих питомцев книги, в которых истина преподносится как трепетный факел, зажженный огнем сердца. Но главная затравка для осмысливания знаний, для мыслей о знаниях, для перехода от знаний к убеждениям должна быть дана на уроке.

О том, как вести человека к постижению идеи, от идеи к убеждению, теория обучения говорит пока еще очень мало. Да если бы об этом были написаны и многие книги — все равно каждому учителю приходится искать свою дорожку, потому что у каждого свои питомцы и каждый из них — неповторимая человеческая личность. Советую тебе: думай об этом всегда.

Будь здорова и счастлива, доченька. Пусть труд, которому ты решила посвятить свою жизнь, принесет тебе счастье.

Твой отец.

УССР, Кировоградская область.
Павлышская средняя школа.

ФИЛЬМЫ „ЗАМОЧНОЙ СКВАЖИНЫ" И КИНО-КРИТИКА

Н. ТОЛЧЕНОВА

Наши читатели именуют «ядовитой кинопищей» некоторые зарубежные кинокартины. Но фильм фильму рознь.

Многие и многие работы зарубежных кинематографистов, просмотренные миллионами людей в нашей стране, по праву отнесены зрителями и кинокритикой к числу шедевров мирового кино.

Если не называть более давние, ранние встречи на экране с Чарли Чаплином, Гретой Гарбо, Бэтт Дэвис, Вивьен Ли, Жаном Габеном, то, наверное, достаточно вспомнить о фильмах итальянского неореализма, поразивших мастерством, остротой социального конфликта. Да и позднее мы увидели на экране немало интересных картин, поставленных такими режиссерами, как Стенли Крамер, Феллини и Антониони, Де Сантис и Де Сика; с ролями, сыгранными Анной Маньяни, Софи Лорен, Симоной Синьоре, Спенсером Треси, Генри Фонда... Эти фильмы, расширив представление зрителей о духовной жизни человечества, сделали их нравственно сильней и богаче.

Однако за последнее время очень часто на советском экране идут картины, весьма далекие от духовных, моральных, нравственных интересов нашего общества. Картины о грабителях, насильниках, проститутках. Картины, лишенные социальной основы либо же прикрытые видимостью социальности, что вообще умеет и любит делать буржуазное, мещанское кино, как замечал еще А. В. Луначарский.

Думается, обратить на это внимание прежде всего должна была бы кинокритика.

Разговор о фильмах, выпущенных капиталистическими странами, бесспорно, ведется кинокритикой. Но самый разговор этот, к сожалению, становится порою односторонним. Иногда в нем звучат откровенно рекламные ноты. Все реже встречаются серьезные, подлинно **критические** выступления.

Спрашивается, за что же критика может хвалить ту или иную картину, если она лишена глубокого жизненного содержания, противостоит нашим моральным и нравственным нормам?.. Как найти для такого фильма «положительную рекомендацию»?!.

Тогда критики рассказывают об известных актерах, снимавшихся в фильме. Либо же превозносят различные творческие приемы режиссуры. Или находят манеру киносъемки, заслуживающую внимания. Иначе говоря, молчанием обходят **содержание**, идею, замысел художников, создававших фильм, а все внимание сосредоточивают на его **форме.**

Помните «Шербурские зонтики»? Этот фильм на редкость точно отвечает глубокой социальной характеристике, которую дает сегодняшнему французскому кино Марсель Мартен.

«Во Франции,— считает он,— искусство кино с социальной точки зрения представляет собой явление **мелкобуржуазное** или **интеллигентское**» (подчеркнуто автором.— **Н. Т.**).

С сокрушением признает М. Мартен, что во Франции «практически нет пролетарского киноискусства... Даже фильмы, героями которых были бы рабочие и крестьяне, фильмы, честно рисующие положение людей труда, и те чрезвычайно редки».

Героиней «Шербурских зонтиков» как раз и является не человек труда, а маленькая буржуазка, мещаночка Женевьева. Вместе со своей мамой торгует она зонтиками и страдает от несчастной любви. Ну, а потом удачно выходит замуж и становится богатой, состоятельной дамой...

Спрашивается, что в этой банальной, надуманной, донельзя подслащенной истории могло привлечь симпатии нашей кинокритики? Тем не менее воинствующе-мещанская, мелкобуржуазная (кстати сказать, самое слово **мещанин** на французском языке именно так и звучит — petit bourgeois **«маленький буржуа»**) сущность «Шербурских зонтиков» вовсе осталась в стороне при анализе этого фильма критиком Н. Зоркой, чья статья была напечатана на страницах журнала «Искусство кино».

Чтобы лучше разобраться в фильме «Шербурские зонтики», Н. Зоркая предлагает вернуться к предшествующей киноповести «Лола» — о жизни девицы кабаре. По вечерам эта девица танцует возле столиков, знакомится с «клиентами» и приводит их к себе домой. Ничего не поделаешь, таков уж ее хлеб. Тем не менее Лола, по словам Н. Зоркой, являет собою некую добродетель.

«Лола просто очень хорошая, работящая (!) женщина, — пишет Н. Зоркая,— да и профессия у нее не хуже других (!). Наоборот, позволяет хранить душевную верность и независимость. Чем, скажем, выйти замуж и изменить тем самым незабвенной памяти Мишеля, куда лучше смеяться, пить вино и петь песенку: «Это я, это я — Лола». Клиенты — опять же не беда».

Так, черным по белому и написано.

Не надо думать, будто нас напугала «профессия» Лолы! Искусству отнюдь не противопоказано говорить о такой профессии, если цель разговора — обличение пороков капиталистического общества.

К. Маркс и Ф. Энгельс в своей работе «Святое семейство» пишут об одной из героинь романа Эжена Сю «Парижские тайны», что при всей **унизительности** своего положения Флёр де Мари «сохраняет человеческое благородство души, человеческую непринужденность и человеческую красоту». И далее: «Эжен Сю поднялся здесь над горизонтом своего ограниченного мировоззрения. Он нанес удар предрассудкам буржуазии».

Однако же Лола весьма существенно отличается от Флёр де Мари! Она такая же буржуазка, как окружающие ее люди; она целиком принадлежит породившему ее обществу. И фильм, **не поднимаясь** над ограниченностью мещанского, буржуазного мировоззрения, рассказывает не об **унизительности** положения Лолы, а об ее **деловитости.** Она занимается своей профессией спокойно, весело и не без удовольствия; мечта маленькой буржуазки — стать буржуазкой крупной.

Эта-то «добродетель» Лолы и вознаграждается в фильме по заслугам, когда бывший ее возлюбленный Мишель, сам весь в белом и в белом авто, подобно принцу из сказки, является за Лолой и ее малюткой, когда-то им брошенными.

Как видим, тут не только **нет удара по предрассудкам буржуазии**, но, напротив, предрассудки эти выражены в наиболее заманчивой и завлекательной, отлакированной интерпретации...

Как ни странно, критика Н. Зоркую это словно и не касается!

Расхвалив «Лолу» на все лады, Н. Зоркая переходит к «Шербурским зонтикам». Она и тут отмахивается от содержания картины, а все свое внимание уделяет форме воплощения. А уж относительно формы у Н. Зоркой просто нет слов, чтобы выразить свой восторг, ибо режиссер, оказывается, «придумал нечто экстраординарное»!..

Что же он придумал? — спросит зритель, не видевший фильма «Шербурские зонтики». А вот что.

«Люди на экране запели (!)»,— рассказывает Н. Зоркая. И поясняет: «Не то, чтобы вдруг спели песенку или какой-нибудь дуэт, как в оперетте, или арию, или ариозо. Нет, просто стали петь, вместо того чтобы разговаривать, и пропели фильм от первого до последнего кадра. Эффект получился необычный. Стало понятно, что в этом фильме герои по-иному общаться и не могут и не должны».

Почему же не должны? — опять спросит недоумевающий зритель. Но ответа не получит. «Не должны» — и все тут! Хотя пустая, мещанская история нисколько ведь не изменилась оттого, что ее «пропели»! Более того, примитивность, бессодержательность этой истории стали еще отчетливей, заметнее.

«Шербурские зонтики» — картина не черно-белая, а цветная. Оказывается, это тоже имеет особо важное, даже принципиальное значение для критика.

«Сиренево-голубые узорные обои — и на фоне их нежная головка Женевьевы с золотыми струящимися волосами; ее пушистый апельсиновый свитер или алый костюм хорошенькой мамы — живописный центр кадра,— пишет с восхищением Н. Зоркая,— платья, предметы, интерьеры чарующих тонов: горчичное с черным, оранжевое с лиловым, лиловое с желтым; игра хрустальных бокалов на белоснежной скатерти и черный глянец красавца лимузина...»

При этом критик не просто так себе перечисляет внешние, «чарующие» приметы фильма. Нет, Н. Зоркая обобщает, теоретизирует и в конечном счете поучает:

«Исходное кадра — открытка, рекламный плакат, картинка из иллюстрированного журнала. Но они эстетизированы, просветлены, подняты в ранг искусства (!) и хорошего вкуса (?): такие секреты превращения пошлого в прекрасное известны художеству».

Позвольте, скажет зритель, о каком «превращении» пошлого может идти речь в **данном** «художестве»?!. Как может глянцевитая, сверкающая лаком рекламная картинка подняться в ранг прекрасного? В ранг искусства...

Ответа на эти вопросы критическая статья не дает, но отношение к «художеству» внушает; и, может быть, зритель уж не посмеет громко сказать о пошлости, что это пошлость, дабы не прослыть невеждой!..

Вслед за «Шербурскими зонтиками» на экран вышли «Барышни из Рошфора» — новая картина того же режиссера. Тут герои уже не просто поют. Они и поют и танцуют сразу, изображая «веселые и романтические приключения» двух сестер и их «все еще красивой мамы», как пишет «Советский экран».

Вся история жизни, которую ве-

дут обе сестры-танцовщицы и их молодящаяся мама — содержательница маленького бистро, сводится к весьма однообразным поискам «друзей сердца». Много об этом никак не расскажешь. И на сей раз «Советский экран» отводит вопиющему образцу безвкусицы и мещанства 4-ю обложку 9-го номера за 1967 год, сопровождая ее весьма доброжелательными, броско-рекламными комментариями.

В картине «Гром небесный» играет великолепный актер Жан Габен; посредственная же актриса Мишель Мерсье, исполняющая роль главной героини, проститутки, еще не была достаточно известна советскому зрителю. Очевидно, поэтому «Советский экран» посчитал необходимым широко рекламировать ее на своих страницах. Нам сообщают, что Мишель Мерсье жилось нелегко: она долго «не могла добиться известности. Беда заключалась в том,— сообщает журнал,— что Мерсье была очень похожа на известную итальянскую кинозвезду Джину Лоллобриджиду, и это сразу же отбивало у режиссеров охоту (!) снимать «дублершу». Пришлось (!) делать пластическую операцию. То ли в результате этого, то ли просто наконец повезло, но Мишель Мерсье «пошла».

Не будем останавливаться на красотах стиля. Остановимся на циничном смысле того, что написано об актрисе. Сделала пластическую операцию — и готово, «пошла»!.. Французские читатели «поставили Мерсье на четвертое место... (после Б. Бардо, Ж. Моро и М. Морган)»,— пишет «Советский экран». И добавляет, что невиданному успеху актрисы способствовали ошеломительные кассовые показатели картины «Анжелика, маркиза ангелов».

Да полно, к лицу ли нам-то восторгаться «кассой»?!. Хотя именно такой — «кассовый» — успех имела «Анжелика, маркиза ангелов», откровенно рыночная картина, и у нас. И успех этот, к большому стыду, был создан нашей прессой, нашей критикой.

На страницах «Советского экрана» в подробной статье кинокритика Ю. Ханютина говорится следующее:

«Вы хотите развлечения, вы хотите зрелища, вы хотите эмоциональной встряски? Пожалуйста, за ваши деньги вы получите роскошную красавицу Анжелику (!) — актриса Мерсье действительно очень хороша собой, вы увидите, как туманятся слезой трагически расширенные глаза ее несчастного благородного мужа — Оссейна. Вас заставит трепетать от страха таинственный, но безумно прекрасный злодей — персидский принц...

Да,— соглашается Ю. Ханютин,— это киночтиво, предназначенное для потомков горьковской Насти... Но не живет ли частичка Насти (большая или меньшая) в каждом из нас? И не потому ли, улыбаясь, иронизируя, чертыхаясь, мы всетаки плетемся и на очередную серию «Анжелики» и на «Фантомаса», ...где великолепный, нестареющий Жан Марэ вовлекает нас в головокружительный каскад приключений, столь же ужасных, сколь и смешных» (№ 19, 1967, стр. 12).

Высказывание Ю. Ханютина симптоматично: критик ведь не скрывает, что и один и другой фильм рассчитаны по своему содержанию не более как на горьковскую Настю. А кто такая «горьковская Настя», помните? Уличная девушка, персонаж из пьесы «На дне»,— несчастное, ищущее забвения, изуродованное жизнью существо. Тем не менее вкусы Насти, по мнению Ю. Ханютина, в большей или меньшей мере и сейчас еще живут «в каждом из нас».

Странное утверждение!..

Хотя, конечно, спорить не приходится: фильмами, подобными «Шербурским зонтикам», «Фантомасу», «Анжелике», а главное — такими вот безответственными похвалами, такой поддержкой со стороны кинокритики удалось заронить «частичку Насти», и, скажем прямо, довольно большую, в души иных зрителей!

Удалось убедить зрителей в правомерности появления на экране сентиментальных, надуманных, «душераздирающих» «драм», таких ли, как «Анжелика», или таких, как «Призрачное счастье», цена им одна!

Предельно мещанская история, ставшая основой сюжета «Призрачное счастье», повествует о... пластической операции носа. Проделав операцию, героиня стала красавицей, но, увы, из-за этого разыгрались трагические события!.. Как видите, не всегда красота приносит счастье! Вот одна из «глубокомысленных» истин мещанской морали, позволяющая «размышлять» над фильмом, принимать его за серьезное произведение.

И, конечно, в какой-то мере способствует тому журнал «Советский экран», пышно рекламируя Мишель Морган в одном из недавних номеров (№ 4, 1968), восхищаясь ее манерой и стилем, называя ее «самой французской из кинозвезд».

Может быть, характеристика и верна. Но как согласуется репутация большого таланта с мелким, мещанским содержанием убогой мелодрамы?!

Отыскивая прогрессивные творческие основы в произведении искусства, критик обязан поддерживать в нем все то, что способствует здоровому зрительскому восприятию жизни, утверждает истинную гуманность и человечность, высокую мораль. Там же, где этого нет и в помине, следует ли так уж безоговорочно восхвалять «мастерство», не упоминая о том, к чему оно «приложено»?! Ведь если принимать такую критику на веру, то получится, что будто бы вовсе неважно, о чем рассказывает фильм и зачем рассказывает. А важно только то, как рассказывает...

Фильм «Мужчина и женщина» вызвал у публики симпатию. Привлекла чистота, отсутствие того откровенного, все более напористого секса, который порою просто оглушает на экране. И хоть, по правде-то говоря, история героев тоже не выходит за пределы «Призрачного счастья» по своему жизненному масштабу, по своим идеалам, все же она стала своего рода оазисом среди фильмов, поражающих предельной откровенностью, часто даже бесстыдством.

Но как «оправдывали» и «объясняли» некоторые критики пошлость, так объясняют и оправдывают они безудержный секс.

Вот, к примеру, в своей статье о фильмах Алена Рене Л. Погожева разбирает картину «Война окончена». В этой картине существует, по словам критика, «две любви» героя: любовь Диего к жене Марианне и его же любовь к Надин, случайной возлюбленной.

«С точки зрения морали — это ужасно. Это компрометирует героя! — иронически восклицает Л. Погожева.— В течение трех дней любить жену и завести роман с молодой девушкой, которая по возрасту годится ему в дочери. Но,— невнятно успокаивает нас критик,— в фильме три дня — это условность фабулы... Любовь в фильме и реалистична (!) и символична. Она одновременно чувственна и абстрактна... Рене не гид, а поэт. И когда он показывает любовные объятия, это напоминает слияние рек. В этом нет ничего вульгарного».

Ну, вот, скажет, быть может, иной читатель, теперь нам хоть объяснили, что вульгарно и что нет! А то ведь неловко бывает смотреть на экран, когда его захлестывает чуть ли не порнография, более или менее скрытая, полускрытая, а то и вовсе открытая!.. И, вероятно, тут больше чем где-либо не популяризация нужна, а честный и правдивый, поистине критический разговор с режиссером, если он большой мастер. Нужны такие же горькие и прямые слова, какие режиссер Марио Сольдати сказал в 1966 году, приехав на симпозиум в Москву:

«Наш эротизм — закономерное проявление старости... Когда человек не чувствует больше любви и не способен к ней, тогда приходится смотреть в замочную скважину».

Многие зарубежные картины стали фильмами «замочной скважины»! Особенно это относится, как ни грустно, к ряду итальянских фильмов...

У. Казираги убежден, что для кино Италии, после того, как произошел закат неореализма, наступили годы черного кризиса. Он считает, что, кроме «Битвы за Алжир», не создано ничего значительного, а Феллини, Антониони, Висконти сейчас работают ниже своих возможностей. По мнению Уго Казираги, Италия стала родиной

«коротких и, что уже совсем невыносимо, длинных экранизированных анекдотов. Уровень мышления, потребный для создания коротенького рассказика... ныне отличает и полнометражные двухчасовые и еще более длинные фильмы. Это так называемые «комедии по-итальянски».

На нашем экране появилось достаточно «комедий по-итальянски» для того, чтобы задуматься всерьез над точкой зрения У. Казираги. Ведь кажется, что даже Софи Лорен — всеобщая наша любимица — не избежала участи сниматься в фильмах «замочной скважины», фильмах-анекдотах! / А какие образы могла бы создать эта выдающаяся актриса! Да разве она одна!..

Успех картины «Развод по-итальянски» был связан с именем всем нам знакомого артиста Марчелло Мастроянни. До этого фильма он снимался у Феллини и считался серьезным актером. Появление его в «Разводе» вызвало, как ни удивительно, и бурную радость кинокритики и довольно странные умозаключения. Так, например, Т. Бачелис в журнале «Советский экран» пишет, что уже самый процесс игры в «Сладкой жизни» и в «Дороге» (фильмы Феллини.— Н. Т.) приводил якобы Марчелло Мастроянни к стиранию

«всяких следов индивидуальной яркости». Зато в мире «энергичной, озорной, забавной и в глубине своей жизнерадостной выдумки режиссера Пьетро Джерми нам тотчас же открываются новые и весьма интересные возможности актерского таланта» (№ 16, август 1964 года, стр. 17).

С помощью этого таланта комедия, оказывается, вторглась теперь «на территорию серьезной драмы и высмеяла ее безнаказанно и остроумно»,— резюмирует критик. Вот так и хвала безнаказанности тоже «вторглась» в критические размышления.

Партнершей Марчелло Мастроянни, сыгравшего роль барона Чефалу в фильме «Развод по-итальянски», была актриса Стефания Сандрелли, героиня еще двух нашумевших у нас итальянских фильмов: «Я ее хорошо знал» (роль Адрианы) и «Соблазненная и покинутая» (Аньезе).

Сценарий фильма «Соблазненная и покинутая, или честь семьи Аскалоне» настолько густо поперчен непристойными шутками, скабрезностями, откровенными намеками, в нем такое изобилие секса, что его даже сравнивать не с чем! Однако он полностью — со всеми этими скабрезностями — напечатан на страницах журнала «Искусство кино». Когда же и самый фильм появился на наших экранах, он, конечно, вызвал у критики одни только похвалы. Об актрисе Стефании Сандрелли, играющей роль Аньезе в «Соблазненной и покинутой», пишет на страницах журнала «Советский экран» (№ 6, 1967 год, стр. 14) В. Иванова. Критик сообщает, что Сандрелли «повезло»: ее открыл Джерми. Она попала к большому мастеру. «Она могла попасть и к бойкому дельцу... могла и вовсе никуда не попасть...»! Все это так. Но тщетно В. Иванова уговаривает нас поверить в «самостоятельность актерского мышления» С. Сандрелли в фильмах «Соблазненная и покинутая» и «Я ее хорошо знал». Нет, скорее поверишь критику итальянского кино У. Казираги, ибо видишь перед собою очень яркие, бесспорно выигрышные актерские данные — действительно красивый, но всего лишь занимательный внешний персонаж. Видишь актрису, вынужденную снова и снова разыгрывать сексуальные ситуации откровенно «постельного» фильма, который даже и пересказу не поддается.

В картине «Я ее хорошо знал» актриса Сандрелли—как опять-таки считает критик Вал. Иванова — играет «призрачно-красивое», «безысходно-одинокое» человеческое существование.

И вновь удивляешься нескрываемо завышенной оценке фильма, где находят и тему «становления человека», и тему «истинной и ложной ценности», и тему «мучительных поисков смысла жизни»... Но ведь ничего этого здесь нет! Есть все те же анекдоты о жизни людей, одни смешные, веселые, другие не очень. Есть красивое тело. Есть соблазнительные эпизоды, рассказывающие, как изо всех сил «пробивается» к богатому, сладкому существованию девчонка, бросившая деревню... Многого она добивается и даже начинает делать карьеру, эта девчонка, давно потерявшая счет любовникам. Но ни одному из любовников надолго она не нужна,— вот откуда пессимистические ноты в разговоре об Адриане. Если Лола была показана деловитой, веселой и энергичной, то Адриана вечно насуплена, недовольна... Должно ли это вызвать у зрителей понимание того, как мерзка, унизительна жизнь Адрианы?.. Кто знает!.. Картина о «старлетке» вся сделана, если говорить о ее социальном значении, на невнятице, на таких «элегических» полутонах, за которыми нет выводов, мыслей, обобщений... А зрители смотрят ее по многу раз,— какие там туалеты, какие машины!.. Как одевается и раздевается Адриана!..

В конце фильма «Я ее хорошо знал» — версия самоубийства. Но всего только версия. «Брызнуло об асфальт разбитое стекло». Что это: трагический финал? «Или это просто разбилась упавшая пудре-

ница?!» — задумчиво гадает Вал. Иванова.

Почему-то критику кажется, что трагедия здесь более уместна. Трагический конец — самоубийство Адрианы — видимо, должен наталкивать на печальные размышления девчонок — зрительниц фильма, «задумывающихся, как быть под многими широтами»...

Интересно, на что наталкивает картина наших юных зрительниц, чему их учит, чем огорчает и чем радует?.. О чем они задумываются под нашими советскими широтами?.. Показывая неприкаянность Адрианы, режиссер ведь всего лишь любуется безысходностью и призрачностью ее существования. И разве не об этом надо было говорить с «девчонками», то бишь зрительницами фильма и читательницами журнала?..

...В № 1 за 1967 год редакция журнала «Искусство кино» опубликовала интересную, доказательную критическую статью писателя Н. Коржавина о фильме Микеланджело Антониони «Затмение». Но в 1968 году у редакции возникло желание «поправиться». И в № 4, в пространной статье критика Я. Фрида, мы читаем слова безудержной похвалы в адрес художника, чье творчество, оторгнутое от жизни народа, далеко и непонятно ему, чей взгляд, ограниченный буржуазной средой, наглухо в ней замкнут.

Да ведь и здесь, в буржуазной среде, художник сознательно берет только лишь самых «обыкновенных» ее представителей, ничем не отличающихся от своего круга, занятых только собой. Жизнь людей этого круга, болезненно никчемная, пустая, любовь без любви все снова и снова — вот обычное содержание фильмов Антониони. А форма?.. Как утверждает Я. Фрид, эта непонятная людям, чрезвычайно сложная форма и есть вершина киномастерства! Возникла же она будто бы в результате утраты доверия «не только части художников, но и многих читателей, зрителей... к стройному и напряженному развитию сюжета и драматического действия. Это можно объяснить тем,— пишет критик,— что в сюжете все более видят только вымысел, а наша эпоха изобилует реальными событиями, рядом с которыми кажется и бледным и искусственным любой вымысел» (стр. 109).

Поэтому-то характерные для Антониони особенности его кинопроизведений, его мастерства являются, как доказывает Я. Фрид, результатом отказа от сюжета.

Ну, что ж, в конце концов это — дело Антониони, скажет читатель. Однако Я. Фрид, опираясь на творчество Антониони, подсказывает, что «стройный сюжет» вообще в наше время стал архаикой, если не хуже, ибо им, стройным сюжетом, теперь

«завладели фабрикуемые сотнями полицейские романы и комиксы (из которых выросли и фильмы о Джеймсе Бонде, Франсисе Коплане и т. п.) и «фотороманы» — фотографический вариант комиксов» (стр. 110).

Вот, оказывается, к чему сюжет может привести иного писателя и режиссера!

Вряд ли нужны комментарии к таким теоретическим откровениям.

Тревожит другое. Подобная позиция критики может ведь и у нашей молодой режиссуры порождать неверное, ошибочное представление о целях и задачах киноискусства в наши дни.

Но это уже тема отдельного разговора.

Второй план

Надежда КОЖЕВНИКОВА

Новелла

Как это оскорбительно — выходить из артистической после неудачного концерта. Я спешу как можно быстрее смешаться с уличной толпой, где никто не будет знать о моем величайшем позоре.

Я близорука. Здесь такие крутые лестницы. Старательно гляжу себе под ноги. С последней ступени схожу очень медленно. Поднимаю глаза, выше, еще выше. Вот!

— Что ты здесь делаешь? Разве я просила тебя приходить?

Он отходит от стены и направляется ко мне, небрежно и сонно улыбаясь. Да какое ему дело до моего концерта! Пришел просто так. Захотел — и пришел.

— Мне неприятно тебя видеть сейчас. Ты понимаешь, неприятно.

Он молча идет рядом все с тем же небрежным выражением.

— Пожалуйста, не крути зонтик,— говорит он невозмутимо.

Я с остервенением вонзаю длинное острие зонтика в землю.

— А куда ты, собственно, идешь? — говорю я.— Мне, например, надо срочно ехать домой.

— И мне.

Мы садимся в автобус. И едем молча всю дорогу.

Я думаю: отчего произошла неудача. Может, перезанималась? Надо точно проанализировать свое состояние на эстраде. Отчего срыв? На эстраде меня губил второй план. Это можно было назвать трусливостью, неумением собраться, но у меня четко ощущались два плана. Первый: глубоко вздохнуть за кулисами, выйти, невидящим взором окинуть зал, сесть, постараться унять бьющую дрожь и уйти в музыку. Вечный враг — текст. Забыть о нем. Страх забыть ноты губителен. Образ, созданный, стирается мгновенно. Возникает чудовищная скованность. Главная задача на эстраде — переход неестественности в естественность. Неестествен сам процесс. Один человек становится предметом внимания всего зала. Его естественность, то есть обычность, неестественна. Обстановка уже сама по себе исключительна. Даже если эстрада привычна. Задача — сохранность собственной личности. Защита — естественность поведения, мнимая, конечно,— дело мастерства. Чем опытнее мастер, тем быстрее он преодолевает барьер между залом и эстрадой. Когда неестественность перерастает в естество, появляется сущность музыки. Первый план вырабатывается опытом, концертной практикой.

Второй надо завоевывать самому. Он появляется наплывом... Из-за него сходишь с рельсов. Крушение. Бездна.

Я никак не могу открыть дверь квартиры. Ну, наконец!

— Проходи,— говорю,— поскольку ты в моем доме, я не могу с тобой больше ругаться. Ведь ты гость.

Я иду на кухню варить кофе. И долго сижу там на табуретке. Потом наливаю кофе и несу в комнату. Он очень уютно уселся на диван. (Всегда умеет устроиться удобно!) И вертит в руках фигурку из дерева.

— Как здорово сделан этот старик! — говорит он мне.— Какой у него мудрый и лукавый вид! И эта трубка! Класс!

— Единственно, что я умею хорошо делать, так это варить кофе. Если бы я так могла играть!

Он улыбается. Ему совершенно наплевать, как я там играла. Но мне нужно выговориться, и я жду удобного момента.

— Да, кофе ты отлично готовишь. Такой он черный, сладкий.

Ах, сладкий! Он счастлив, в полном блаженстве. Ему все равно, что я сейчас готова кричать от отчаяния.

— Это чудовищно несправедливо,— говорю.

— Что несправедливо? — смотрит он на меня удивленно.

— Все. Всегда так, когда слишком любишь, вот как я рояль, лишаешься взаимности. У-у-у, ненавижу эти руки. Ты, конечно, никогда этого не поймешь. У тебя есть все то, что у меня вызывает бешеную зависть,— большие, точные руки. Перестань улыбаться, ты меня раздражаешь. Ты не поймешь, какой это страшный груз — невозможность высказаться из-за недостатка техники. Ремесло — возможность самовыражения. Но ведь оно не может быть главным!

— Ты сейчас взвинчена, успокойся.

— А в результате в музыке решающими являются чисто спортивные качества. Научить, где piano, где forto, точно вылепить образ может другой человек. А сыграть чисто пассаж может только пианист с отличными руками. И потому все преимущества у людей-машин, с определенной запрограммированностью. Нет, ты никогда этого не поймешь. Ты отвратительно удачлив.

Он с удовольствием отхлебывает кофе и говорит:

— Почему ты так думаешь? Я просто не так нервен и болтлив, как ты. Я достаточно мучаюсь за роялем. Очень часто ощущаю себя просто способным учеником, воском, из которого лепят, что кому понравится. А сам ничего создать не могу. В той гибкости, что я воспринимаю замечания профессора, безликость. У меня вообще нет того артистизма, который заставляет замирать зал. Меня, как приемник, можно выключить в любой момент. Знаешь, о чем я думаю. Игра каждого исполнителя отличается от игры другого силой его одаренности и эмоциональности. Но когда играет большой исполнитель, его игра — сознательное открытие нового. Сознательное, свое прочтение. Тогда тысячу раз слышанное в этой трактовке становится событием. Вот это да! Это достойная цель! Хочешь, я тебе Шопена поиграю?

Он подходит к роялю, касается руками клавиш, потом оборачивается ко мне:

— А вообще весь твой треп оттого, что ты зазнайка! И рояль у тебя слишком хороший. Это тоже вредно.

Он начинает играть очень хрупкое, нежное шопеновское. Он никогда не ставит Шопена в свой репертуар. Это не «его» композитор. Но сейчас он очень долго играет Шопена. И я вижу, как от этой тихой музыки ходят лопатки на его спине и взмокает от пота рубашка.

— А теперь пойдем погуляем. Смотри, какая чудная погода! — говорит он.

Мы ходим с ним по набережной, то по одной стороне канала, то по другой.

— Когда приедет твоя мама? — спрашиваю.— С ее приездом ты сразу приобретаешь человеческий вид. Ты что, не можешь без нее постричься? Неужели у вас в общежитии никто на тебя не может повлиять? Как тебя только не выгоняют с лекций. Твои волосы стали такой же длины, как у меня.

— Это у тебя слишком короткая стрижка.

Подъезжает замызганный самосвал. Парни в брезентовых брюках выгружают бетон. Точным, отработанным движением ковш самосвала опускается в тачку. А девушка, в сильно надвинутой на глаза косынке, что-то требовательно говорит парням.

— Она, наверное, там главная,— говорит он мне,— видишь, как командует. А ребята вкалывают. Как гибко работают! Красиво! Такая совершенная у них техника. Жалко, что мы не знаем цели работы. Но им она ясна. От этого такая точность, минимальность движений. И за роялем так нужно, сокращать лишнее. Чем меньше лишнего, тем яснее суть.

— А я не взмахиваю. Наоборот, зажимаюсь.

— Тоже нельзя. Смотри, у них гибкость идет от полной свободы. А свобода от владения ремеслом. В общем, изучай ремесло!

Мы опять ходим. А потом я останавливаюсь у ворот своего дома и говорю:

— Все. Пора спать. Завтра рано вставать.

— Давай пройдем еще вон до того дома. Мы ведь всегда до него доходим. Не нарушай традиций.

— Нет,— говорю,— надо спать.

И, не оборачиваясь, ухожу.

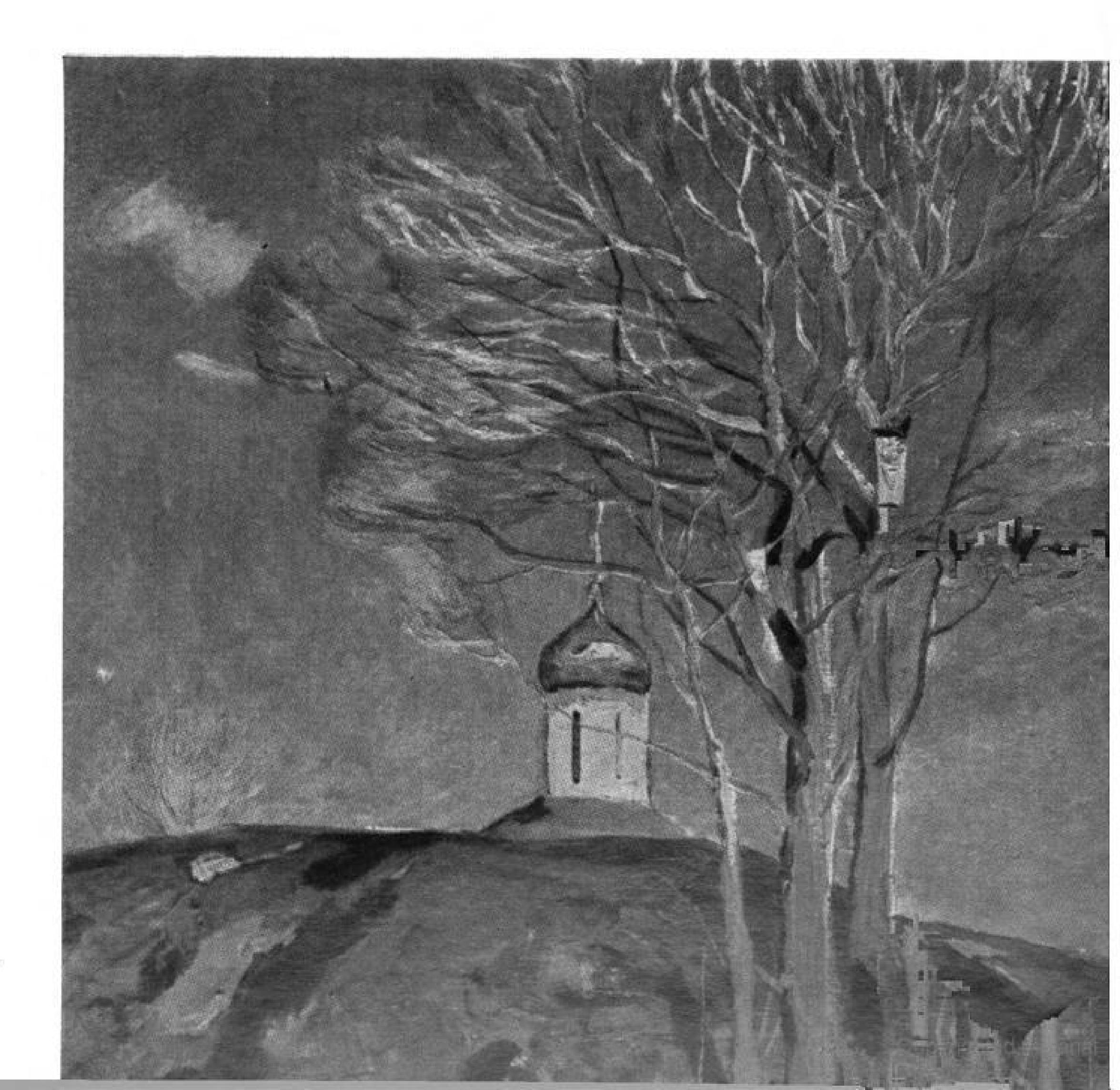
А когда я уже у своего подъезда, вижу, как из противоположной арки появляется его фигура. И направляется мне навстречу.

— Как это ты пролез? Ведь там ворота закрыты.

— Да вот так уж, сумел.

Мы обходим наш двор и уходим в третью арку.

Г. Мызников. МАЕВКА.

Ю. Анохин. ПОД ЗВЕНИГОРОДОМ.

А. и С. Ткачевы. ДОРОГОЙ ГОСТЬ.

„Подмосковье мое“

Эльвира ПОПОВА

В Центральный выставочный зал столицы — Манеж — пришло Подмосковье. И всеми красками жизни засверкала панорама выставки, согревая человечностью, привлекая искренностью.

Два зала едва вместили «художественный репортаж», срочно доставленный прямо из цехов, научных лабораторий, с полей лучших колхозов и совхозов области, с ее памятных исторических мест. Оттуда, где бывал Ильич... Собрали репортаж более ста художников. Они писали портреты сталеваров, доярок, пахарей, врачей тут же — на рабочих местах. И здесь приучали кисть, карандаш схватывать ритмы, постигать строй трудовых процессов. Самый факт столь активного вторжения искусства в жизнь необычен, замечателен. Именно по составным частям репортажа, принесшим на выставку дыхание времени, наиболее увлекательно было следить, как живописцы, скульпторы, графики Подмосковья ищут и находят свой путь к современности, перенасыщенной «солью земли». Было ясно: смотрят художники на мир жадно, пристально и отнюдь не через призму модных чужеземных репродукций. Даже не оригиналов! А ведь и такое встречается...

— Показывать свои работы в первом выставочном зале страны для художника—честь и праздник. И громадная ответственность,— говорит председатель Московского областного отделения Союза художников РСФСР Юрий Александрович Титов.— Нас эта ответственность взволновала и обрадовала, потому что именно сегодня, когда мы готовимся к 100-летию со дня рождения Ильича, нам нужна такая большая, ретроспективная выставка. И думается, прошедшая выставка не столько подвела итоги, сколько раскрыла перспективы, потенциал и резервы нашего творческого союза, подтвердив правильность, партийность — в самом живом значении слова — того, что мы делаем.

Московский областной союз художников молод. Во-первых, потому, что средний возраст участников выставки не превысил тридцати пяти лет. Во-вторых, самому отделению едва минуло двадцать: «юбилей» мы отметили в год 50-летия Октября.

Тогда, в 1947-м, в отделении числилось лишь 20 человек. Первые подмосковные выставки еще нуждались в авторитетной поддержке, и на них выступали И. Э. Грабарь, П. И. Нерадовский... Но через четыре-пять лет пришло в союз молодое пополнение — вчерашние фронтовики, выпускники московских, ленинградских художественных вузов и училищ. Братья Ткачевы, Ю. Анохин, Е. Самсонов, Н. Данилин... Эти и еще многие имена запомнились зрителю после молодежных выставок, а затем не раз встречались на областных и на всесоюзных.

Я и сам из этого поколения,— рассказывает Юрий Титов.— И когда в 1961 году товарищи избрали меня своим председателем, у нас числилось уже 80 человек. Теперь нас почти 500. Выставка даст новое пополнение — ведь в списках ее участников 700 имен. Но главное не в количестве. Важнее всего то, что наша экспозиция каждому задавала нелегкую задачу: попробуй назови достойнейших авторов, выбери лучшие произведения.

Поэтому я начну с имени одного из ветеранов, создававших наш союз. Александр Бузовкин. Окончив Училище живописи, ваяния и зодчества, где тогда преподавали Коровин, Касаткин, Архипов, Малютин, в восемнадцатом году приехал он в Серпухов. Создавал в городе музей, ныне носящий его имя. Писал портреты людей, переиначивающих жизнь, умея перенести на холст не внешне броские, «митинговые» черты, а достоверность рядового дня эпохи. На нынешней выставке был «Андрей Рублев» Бузовкина — картина, которую обдумывал художник всю жизнь и, начав работу еще в годы войны, в деревне Щиплово, писал ее со щипловских же крестьян около десятка лет... Стала она теперь посмертным наказом младшим поколениям подмосковных художников. И тем дороже нам это завещание большого мастера и светлой души человека, настоящего подвижника искусства, что воплощено оно в красках: «Будьте беззаветно преданы искусству, воспевайте духовную красоту человека, любите Родину!»

...Голубеют весны, стынет зимний воздух, благоухают летние вечера на просторных холстах «живописца света» Юрия Анохина. Зрители подолгу простаивают возле них, припомнив, должно быть, собственные прогулки где-нибудь на Яхроме или Клязьме, под Клином или Звенигородом. А уж кому-кому, как не пейзажисту, труднее других на выставке было привлечь зрительское внимание: такое множество ни в чем не схожих, хороших и разных пейзажей — лиричных, хозяйственно обжитых, индустриальных, добывших краски будто из самой земной плоти, а красоту линий — у древней русской архитектуры,— собрала выставка из мастерских Ю. Васильева, В. Тягунова, В. Гольцева, В. Сафонова, А. Полюшенко, Ю. Матушевского, В. Боброва, В. Терентьева...

Главным богатством выставки стали тематические и жанровые полотна. И в этой основной главе, как и во всех остальных, экспозиция держалась не громкими именами, не броскими вещами: почти каждый ее автор обещал в будущем раскрыться больше, значительнее. Этими-то резервами и гордится, на них-то и надеется подмосковный союз.

У братьев Ткачевых в картинах, сочных по живописи, согретых доброй любовью к человеку земли, всегда людно. Крестьянская «Семья» за трапезой, в разгаре «Уборка картофеля», «Дорогой гость» в доме, торжество жизни «На мирных полях»... Вся эта серия картин о женщине. Матери, труженице. Та же вечная тема вдохновила на создание триптихов живописцев Н. Гладких и А. Ратникова.

Полстраны изъездил Алексей Ратников. И как-то в таежной деревушке услышанный ненароком разговор матери с молоденькой дочкой всколыхнул давние думы художника о судьбах наших матерей. Тех, что помнят еще японскую и 1905-й, войну четырнадцатого и революцию, гражданскую и четырехгодовое побоище с фашизмом. Начал художник с портрета своей матери, но тема сама потребовала продолжения, углубления.

И для всех лучших работ на выставке характерно такое серьезное, глубинное исследование жизни, размышление о ней. И прежде всего для полотен о революции, о Ленине: «Штыки революции» В. Золотавина, «Ильич в Горках» А. Макарова, «Атакующий класс» Е. Самсонова... Из безбрежного потока атакующих масс художник выделил лишь малую частицу. Но искусство дало каждому зрителю ощутить себя в рядах борцов, будто стать с ними плечом к плечу... Выставочную тишину нарушил топот миллионов ног, шелест алых полотнищ.

Революция. Ее увековечили в камне, бронзе скульпторы. Она ожила в мозаиках монументалистов. Страницы о ней еще и еще раз перечли графики, чтобы превратить на выставке в листы гравюр, офортов, рисунков. Добавило свою повесть и Орехово-Зуево, где люди еще помнят морозовскую стачку, первые выступления российских пролетариев, первые маевки. Работая над набросками с натуры для картин о фабричных девчонках, живописец Геннадий Мызников думал о том, что их дедам и бабкам, одетым в яркие косоворотки, картузы с лакированными козырьками, пестрые сборчатые юбки, празднование Первомая могло стоить свободы, жизни... Так возникла «Маевка». Неожиданно звонкие расцветки русских ситцев, вытканных сегодня в новых, светлых цехах, подсказали молодому живописцу очень современную, очень свою, мажорную палитру для рассказа о далекой России, над которой занимается заря свободы.

История. В картинах тех, кто пришел в искусство дорогами Отечественной, она — живое, личное воспоминание. О юности, прошагавшей в строю поколения, защитившего мир. Трудной, неласковой, неповторимой: «Тишина» П. Блока, «Тревожные ночи Подмосковья» Э. Маруто, «Наши пришли» А. Овчарова, «Великим немецким гуманистам» А. Гландина, где солдаты-победители возлагают венки у памятника великим поэтам Германии. Своя тема приходила к фронтовику порою не сразу. Иван Худобко стал портретистом, писал сверстников, однополчан, а сегодня его портреты дополнили «Художественный репортаж» о людях труда. Евгений Жигуленков писал пейзажи. Кто в Подмосковье не попытает себя в этом жанре? Потом заговорила кисть о недавнем былом: «Связисты стрелкового батальона», «Памяти Героя Советского Союза Б. П. Жигуленкова»... Здесь не случайное совпадение фамилий. Братья Жигуленковы из деревни Подберезное, Раменского района, вместе пошли защищать Родину. Борис, летчик-истребитель прославленной части Ивана Кожедуба, погиб в боях за Венгрию... Реквиемом тысячам безымянных героев стала картина Г. Васильева «Неизвестный солдат», что припал последним объятием к усыпанной расстрелянными гильзами родной земле.

Да, много есть у священной подмосковной земли такого, над чем задумается художник, чтобы потом рассказать. И каждому художнику даст она свою тему, разбудит силы, подарит краски, на которые так богата и щедра. Двадцать восемь народных промыслов расцвели на ней. И все двадцать восемь расцветили ту выставку, что по праву названа была ласково, песенно: «Подмосковье мое». И ее право на это название подтвердили зрители.

«Приятно было увидеть в галерее портретов подмосковных тружеников хорошо знакомых мне людей — моих земляков»,— благодарит Герой Социалистического Труда сталевар с «Электростали» В. Корягин. Артист А. Овчинников с удовлетворением сообщает: «Исписал восемь страничек в блокноте, делая заметки о понравившихся мне произведениях. Их здесь очень много...» А офицер Советской Армии В. Гудков словно бы итожит: «...Живой интерес вызвала во мне выставка работ областных художников. Экспозиция ее очень содержательна и очень созвучна духу нашего времени».

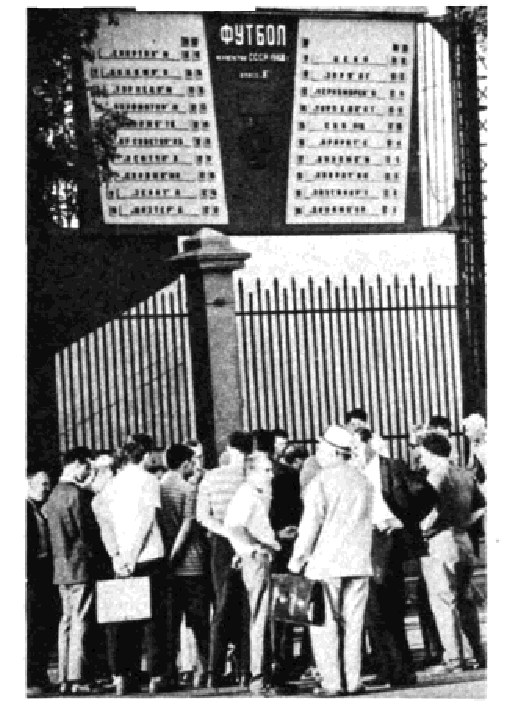

Фото А. Бочинина.

Разумеется, нет нужды подробно рассказывать тем, кто любит футбол, о неудачах нашей сборной. Первая команда Европы, если судить по результатам многочисленных товарищеских встреч, остается, не забив ни одного гола, на четвертом месте среди четырех в заключительной стадии официального чемпионата Европы. Олимпийский чемпион 1956 года вот уже в третий раз не попадает в число участников Олимпийских игр.

В чем же все-таки дело?

В наши дни телевидение уничтожило расстояния. Теперь мы все непосредственные свидетели матчей. Не по рассказам очевидцев, не по комментариям радиорепортеров можем судить и судим о том, как играют футболисты. Теперь как на ладони каждая тонкость встречи, каждое движение игрока.

И можно смело утверждать: трудновато нам пришлось в последнее время у голубых экранов. Железным надо было обладать характером, чтобы сохранять спокойствие. Конечно, мы сами не играли на поле, но мы были сердцем там, с нашими, а это тоже что-нибудь значит.

Для острейших переживаний пищи хватало с избытком. Уныние сменялось взлетом самых смелых надежд. И снова огорчения...

Давайте вспомним некоторые эпизоды. Наша сборная борется за право выхода в полуфинал первенства Европы. Проигрываем в Будапеште венгерским футболистам со счетом 0 : 2.

— Да разве это команда? В середине поля — пустота... Между защитой и нападением — сто километров...

— Стрельцов простоял весь матч! На него, понимаешь, вся надежда, а он...

Так говорилось всюду, где собиралось двое и больше настоящих мужчин.

Второй матч с венграми, в Москве. Ответный. Задача сложнейшая — отыграть два гола да еще забить один, как минимум. На трибунах — настороженность, едва теплятся хрупкие надежды. Счет ответного матча — 3 : 0 в нашу пользу! Команда на поле совершенно другая, хотя состав почти прежний. Команда играет в современнейший футбол: десять полевых игроков, спаянных единой волей и мыслью, понимая друг друга с полунамека, широко и стремительно маневрируют, мощно атакуют. Невозможно уловить глазом, где кончается защита и где начинается нападение. Игроки соревнуются в активности, выдумке, действуют так, словно изголодались по мячу, по этой свободной, азартной, какой-то веселой игре. Душа матча — Муртаз Хурцилава, защитник новейшего, атакующего типа. Он успевает все и всюду. Но он не солист в этом матче, он только лучший среди отличных мастеров.

— Видали?! Вот это командочка! Нет, что ни говори — Михаил Якушин — голова!..

— А все почему? Потому что Стрельцова не было! Он же сковывал ребят, давил, понимаешь, авторитетом... Вышел Бышовец — все! Гордимся — чего уж там. Рады сказать невозможно как. Пробились в полуфинал: Англия — чемпион мира, Югославия, Италия — и мы.

Тем временем предолимпийские встречи. Отборочные. Раньше бывало проще — в этом соревновании играл иной состав сборной, помоложе. Другому можно было немного отдохнуть, потренироваться еще, поискать тактические варианты. Теперь не так. Удивляло, что Михаил Иосифович Якушин, старший тренер, выставляет все тот же состав и на олимпийские, отборочные матчи. Выдержат ли ребята борьбу на два фронта? Тяжеловато все-таки.

СССР — Чехословакия — 3 : 2. Матч выиграли, но что-то уж больно с натугой. Ведь даже проигрывали в ходе встречи — 1 : 2. На своем поле. Можно сказать, на последних минутах спасли положение. Опять, спасибо, Муртаз Хурцилава вытянул игру. Стремительный темп, маневры, волевой, дружный напор? Все это не очень. Разве в конце матча, когда уж деваться было некуда. Странная усталость — вот что больше всего тревожило.

— Может, зря все-таки Стрельцов не играл? В центре как-то пустовато без него... Может, ему бы партнера найти подходящего? Чтоб понимал, как, помнишь, Валя Иванов?

— Не в том дело... Полузащитники, понимаешь, сыграли слабовато. Двое или, скажем, трое, что в нападении сделают? Если бы опять же не Хурцилава...

Закрадываются сомнения, тревога: отчего в самом деле за все девяносто минут игры в самой опасной для ворот зоне — против ворот не было создано нашими нападающими ни одного, в сущности, опасного момента; отчего снова между защитной линией и нападением образовалась дистанция огромного размера? Кто-нибудь еще, кроме нас, грешных болельщиков, замечает это?..

Ответный предолимпийский матч в Остраве. Наши выступают в несколько измененном составе. На поле выходят Пшеничников, Истомин, Шестернев, Хурцилава, Аничкин, Капличный, Логофет, Численко, Нодия, Банишевский, Евпюжихин. Нетрудно заметить — преобладают защитники. Может быть, так и надо? Удержать во что бы то ни стало небольшое преимущество в один гол...

Матч заканчивается крупным поражением наших футболистов. Счет — 0 : 3. Как говорится, с надеждами на участие в Олимпийских играх снова покончено. Сугубо защитный вариант не принес пользы, да и не мог, конечно, принести: так теперь в футбол не играют. Огорчила крупная неудача. Но, пожалуй, гораздо серьезнее огорчила какая-то пассивность большинства футболистов и очевидная тактическая растерянность, словно не было незадолго перед тем трудного матча с той же сильной чехословацкой командой, словно наудачу, наспех тренер подновил слегка состав, не заботясь особенно ни об игровых связях, ни об общем тактическом замысле.

Впрочем, быть может, этот турнир считался второстепенным? Здесь, мол, как-нибудь, главное — чемпионат Европы? Быть может, подсознательно или сознательно вертелась в голове известная пословица: «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь» — и решили гнаться за одним?

Именно такое впечатление создалось. Горькое впечатление. Конечно, прав был тренер венгерской сборной Карой Шоош, наблюдавший встречу наших футболистов в Остраве, когда сказал, что, в сущности, поражение пришло оттого, что наша команда играла без центральных нападающих. Мы все тоже были в недоумении. По нашему зрительскому разумению, никак нельзя было признать удачной тактической находкой отсутствие на поле мощной, сыгранной, способной на смелые импровизации центровой двойки. Эпизодические проходы защитника Геннадия Логофета, конечно, не смогли восполнить этот зияющий пробел.

Матчи в Неаполе и Риме. Пожалуй, не стоит уж очень сетовать на невезение с монеткой. Игра ведь шла «не в орла или решку», а в футбол. Вот в эту игру — футбол следовало вложить все умение, страсть, душу. Да, наши играли лучше соперников. Снова появился волевой характер игры, настойчивость, стремление футболистов понимать друг друга.

Но гола не было. Случайность? К сожалению, ближе — закономерность. В таком напряженнейшем поединке равных по технике и атлетизму мастеров все мог решить только более совершенный, чем у соперника, тактический план и законченная сыгранность его исполнителей. Спортивное старание было. Ни оригинального замысла, ни сыгранности мы не увидели. Откуда же могла прийти победа? Между прочим, довольно распространенная ссылка на то, что пришлось вводить в состав новых игроков, малопонятна. Два года готовилась наша сборная. Было в ней не одиннадцать футболистов. Само собой разумелось, что любой игрок, входящий в состав сборной команды страны, способен полноценно заменить товарища, что каждый игрок готов начать матч, отлично зная, что от него ждут и что он должен делать. Разве это не так? Разве заранее не наиграны связи, не чувствует себя уверенно в ансамбле любой футболист коллектива?

Наконец, поражение в матче со сборной Англии. Закономерное, если судить по этой игре. На экране телевизора мы с грустью видели ставшие уже знакомыми неточные удары по воротам в те редкие эпизоды, когда нашим футболистам удавалось приблизиться к воротам соперника, заметную разобщенность действий игроков средней линии, несглаженность всего ансамбля... Было, по правде сказать, обидно. Ведь наши ребята почти не уступали в технике чемпионам мира. Вспомните, как «терзал» защиту англичан Бышовец! Таких бы еще двух-трех впереди, да второй бы еще эшелон покрепче... Старание иных игроков действовать стремительно, напористо, чем только и можно смутить играющих в своем привычном, неторопливом темпе англичан, не находило поддержки и постепенно гасло. Пропустив в свои ворота два мяча, наша сборная уж как-то формально доигрывала матч.

* * *

Невеселые впечатления. У Северной трибуны московского стадиона «Динамо», где всегда много собирается горячих спорщиков, истовых ревнителей футбола, было непривычно тихо после матчей в Риме. О чем тут спорить? Говорили не очень решительно, что, пожалуй, лучше бы формировать сборную на основе клубной команды, чем так — с бору да с сосенки. Сетовали (и это уж вполне уверенно) на то, что вот и с юношеским футболом у нас не ладно: проиграли в турнире УЭФа во Франции...

— А как тут выиграешь? Читал в газете? Тренеры юношеской только от судей и узнают, где, в каком городе есть способные ребята. Тренеры-то местные предпочитают отмалчиваться, у них, понимаешь, свой интерес: не пускать!..

— Но кто ж тогда всем этим займется?! Должен же кто-то за футбол отвечать!..

— Как это — кто? Федерация футбола есть...

Запись эту я сделал почти стенографически. И, право, не мешало бы работникам Федерации футбола, руководящего и направляющего органа популярнейшей в народе игры, постоять, послушать, о чем говорят люди у Северной трибуны «Динамо» или в другом месте. Они, эти люди, почему-то считают футбол своим кровным делом и радуются, когда все хорошо, и крепко огорчаются, когда приходят неудачи. Им кажется, что не очень ответственно готовили сборную. Идет о том разговор — это уж так. Отчего, в самом деле, лишь в одном матче из шести важнейших мы увидели, как могут играть наши — по-настоящему, мощно? Говорят, в том матче «на нерве играли», на пределе. Как же сделать, чтобы боевые матчи стали не случаем, а нормой?

Нам представляется, путь к этому один. В составе нашей сборной в шести матчах, которые мы наблюдали, играли на поле, в том или ином сочетании, одиннадцать футболистов: защита, полузащита, нападение — словом, как положено.

Но, право, всякий раз очень не хватало на поле главного действующего лица, того двенадцатого участника, без которого ни одна команда, даже самая опытная, не может чувствовать себя уверенно в соперничестве.

Этот двенадцатый — зоркая, четкая тренерская мысль. Та мысль наставника и старшего советчика, которая должна предвидеть и опережать возможное развитие событий.

Так ли уж важно было — играл или не играл Эдуард Стрельцов, сменил его или не сменил другой футболист?

Матчи показали, что не в том была наша слабость. Не исправит положение перетасовка игроков, в чем мы только что наглядно убедились.

Только тогда, когда мы снова будем в наших поисках идти на шаг вперед, наступит пора прочных, ярких успехов.

Это — прямое дело двенадцатого участника матча — футбольного тренера. Его обязанность — воспитать у футболистов тактическую зрелость, с тем чтобы в ходе трудного поединка они сами оказывались способными на коллективное тактическое творчество.

Впрочем, не нам, людям с трибун, давать советы мастерам своего дела. Мы можем лишь поделиться с ними своими раздумьями.

Потому что нам тоже дорог футбол.

Вот совсем недавно, несколько дней спустя после матчей в Италии, снова играла наша сборная. Встречались с австрийскими футболистами в Ленинграде. Омоложенная команда играла по-молодому легко, дружно, свежо и с покоряющей легкостью выиграла матч у сильной европейской команды.

И снова надежды, радости, хорошее настроение. Снова верим, что все будет хорошо, в порядке.

Футбол, частица нашего спорта, давным-давно перестал быть замкнутым в себе.

Футбол — дело общее.

М. АЛЕКСАНДРОВ.

ЧЕЛОВЕК

Стефан ЕЖЕВСКИЙ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В один из домов на улице Волчанской вошел скромно одетый мужчина и постучал в квартиру номер шестьдесят два. Долгое время никто не отвечал. Наконец, он услышал шарканье ног и хриплый женский голос:

— Кто там?

— Я приехал из Сероцка к брату.

— К какому еще брату? — В дверной щели появилась женщина в халате. Седые волосы на голове и неправдоподобно длинный нос делали ее похожей на бабу-ягу.

— Я хотел бы повидаться с Яном Гурским.

— Его нет, он уехал!

— Может быть, я мог бы оставить ему кое-что... Я привез ему из дома телятину, яйца...

Это известие изменило настроение женщины. Она открыла дверь кухни и, указывая на стол, сказала:

— Пожалуйста, здесь вы можете оставить подарки для брата.

Кухня странно контрастировала с внешностью хозяйки. Здесь господствовала идеальная чистота, а старый стол, буфет и полки, казалось, блестели. Незнакомец положил на стол внушительных размеров мешок и сразу же начал его распаковывать.

На столе появились мясо, огромный гусь, кусок сала, большой круг белой деревенской колбасы, творог, масло... По мере прибавления продуктов лицо хозяйки все более прояснялось.

— Это ваш родной брат?

— Нет, двоюродный... Прошло уже пятнадцать лет, как я о нем ничего не слышал, и только полгода назад Ян первый раз написал, что хочет приехать к нам на лето.

— Он только один раз писал вам?

— Ну да, мы даже не знаем, чем он тут занимался в Лодзи.

— Где-то он работает, но я не люблю вмешиваться в чужие дела. А вообще это очень воспитанный человек и примерный жилец. Платит аккуратно, чистый, тихий, никто к нему не приходит. Иногда только сидит ночью и пишет.

— Смотрите, пишет! Может, книжки?

— Нет, наверное, не книжки. Он приносит какие-то документы, что-то там фотографирует, потому что закрывает окно одеялом.

— А он давно уехал?

— Вот уже с неделю. Но он говорил, что скоро вернется. Вот-вот может вернуться.

— Ну, тогда я, может быть, зайду еще завтра. У меня здесь есть еще родственник, каменщик. У него и переночую. А если брат сегодня не вернется, то вы все ешьте на здоровье. Не везти же обратно.

— А правда,— согласилась хозяйка, и что-то вроде улыбки появилось на ее лице.

— Ну, я пойду. Если брат сегодня вернется, не говорите, что я был здесь. Я хочу сделать ему сюрприз. Зайду, наверное, завтра с утра.

Брат из Сероцка чмокнул хозяйку в руку и вышел из квартиры. Во дворе он огляделся и направился к привратнику.

...Привратник после вчерашних крестин, где он выступал соответствующим образом, был в тяжелом состоянии и в связи с этим имел отвратительное настроение. Бросив на прибывшего не слишком ласковый взгляд, он коротко спросил:

— Что надо?

— Простите, я тут узнавал о своем брате, но не застал его дома. Я хотел бы спросить еще кое-что, если, конечно, можно...— Тут он понизил голос и вытащил бутылку с красной этикеткой, наполненную прозрачной жидкостью.

Появление бутылки поправило дурное настроение привратника, и он внезапно стал очень вежлив.

— Садитесь, пожалуйста, в ногах правды нет.

— Не мешает промочить сначала горло. Стаканчики найдутся?

Не один опытный официант мог бы позавидовать быстроте, с какой привратник поставил на стол не только две баночки из-под горчицы, но и выщербленную тарелку с нарезанным хлебом, кусок белой колбасы с жареным луком.

Стаканы, наполненные до краев, пошли в дело.

— Я бы хотел узнать...— начал гость, вытирая губы ладонью,— что, собственно, с моим братом... Потому что хозяйка говорит, что он уехал, но ведь поверить ей трудно. Может, его посадили?

— А может, и сидит,— согласился привратник.— Недели две назад милиция приходила, о нем спрашивала. Но об этом — ша...

Наполненные стаканы снова опустели.

— Что он мог натворить?

— Он часто выезжал, я сам его видел не раз с чемоданчиком. И сейчас тоже уехал. А кроме того,— привратник понизил голос и разлил водку в третий раз,— милиция приходила про него спрашивать. Сказали, как вернется, чтобы сразу сообщить. Но он не дурак. Как видно, что-то почувствовал, потому что сюда и носа не показал, хотя в Лодзи был.

— Да что вы говорите? Был в Лодзи и не зашел домой?

Гость из Сероцка налил еще.

— А кто его видел?

— Наш дворовый сапожник, мой приятель. Он встретил его на Петровской. Рассказывал, что у вашего брата нога в гипсе, а шел он на костылях. Как увидел моего приятеля, отвернулся и притворился, что его не заметил. Представьте себе, выехал целый, здоровый, а тут тебе сразу нога в гипсе и хлопоты с милицией...

Когда два часа спустя поручик Ковалик входил в кабинет, любезно предоставленный доктору Лаху лодзинским комендантом, от него еще пахло водкой.

— Пан доктор, прошу меня извинить, но я по службе...

Доктор Лах поморщился: он не переносил курильщиков и выпивох.

— Не понимаю.

— Я докладываю, что должен был выпить с привратником на Волчанской улице, где жил наш клиент. При случае выпил также с женой привратника и с его другом сапожником.

— А стоило?

— Я думаю, да. Если верить сапожнику, наш клиент позавчера был в Лодзи.

— Что?

— Да. Сапожник его случайно встретил, нога у Гурского была в гипсе, и он передвигался на костылях.

— А привратник и сапожник знали, что Гурского разыскивают?

— Конечно. У привратника были из милиции.

— Так, наверно, весь дом об этом уже проинформирован?

— Наверно. Почтенная пани дворничиха одна сумеет заменить газету с большим тиражом. Сейчас о том, что Гурского разыскивает милиция, наверняка уже знает вся улица.

— Вы подозрительно красноречивы, я считаю, что это не без влияния алкоголя.

— И я так считаю.

— Я сомневаюсь в том, стоит ли чего-нибудь ваша информация. Неужели Гурский настолько глуп, чтобы показываться в городе?

— Я целиком разделяю ваши сомнения. Сапожник мог увидеть когс-нибудь похожего и выдумать всю историю, чтобы заслужить популярность в глазах обитателей дома.

— Я не считаю, однако, чтобы мы могли позволить себе пренебречь этой информацией.

— Без сомнения, нужно все проверить.

— И что же вы предлагаете?

— Я должен протрезветь и подумать.

— Браво, сейчас я отдам распоряжение, чтобы поручик Любич выяснил, сколько за прошедшие после убийства три дня в Варшаве произошло несчастных случаев, закончившихся травмами ног. А кстати, какую ножку покалечил наш приятель — левую или правую?

— Я не спросил об этом, мне и в голову не пришло.— Ковалик явно смутился.— О боже! — простонал он через минуту.— Я чувствую, что завтра меня опять ждет добрая выпивка!

— Вы сможете еще раз навестить своих приятелей на Волчанской улице?

— Да, я обещал, что приду еще.

— Как видно, это вас не минует.

Доктор вытащил из ящика коробочку с мятными конфетами.

— Вас я не угощаю, вам бы скорее нужен был литр кефиру.

Вдруг Лах ударил себя пухлой ладонью по лбу.

— Сейчас, сейчас, а какую фамилию Гурский мог назвать в «Скорой помощи» или в больнице? По-видимому, не Гурский, потому что документы он оставил при покойнике. Он мог назваться Вольским... хотя нет... он не успел еще, наверное, сменить фотографию на паспорте, и к тому же это было бы слишком опасно. Зачем, однако, Гурский мог приехать в Лодзь?

Любич вовсе не был в восторге от поручения доктора Лаха. Проверку всех несчастных случаев на протяжении трех дней нельзя было отнести к легким заданиям, особенно в таком городе, как Варшава. В течение этих трех дней случаев, закончившихся повреждением одной из нижних конечностей, было тридцать восемь. Правда, на другой день поступила информация, что речь идет о левой ноге, и число случаев, входящих в игру, сократилось до пятнадцати. В числе пострадавших не было ни одного Вольского. В то время, пока помощники собирали более точные сведения о жертве, Любич проверял регистрационные книги в различных больницах.

Как-то, читая «Вечерний экспресс», поручик вдруг сорвался с места и побежал в «Скорую помощь». Поводом такой спешки было вычитанное сообщение о том, что пациент, считавшийся легко поврежденным, умер, как только вернулся домой, причем вскрытие трупа показало перелом основания черепа и кровоизлияние в мозг.

Счастье на этот раз сопутствовало поручику. В тот день, когда погиб Вольский... Тадеушу Вольскому, привезенному «Скорой помощью» в больницу, была оказана первая помощь и по собственной просьбе он был отпущен домой. Более того, этот случай был известен милиции.

В ста шагах от отеля «Варшава» в шесть часов утра машина марки «Трабант», принадлежащая известному журналисту С. Т., сбила на пешеходной дорожке человека, который потерял сознание. Журналист доставил его в больницу. Стоящий на перекрестке милиционер, свидетель происшествия, вытащил из кармана пострадавшего паспорт на имя Тадеуша Вольского. В больнице Вольский быстро пришел в себя. Он попросил, чтобы тут же вызвали такси, говорил, что у его жены больное сердце и известие о происшествии могло бы ее убить.

Теперь Любич должен был признать, что гипотеза Лаха о возможности пребывания Гурского в Польше становится правдоподобной. Невольно у поручика возросло уважение к доктору, хотя он не чувствовал к нему сначала большой симпатии.

Из больницы Любич поехал к Лаху, который уже вернулся в Лодзь.

Доктор внимательно выслушал донесение, после чего встал из-за стола и начал по своему обычаю ходить мелкими шагами по кабинету.

— Вы нашли того милиционера — свидетеля происшествия?

— Я получил от него отчет. Его можно еще раз допросить подробно.

— А вы допросили этого журналиста?

— Нет, я считаю, что не имею права на допрос по собственному усмотрению, без вашего разрешения.

— Правильно. Но дело начинает проясняться. Это уже кое-что, поручик. Мы можем поздравить друг друга, а точнее, это вас надо бы поздравить.

Продолжение. Начало см. «Огонек» №№ 25, 26.

Любича явно удивила неожиданная похвала.

— Теперь нужно как можно быстрее выработать план дальнейших действий,— начал доктор.— Что вы предлагаете?

— Прежде всего допросим милиционера, прохожих, свидетелей происшествия и журналиста. Я поговорю также с персоналом больницы и найду таксиста, который отвез Гурского.

— Совершенно верно. К этому списку я бы еще прибавил врача. Кто-то ведь должен был перевязать Гурскому разбитую ногу. Я говорю «разбитую», потому что исключаю что-либо более серьезное. Не ковылял же по улицам человек со сломанной ногой. Адрес найти очень просто, если найдем таксиста, везшего Гурского из больницы.

— Будет много работы.

— Наконец-то. Я давно ждал этой минуты. Люблю прогресс. А сейчас мы должны как можно быстрее заманить Бруннера в страну. Для общественного мнения только вы проводите следствие. Итак, мы организуем широкую пресс-конференцию. Журналы, радио, телевидение... Вы — в главной роли. Хитрый убийца пытался обвести милицию вокруг пальца. Однако обман раскрыт. Мы знаем, что преступник находится в стране и попал в автомобильную катастрофу, и взываем, как всегда, к помощи общественности. Известно, что убийцу видели в Лодзи. Дадим даже адрес на улице Волчанской. Вот уж будет сенсация для жителей этого дома, для сапожника и привратника, которые в течение двух дней пили за наш счет и чуть не столкнули на дурную дорогу нашего деятельного поручика Ковалика... Тепло станет нашему приятелю после этой конференции. Его будет искать милиция, Бруннер со всем своим аппаратом и широкие круги общества, как говорит мой неоцененный шеф. Колоссальное дело! — Доктор потер руки.

— Я хотел бы обратить ваше внимание, пан доктор, что никогда раньше не выступал, хм... публично.

Ранним утром следующего дня перед кабинетом поручика Любича собралась внушительная группа людей. Все слегка нервничали, так как вызов в милицию нельзя отнести к самым приятным вещам.

В кабинете Любича милиционер Обруба из службы движения давал пространные показания о происшедшем, время от времени заглядывая в толстую тетрадь.

— Итак, вы говорите, что пострадавшему было около пятидесяти лет, он был седоватый и среднего роста...

— Да, именно так он выглядел, и я позволю себе заметить... мне сразу бросилось в глаза, что водитель машины был нетрезвый...

— Водитель меня совершенно не интересует, понимаете? Уже который раз, когда я спрашиваю вас о пострадавшем, вы начинаете мне рассказывать о водителе.

Милиционер никак не мог понять, о чем идет речь. Ну как же? Допрос должен служить для примерного наказания виновного...

— Итак, еще раз опишите мне подробно, как выглядел пострадавший. Имел ли он какие-нибудь особые приметы? Как был одет? И каким образом вы установили его личность?

— Я уже говорил: пожилой человек, ничего особенного я не заметил. Выглядел интеллигентом. Возможно, служащий, врач или инженер...

— Создалось ли у вас впечатление, что он спешил на работу?

— Нет. Он нес большой чемодан. Я подумал, что он спешит на вокзал.

— Ага. А как он был одет?

— На нем был синий плащ «болонья», на голове такой же берет, а внизу серый костюм. Ботинок я не разглядел.

— Он сам поднялся после аварии?

— Нет. Он был без сознания. Я поднял его с помощью владельца «Трабанта».

— Вы могли бы определить, какие он получил повреждения?

— Видимо, общее потрясение. У меня такое впечатление, что он вывихнул ногу, потому что, придя в себя, хромал.

— А как вы установили его личность?

— Я уже говорил... Он был без сознания, ну и я вытащил из кармана костюма бумажник. Там был паспорт.

— Во внутреннем отделении бумажника?

— Нет, он лежал просто так, между бумагами.

— Вам приходилось когда-нибудь устанавливать личность людей, потерявших сознание или мертвых?

— Я работаю в милиции уже десять лет. И мне приходилось не раз это делать.

— А приходилось вам видеть, чтобы кто-нибудь носил паспорт таким образом?

— Но, нет... действительно никогда. Или паспорт был во внутреннем отделении бумажника, или лежал прямо в кармане.

— Ага. И вас это не удивило?

— Нет. Я был слишком занят происшествием.

— А теперь напрягите память, это очень важно. Как вел себя Вольский, когда вы привезли его в больницу и в приемном покое он должен был назвать фамилию?

— Минуточку... Я проводил его прямо к врачу. Он стонал от боли, но был в сознании, а когда врач спросил его фамилию, явно растерялся, повторял: фамилия, фамилия... Я тогда подумал, что он еще не пришел в себя, и подал его паспорт врачу.

— Вы тогда назвали вслух фамилию — Вольский?

— Кажется, да... да, точно назвал.

— И что же тогда?

— Он посмотрел на меня несколько удивленно, сейчас я уже точно припоминаю, а потом охнул от боли и повторил: «Да, Вольский, действительно Вольский».

— Гм... Вы говорите, что он не мог ходить... А вы все-таки не можете вспомнить, какая у него была обувь?

— Нет... хотя... сейчас, сейчас... уже знаю! На его ногах были коричневые полуботинки, слишком большие, они почти спадали с ног.

— Спадали с ног? А не был ли ему великоват костюм?

— Да, действительно. Откуда вы только знаете? Брюки почти подметали землю.

— Так. Это пока все. Пройдите в ту комнату и подождите. Возможно, вы мне еще понадобитесь.

Когда милиционер вышел из кабинета, Любич вызвал неудачливого водителя, ожидавшего в коридоре.

Журналист С. Т. явно нервничал, что, однако, пытался скрыть за деланной самоуверенностью. Он догадывался, что речь идет о случае, происшедшем две недели тому назад, и подбирал аргументы для защитной речи. Отдавая, однако, себе отчет в их несостоятельности, решил сразу, с самого начала допроса, ошеломить офицера потоком слов. Не ожидая вопросов, он начал долгую тираду:

— Меня, наверно, вызвали в связи с тем инцидентом на углу Свентокрыжской? Но стоит ли это дело того, чтобы его так раздувать? В итоге ведь ничего не произошло, и я готов дать пострадавшему полное удовлетворение, хотя, собственно, это он сам виноват, поскольку он внезапно выбежал на мостовую... А то, что у меня нашли алкоголь в крови? Ерунда, самые последние американские исследования доказали, что два промилле алкоголя в крови не влияют на реакцию водителя. Если бы было иначе, то французы, которые начинают день со стаканчика вина, вообще не могли бы сидеть за рулем. В конце концов при моей профессии это неизбежно, я как раз возвращался с приема в чилийском посольстве, где я был по службе...

— До шести часов утра? — прервал невинно Любич.
— Да, действительно! Дипломатические приемы часто затягиваются до рассвета.
Поручик лучезарно улыбнулся.
— Вы не могли быть в чилийском посольстве, так как, к сожалению, правительство этой республики еще не прислало к нам своего представителя.
— Ну, конечно, каждый ребенок об этом знает.— Журналист не терял присутствия духа.— Но как раз в этот день представитель Чили приехал в Варшаву, и в его честь устроил прием один из моих приятелей, корреспондент заграничной прессы.
— Могу я узнать, кто именно?
— Вы знаете, пан поручик, у нас тоже есть свои профессиональные тайны.
— А что, состоявшийся прием тоже тайна?— наивно удивился Любич.
— Бывает и так.
— Отлично. Но меня дипломатические приемы меньше всего интересуют. Как журналист, вы уже сейчас узнаете об одном деле, которое сегодня будет предметом специальной пресс-конференции. Я могу рассчитывать на ваше молчание до начала конференции?
Небо над журналистом прояснилось, он сообразил, что может вывернуться из этой неприятной истории.
— Так это само собой разумеется!
— Тогда слушайте внимательно. Человек, которого вы сшибли,— убийца. У нас нет его фотографии и даже точного описания. Мы устраиваем пресс-конференцию, во время которой с помощью радио, телевидения и прессы обратимся к общественности с просьбой о помощи в поимке преступника. От вас, от вашей наблюдательности и памяти зависит очень многое. Я прошу вас сосредоточиться и припомнить все, что вы можете сказать об этом человеке.
Журналист собирался с мыслями. Он воскрешал в памяти тот несчастливый момент. Припоминал, как отчаянно повернул руль. Визг шин. Крики прохожих. Он задел человека только правым крылом и отбросил его на тротуар. Однако тот, на счастье, не ударился головой о край тротуара. Память отметила и это. Этот человек, должно быть, был когда-то спортсменом, он умел падать так, чтобы максимально ослабить силу удара. Потом минута страха, когда наклонился над пострадавшим. Человек, лежащий на тротуаре, втянул голову в плечи... Так выглядят покойники... Но этот был жив, что подтвердил случайный прохожий, который первым наклонился над лежащим, разорвал его рубашку и приложил ухо к сердцу. Вероятно, врач...
Тогда вместе с милиционером, оставившим свой пост на перекрестке, они втащили его в машину. Это был пожилой мужчина. В больнице он уже пришел в сознание. Только хромал. Запомнилось лицо пострадавшего. Смуглая кожа, слегка навыкате глаза и полные губы с резким рисунком, прямой нос и маленькие уши. Это все. Почему, однако, этот человек носит чужую одежду? Они входят в кабинет врача, кладут раненого на кожаный диван. Врач приступает к осмотру. Санитар закатывает штанину и снимает с раненого пиджак. Теперь он увидел глаза пожилого мужчины.
Холодный, полный ядовитой ненависти взгляд. Он никогда не забудет этого взгляда. Если бы он был художником, то в любую минуту мог бы нарисовать портрет человека, попавшего под колеса его автомобиля. Спадающая на высокий лоб мокрая прядь волос, тонкие приподнятые брови, придающие лицу выражение не то удивления, не то нетерпеливости. И эти глаза — темные, слегка навыкате, взгляд которых неприятно резок.
— Вы сможете описать его портрет нашему художнику?— Любич прервал длинный монолог журналиста.
— Конечно, и с полной уверенностью могу сказать, похож ли портрет на оригинал.
Любич вместе с журналистом вышел в другую комнату. Там уже ожидал их художник Томашкевич, который предложил журналисту целую кипу рисунков глаз, бровей, носов, губ и подбородков. Нужно было выбрать наиболее похожие.
В это время Любич допрашивал очередного свидетеля. Это был инженер Квасный, известный альпинист. Его также проинформировали о поисках убийцы. Инженер достаточно подробно описал жертву аварии. Единственной существенной деталью, которая обнаружилась в его показаниях, было утверждение того, что тот человек, будучи без сознания, пробормотал несколько раз по-немецки слово «найн», что в первый момент натолкнуло инженера на мысль, что пострадавший — немец. Однако позже он говорил только по-польски, без иностранного акцента.
На другой день вечером в Центральной комендатуре собрались журналисты и выслушали информацию поручика Любича о таинственном убийстве в отеле «Столица».
Поручик изложил все происшедшее сухо, но, несмотря на это, его выступление произвело на собравшихся большое впечатление. Естественно, Любич не преминул рассказать об аварии, в которую попал убийца, умалчивая, однако, роль, которую играл в ней журналист С. Т. Он объявил только, что беглец перед выездом из Варшавы должен был воспользоваться помощью какого-нибудь частного хирурга.
В конце своего выступления Любич представил участникам конференции портрет убийцы — дело рук Томашкевича,— сходство которого с оригиналом было подтверждено журналистом, инженером, врачом больницы, милиционером, привратником, сапожником и даже хозяйкой так называемого Гурского. В тот же самый день портрет появился на экранах телевизоров, а утром следующего дня его поместили газеты по всей стране.
Доктор Лах потирал руки, читая в прессе сведения о вчерашней конференции в комендатуре, когда ему принесли шифрограмму из Лодзи. Ковалик сообщал, что в «Гранд-отель» пришла депеша от Бруннера с просьбой забронировать номер на сегодняшний день. Одновременно коммерсант из Бремена извинялся за то, что задержал номер во время прошлого пребывания в Лодзи, и изъявлял готовность возместить понесенные отелем убытки.
Лах, ознакомившись с содержанием шифровки, тут же приступил к изучению расписания самолетов и пришел к выводу, что Бруннер уже часа через два приземлится на аэродроме. Он позвонил Любичу и попросил его, чтобы тот немедленно отправился туда.
Однако, неожиданно для Лаха, Бруннер прибыл самолетом не из Вены, а из Копенгагена. Заботливый офицер пограничных войск успел сообщить об этом доктору.
Забавный толстячок, слоняющийся беспомощно по полю аэродрома в компании ужасно одетого верзилы, которого неизвестно почему называл Лелем, не возбудил у Бруннера никаких подозрений.
Зато Лах очень внимательно приглядывался к противнику. Массивный, среднего роста, в очках, одетый как средний коммерсант с Запада, Бруннер двигался энергично, бросая вокруг острые взгляды.
Доктор серьезно расценивал противника. Это был враг, с которым приходилось считаться.
Ничто не говорило о том, чтобы Бруннер был чем-либо обеспокоен. Он вошел в таможню, холодным тоном заявил, что платить пошлину ему не за что, и вышел из здания вокзала. Потом занял место в автобусе. Погруженный в свои мысли, он даже не слышал, как забавный толстячок жаловался Лелю на свою жену, которая не прилетела самолетом из Копенгагена.
На площади Конституции Бруннер вместе с другими пассажирами вышел из автобуса и попросил носильщика вызвать такси.
Подъехавшему таксисту Бруннер приказал отвезти себя на вокзал в центре города. Он, видимо, был уже знаком с расписанием поездов. Толстячок вместе с неразлучным Лелем остались на площади перед транспортным агентством, но внимательный наблюдатель обратил бы внимание на голубую «Октавию», которая двинулась следом за такси. За рулем сидел молодой человек в черной кожаной куртке.
На вокзале Бруннер купил билет первого класса до Лодзи. Поезд отходил через десять минут. Несколько минут спустя такой же билет, только в соседней кассе, купил владелец голубой «Октавии».
Путешествие до Лодзи обошлось без приключений. Бруннер углубился в какой-то роман, который достал из чемодана, а владелец черной кожаной куртки поместился через два купе и с замиранием сердца ожидал станции в Колюшках, где могло что-нибудь случиться. Однако только за Колюшками Бруннер отлучился надолго в туалет, что заставило сердце парня в кожаной куртке забиться быстрее, потому что ему не раз уже приходилось слышать о случаях, когда наблюдаемые выскакивали через окно в туалете. На всякий случай он стоял около открытого окна купе, соседнего с туалетом, держа ладонь на стоп-кране.
На станции в Лодзи Бруннер вручил на чай носильщику и через минуту имел такси. А парень в кожаной куртке только в последний момент заметил зеленого «Москвича», который направился за такси, увозящим Бруннера. Ковалик считал Бруннера старым знакомым и, не ожидая неудачливого водителя «Октавии», один поехал вслед за торговцем из Бремена.
В отеле Бруннер оплатил старый счет и занял приготовленный номер.
Через полчаса какой-то мужчина на ломаном немецком языке сообщил ему по телефону, что завтра он сможет осмотреть большую коллекцию кожаных намордников. Минутой позже состоялся разговор о покупке фрезерного станка ПМ-69.
К чести поручика Ковалика, следует отметить, что прослушиватели телефонных разговоров и магнитофоны в номере торговца из Бремена работали безукоризненно.
После получения информации Бруннер с папкой в руках вышел из отеля. Следом за ним поспешил сержант Муха, парень башковитый и ловкий, которому Ковалик доверил наблюдение за немцем, опасаясь проводить его сам.
Выйдя на улицу, Бруннер направился к зданию «Орбиса» на Петровской, где купил билет до Вроцлава. Последнее Мухе удалось установить сравнительно легко. Он нахально протолкался к кассе, требуя билета до Познани. Это, естественно, вызвало горячее неодобрение всей очереди. Муха билета не получил, и, кроме того, ему пришлось выслушать несколько резких замечаний. Но зато он узнал, куда едет его подопечный.
Приобретя билет, Бруннер зашел в маленькое кафе «Варшавянка», занял столик, заказал кофе и, положив на столе коробку сигарет и спички, ушел в туалет. Муха направился следом за немцем. Несколько минут сержант терпеливо ожидал своего «подопечного». Тщетно, Бруннер не выходил из кабины. В туалете возникла очередь — несколько нервничающих мужчин.
Муха, делая вид, что моет руки, предложил им:
— А вы постучите, этот тип сидит там уже минут двадцать...
Совет подействовал, и ожидающие начали энергично бомбардировать двери. Однако никто не отзывался. На шум вбежала обеспокоенная дежурная:
— Что здесь случилось?
Но даже ее авторитет не смог заставить Бруннера освободить кабину.
— Может быть, ему плохо?— заметил кто-то.
— Наверное,— согласились остальные.
Тогда старушка на минутку вышла и вернулась с запасным ключом, она открыла им замок, и глазам собравшихся предстала пустая кабина. Распахнутое окошко убедило сержанта в том, что Бруннер вместо того, чтобы использовать дверь, вышел из кабины этой «дорогой».
На лбу сержанта выступили капли холодного пота.

(Продолжение следует.)

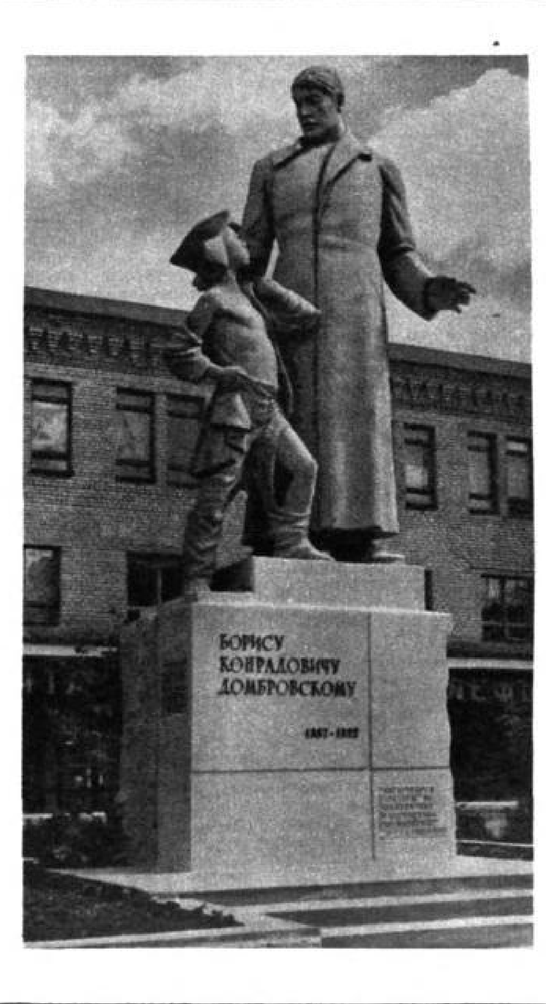
ЕГО ЖИЗНЬ И ПОДВИГ

В то морозное утро января 1922 года на улицы подмосковного Пушкина вышли все. Работники милиции несли красный гроб. Вместе с ними шли горожане. Хоронили Бориса Домбровского.

...В октябре семнадцатого ему было тридцать лет. Партия поручила молодому коммунисту нелегкую работу в милиции подмосковного города Пушкина. Для борьбы с бандитизмом, спекуляцией, с внутренней контрреволюцией и детской беспризорностью требовались энергичные, смелые люди. Таким был Борис Домбровский. С помощью отрядов коммунистов и комсомольцев подмосковная милиция вела ожесточенную борьбу с кулацкими бандами, заботилась о беспризорниках. И среди тех, кому поручали самые опасные операции, был коммунист Б. Домбровский. Его люто ненавидели кулаки, всякая контрреволюционная мразь. Бандитская пуля сразила его на боевом посту.

...Жизнь и подвиг Б. Домбровского послужили сюжетом для памятника, созданного дипломантом Тбилисской государственной академии художеств Игорем Лурье под руководством народного художника Грузинской ССР профессора К. М. Мерабишвили. Монумент установлен в городе Пушкине.

А. ДЕЕВ,
полковник милиции
Фото автора.

Леонид ПОПОВ

«Московские белые ночи»

А сумерки стали короче —
Вливается вечер в рассвет...
Московские белые ночи,
Московские белые ночи —
В мерцанье далеких планет!

Сквозь клены, березы, рябины
Московская светит земля.
Над ней пламенеют рубины
Седеющих башен Кремля.

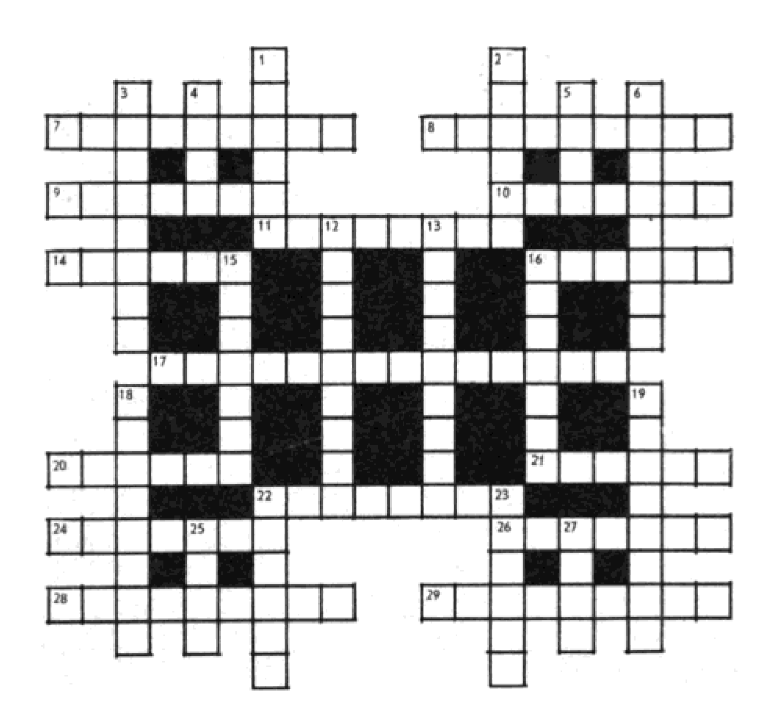
В немыслимом зареве этом,
Идущем с большой высоты,
Дымят фосфорическим светом
Почти голубые мосты.

Летят запоздалые чайки,
Куранты рассветную бьют,
И девушек белые стайки
На площади Красной поют.

Мне видится: в мареве гулком
В такие же ночи, один
По белым ночным переулкам
Когда-то Есенин бродил.

И белою ночью московской,
Взирая на ту красоту,
Стоял молодой Маяковский
На старом Кузнецком мосту.

Москва.

„НАМ ВЕЛЕЛА ЭПОХА..."

Ярослав Смеляков написал новый стихотворный цикл и назвал его «Комсомольской поэмой». На первый взгляд кажется, что поэт вернулся к излюбленным героям «Строгой любви», получившей заслуженное признание, к стихам об ильичевцах, выпускниках школы ФЗО имени Ильича, о молодых типографских рабочих, энтузиастах первой пятилетки, что он вернулся к юношеским радостям и бедам, которые выдержали проверку временем и не померкли в его душе. Но так кажется на первый взгляд. Едва ли не самая примечательная особенность Ярослава Смелякова заключается в том, что он умеет мгновенно приблизить даль времен к нашим дням, к нашей современности, наэлектризовать их героикой борьбы и труда, озарить романтическим порывом, свойственным комсомольцам тридцатых годов, свойственным нынешней молодежи.

В «Строгой любви» Смеляков с легкой улыбкой поведал нам о наивном ригоризме комсомольской братвы. Там он позволил себе оборвать рассказ на полуслове и не то что умолчать о дальнейшей судьбе Яшки, славной Зинки и других прямых, как штык, героях повести, но просто передохнуть перед новым подъемом на новый жизненный перевал. Теперь он испытывает другую потребность — показать, как при первом столкновении с жизнью сдавались робкие натуры, как в них проступало позерство и малодушие.

Угольные шахты Подмосковья и асфальтитовые рудники Севера отнюдь не представляли собою страну с молочными реками и кисельными берегами. Потому-то и сдавались малодушные. Но сильным не без пользы была «жажда самых новых дел», эта бессрочная работа.

Не лирический томик,
не фетовский ваш соловей —
гнется слабенький ломик
под страшной кувалдой моей,—

так Смеляков вторгается в современную поэзию, так он яростно отстаивает поэзию работы и любви.

«Нам велела эпоха...» —пишет он в «Комсомольской поэме» и неизменно придерживается этих велений. Поэт говорит о том, что первопричиной многих трудностей и лишений была ожесточенная классовая борьба, что его сверстникам, людям его поколения, приходилось за все платить «предельной мерой».

Под солнцем, смутным и
невнятным,
они из схваток боевых
везли на розвальнях обратно
тела товарищей своих.

И здесь очевидна полемика Смелякова с литераторами, которые вольно или невольно отдают дань абстрактному гуманизму, отвлеченной всечеловеческой любви.

Ярослав Смеляков обращается к самому главному, что составляло и составляет пафос его творчества:

Я был влюблен, как те поэты,
в дымящем трубами краю
не в Дездемону, не в Джульетту —
в страну прекрасную свою.

Еще пока хватает силы,
когда стучу в любую дверь,
любовь поэта не остыла,
лишь стала сдержанней теперь.

Сдержанность в выражении лирических чувств доступна только художникам, которые живут напряженной внутренней жизнью, не спешат с категорическими выводами и решениями, ощущают личную ответственность перед временем, перед страной. Именно таким художником предстает перед нами Ярослав Смеляков в новой поэме. Родина для него там, где «летним утром и в стужу, затратив немало труда», вытаскивают промысловые рабочие бадьи с асфальтитовой смолой. Родина для него в тоненькой книжице Есенина. С удивительным мастерством Смеляков передал первое ощущение есенинской лирики:

Я сам тогда, кусая руку
и глядя с ужасом назад,
визжал, как та визжала сука,
когда несли ее щенят.

Родина для Смелякова — в социальных потрясениях, когда «нам было всем не до красот». Но родина для него и в прекрасном подвиге летчика Чухновского, который «где-то там, среди обвалов, в тисках ледовых батарей» заложил со своими товарищами начало нашим эпопеям, нашей героике тридцатых годов.

Для Ярослава Смелякова нет выше звания, чем звание рабочий человек. Он и себя представляет таким рабочим то угольной шахты, то лесопилки, то асфальтитового рудника, то типографского цеха. Да он и был этим рабочим, хотя с юности его потянула другая земля, «зыбкой славой» потянули долгие дали. Вот почему его стихи неизменно звучат как «гимн золотому труду». Значит, поэт воистину живет, как надо, и видит свет той лампочки, которая горела над его первыми пробами пера в рабочем общежитии.

Валерий ДЕМЕНТЬЕВ

«Литературная Россия» № 24, 14 июня 1968 года.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Радиотехническое устройство. 8. Русский химик. 9. Венгерский живописец XIX века. 10. Млекопитающее семейства дельфиновых. 11. Четвертая часть круга. 14. Птица семейства тетеревиных. 16. Сельскохозяйственная машина. 17. Областной центр в УССР. 20. Лодка у индейцев. 21. Приток Нила. 22. Шаблон. 24. Вид ивы. 26. Балерина, народная артистка СССР. 28. Отделение высшего учебного заведения. 29. Музыкальный инструмент.

По вертикали:

1. Пушной зверек. 2. Документ, удостоверяющий полномочие, право. 3. Польский композитор, автор популярных полонезов. 4. Столица союзной республики. 5. Река в Калининской и Смоленской областях. 6. Химический элемент. 12. Созвездие северного полушария неба. 13. Места в зрительном зале. 15. Часть математики. 16. Историческая драма А. Н. Островского. 18. Советский хирург. 19. Сходство, соответствие. 22. Комедия Мольера. 23. Денежная единица Монголии. 25. Месяц года. 27. Мельчайшая частица химического элемента.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали:

5. Гопак. 6. Сайра. 8. Короленко. 10. Фиалка. 12. Радиус. 14. Нюанс. 16. Вулкан. 18. Шапито. 19. Ротонда. 22. Пилица. 23. Аренга. 24. Гусли. 26. Эридан. 28. Гранка. 29. Амальгама. 30. Измир. 31. Ситец.

По вертикали:

1. «Тройка». 2. Фарфор. 3. Шафран. 4. Райнис. 7. Карун. 9. Шихта. 11. Кукушкина. 13. Амперметр. 15. Автобус. 17. «Норма». 18. Шпага. 20. Филин. 21. «Огонь». 24. Гранит. 25. Италия. 27. Нарзан. 28. Газета.

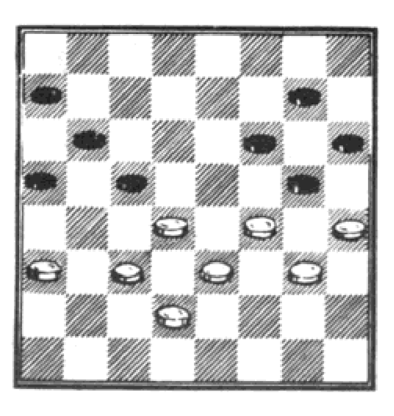
ШАШКИ

под редакцией мастера
Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

Концовка

А. И. Виндерман (Москва)

Белые начинают и выигрывают.

Концовка В. И. Бретель (Северодонецк). Повторяем позицию, напечатанную в № 22 «Огонька», с уточнением: белые — b6, c1, c5, d2, d4, e3, g3, h2; черные — a3, a7, b8, d8, e7, f6, g5, g7. Белые начинают и выигрывают.

На первой странице обложки: Алексей Михайлович Пронин, преподаватель истории чеховской средней школы № 4.
На последней странице обложки: Любимое место туристов — учеников чеховской школы — река Нара.

Фото Б. Кузьмина.

Андрей ШАМШИН,
Станислав ИЛЬИН,
корреспонденты АПН

Фото В. БЕЛОКОЛОДОВА

Операция „Чалдон"

Ребята поселка Култук передают медвежонка Мирославу Данеку.

В Международный день защиты детей в Пражский Град собираются ребятишки со всей Чехословакии. Их встречает Президент Республики, перед ними выступают лучшие артисты, их ждут веселые игры.

Так было каждый год. Но на этот раз ребят ждал сюрприз: встреча с НАСТОЯЩИМ СИБИРСКИМ МЕДВЕДЕМ.

Правда, медведю еще только три месяца, и даже кусочек сахара он может только сосать, а разгрызть — зубы не позволяют, но тем не менее он коренной сибиряк и родился в самом центре Сибири, в прибайкальской тайге.

Для того, чтобы объяснить, как медвежонок попал в Прагу, нам придется вернуться на несколько месяцев назад и с самого начала рассказать, почему нам пришлось ехать

«ЗА МЕДВЕДЕМ НА БАЙКАЛ»

Под таким названием чехословацкий журнал «Свет Совету» при содействии Агентства печати «Новости» провел в прошлом году конкурс о Советском Союзе. 200 тысяч человек приняли участие в этом конкурсе. Лучше всех ответил на вопросы о Стране Советов и завоевал первый приз — право охоты на медведя у озера Байкал — 22-летний фрезеровщик завода автотракторного оборудования из моравского города Кромержиж Мирослав Данек — спокойный белокурый парень с открытым лицом, добродушный здоровяк, только что демобилизовавшийся из рядов Чехословацкой Народной Армии. Он служил в воздушно-десантных войсках, так что храбрости вроде ему было не занимать,— берегись, медведь!

Но медведя еще надо было найти. И зимой в АПН пришло письмо:

«Дорогие друзья! Не найдется ли случайно у вас какого-нибудь старого, ненужного медведя?»

Бравый солдат Швейк говорил: «Ситуация может измениться каждую минуту». И действительно, недели через две в разгар поисков медведя из Праги пришло новое сообщение: Мирек, то есть Мирослав Данек, категорически против убийства медведя, и если можно где-нибудь поймать «какого-нибудь маленького, ненужного медвежонка», то это будет лучшим решением вопроса.

Стали искать медвежонка, который бы отвечал целому ряду требований. Он должен быть абсолютно здоровым. С приличной репутацией. Транспортабелен. С умеренным аппетитом и желательно со знанием хотя бы одного иностранного языка, так как ему придется представлять Сибирь за границей.

Наконец, все было улажено, и в Прагу ушла телеграмма, сообщавшая, что «хозяин тайги» ждет чехословацких гостей.

...Позади хлопоты и беготня Москвы, аэропорты Домодедово, Омска и Иркутска, гостиница «Сибирь», и вот мы уже «крутим» по перевалам и распадкам серпантин таежной дороги к прибайкальскому поселку Култук, школьники которого нашли медвежонка и собираются передать его Миреку как подарок детям Чехословакии.

Мы — это Мирек Данек, чехословацкий писатель и директор издательства «Свет Совету» Иржи Плахетка, Здена Ешкова и Франтишек Прохаска — режиссер и оператор чехословацкого телевидения, двое корреспондентов и один фоторепортер АПН. В Култук мы едем не случайно: в этом маленьком поселке уже много лет работает отделение Общества советско-чехословацкой дружбы, которое, кстати, уже имеет своего постоянного представителя в ЧССР. Там, в городе Остраве, живет медведь по имени Байкал, которого Иржи Плахетка привез семь лет назад из этих мест. Байкал очень знаменит — про него написано несколько книжек, о нем даже снят кинофильм. Каким-то будет его младший братишка?

Братишка оказался очень симпатичным и очень любопытным. Его интересовало буквально все. Как ездит велосипед, и нельзя ли самому на нем прокатиться? Почему такое большое животное с рогами, за которым так приятно побегать, неожиданно останавливается и так страшно рычит «му-у-у»? И зачем это люди все время ходят только на задних лапах, ведь на всех четырех гораздо удобней...

Однако тех, кто, по его мнению, обращался с ним слишком фамильярно, медвежонок с рычанием хватал за руки, напоминая о том, что он не кто-нибудь, а «хозяин тайги». Так что все мы в скором времени получили возможность небрежно отвечать на вопросы знакомых:

— Что это у вас за царапины?

— Да так, пустяки, с медведем играл.

— А ВСЕ-ТАКИ, РЕБЯТА, БЫЛО БЫ ЛУЧШЕ,—

глубокомысленно заметил Виталий Белоколодов, озабоченно дуя на очередную царапину,— проехать еще чуть подальше на восток. Я слыхал, что ловить живых уссурийских тигров еще приятнее.

Иржи Плахетка тотчас заверил нас, что в следующем конкурсе «Свет Совету» учтет пожелания трудящихся.

И тут неожиданно выяснилось, что никакого официально утвержденного имени медведик пока не имеет.

Сразу же был проведен открытый международный конкурс на тему, как назвать медведя. После недолгих споров решили, что с этой минуты безымянный мишка станет называться Чалдоном.

Чалдон — это старинное прозвище коренных русских поселенцев в Сибири. Так с гордостью называют себя исконные сибиряки. Некоторые лингвисты утверждают, что слово это является сокращением целой фразы: «Человек с Дона»,— ибо именно казаки первыми проникли в Сибирь.

Как и положено, в заключение «крестин» устроили веселую вечеринку с танцами. Музыки у нас с собой не было, и пришлось составить оркестр из собственных голосов. Иржи Плахетка, правда, приспособил в качестве шумового инструмента дюралевую кастрюлю с крышечкой, в которой варили кашу для Чалдона.

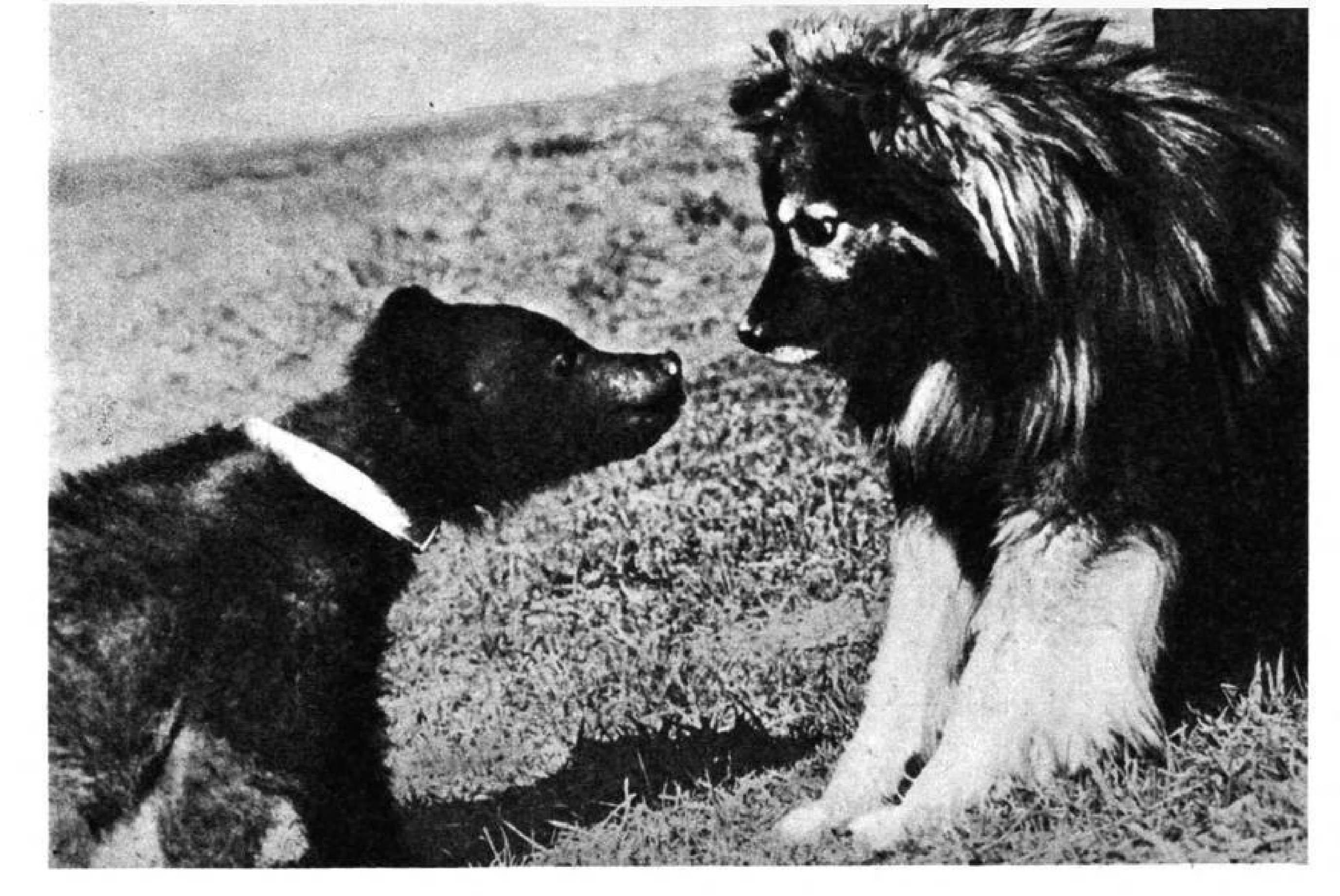
Когда на следующее утро эта крышечка, похожая на кружок из фольги, который предварительно скомкали, а потом слегка разгладили, попалась на глаза старушке уборщице, она с изумлением воскликнула:

— Такой маленький медведик, а как отделал крышечку-то!

Но Чалдончик во время танцев сладко спал в отведенном ему «номере» — маленьком сарайчике во дворе,— насосавшись предварительно из бутылки с соской жидкой манной каши. Да и виданое ли это дело, чтобы кто-нибудь танцевал на собственных крестинах!

«МАМА ФРАНТА»

Чалдончик обожает сосать пуговицы. В култукской школе, поймав кого-нибудь из ребятишек, он вставал на задние лапы, обхватывал передними пойманного за талию — чтобы не убежал — и начинал сосать первую попавшуюся пуговицу. Через несколько секунд он от полноты чувств начинает урчать, как будто невдалеке часто-часто стучит двухтактный двигатель. Если рядом не было ребят, Чалдон старался влезть на колени к кому-нибудь из взрослых. Но всем он предпочитал Франтишека Прохаску. Может, пуговицы у него были сделаны из более вкусной пластмассы?.. Не знаем... Но факт

остается фактом. Малыш тянулся к Франтишеку, как к родной матери, и вскоре мы уже называли оператора не иначе, как «Мама Франта».

Франтишек отвечал Чалдону не менее нежной привязанностью. В один из вечеров, когда мы заехали на ночлег в небольшой поселок на берегу Иркута, погода начала портиться. Подул ветер с гор, начал накрапывать дождь. Поскольку Франтишек был одет довольно легко, один из нас отдал ему свой пиджак.

Неожиданно оператор куда-то исчез. Прошло часа полтора; стало уже совсем темно, когда он, наконец, возвратился. Но... без пиджака.

— Где ты был?

— Укладывал Чалдона спать.

— А пиджак?

— Чалдон отнял.

Включив свет в чулане, где ночевал медвежонок, мы увидели идиллическую картину: Чалдон мирно спит на пиджаке, аккуратно сложенном подкладкой наружу и заботливо под него подсунутом. Медведик спит и урчит от удовольствия, посасывая пуговку внутреннего кармана, в котором, между прочим, лежали кое-какие документы. «Мама Франта» был в тот вечер несколько рассеян и не смог толком объяснить, как все-таки пиджак оказался под мишкой.

А утром для нашего Чалдона началась

ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА

Прощай, родная тайга! Прощай, Байкал! Прощай, такой вкусный «салат» из дикого таежного чеснока — черемши! Прощайте, дорогие друзья-ребятишки поселка Култук!..

Когда медведи чему-нибудь удивляются, они встают на задние лапы и медленно пятятся назад. Так вот, Чалдону пришлось почти все время ходить на задних лапах. Ревущие самосвалы, автобусы, звенящие на поворотах трамваи, большие дома — все, что встречалось нам по пути из тайги в Иркутск, заставляло мишку вздрагивать и беспокойно урчать. А гигантская Братская ГЭС заставила нас на время забыть даже о самом медвежонке.

Последняя ночь в Иркутске, и вот уже «ТУ-104» делает прощальный круг над городом. Впереди семь часов полета до Москвы. Не всякий человек это легко выдержит, а как-то будет медведю... Но наши опасения оказались напрасными. Чалдону очень понравилось летать. И когда после посадки в Омске, погуляв по аэродрому, он услышал, что объявили посадку, то первым бросился к своему самолету.

В Омске, между прочим, было тридцать градусов жары, и Чалдончик впервые попробовал мороженое. Он нашел, что картинка на тележке доброй тети-мороженщицы — белый фирменный медведь — не отражает истины: бурые медведи, во всяком случае, медвежата, любят мороженое не меньше белых...

А потом — Москва. В Москве, как известно, медведи встречаются несколько реже, чем в Сибири, и поэтому растерявшийся Чалдон все время оказывался в центре внимания.

В Шереметьевском аэропорту все стюардессы всех самолетов всех национальностей, бросив экипажи и пассажиров, сбежались к медведику. По непроверенным слухам, в тот день несколько воздушных лайнеров вылетело с опозданием, а несколько пассажиров сели не на тот самолет, который им был нужен.

Но вот пройден пограничный и таможенный контроль. Красавец «ИЛ-62» выруливает на старт. Короткий разбег, и через два часа полета Чалдон ступает на землю Златой Праги, куда он прибыл на постоянное местожительство.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление А. КОВАЛЕВА.

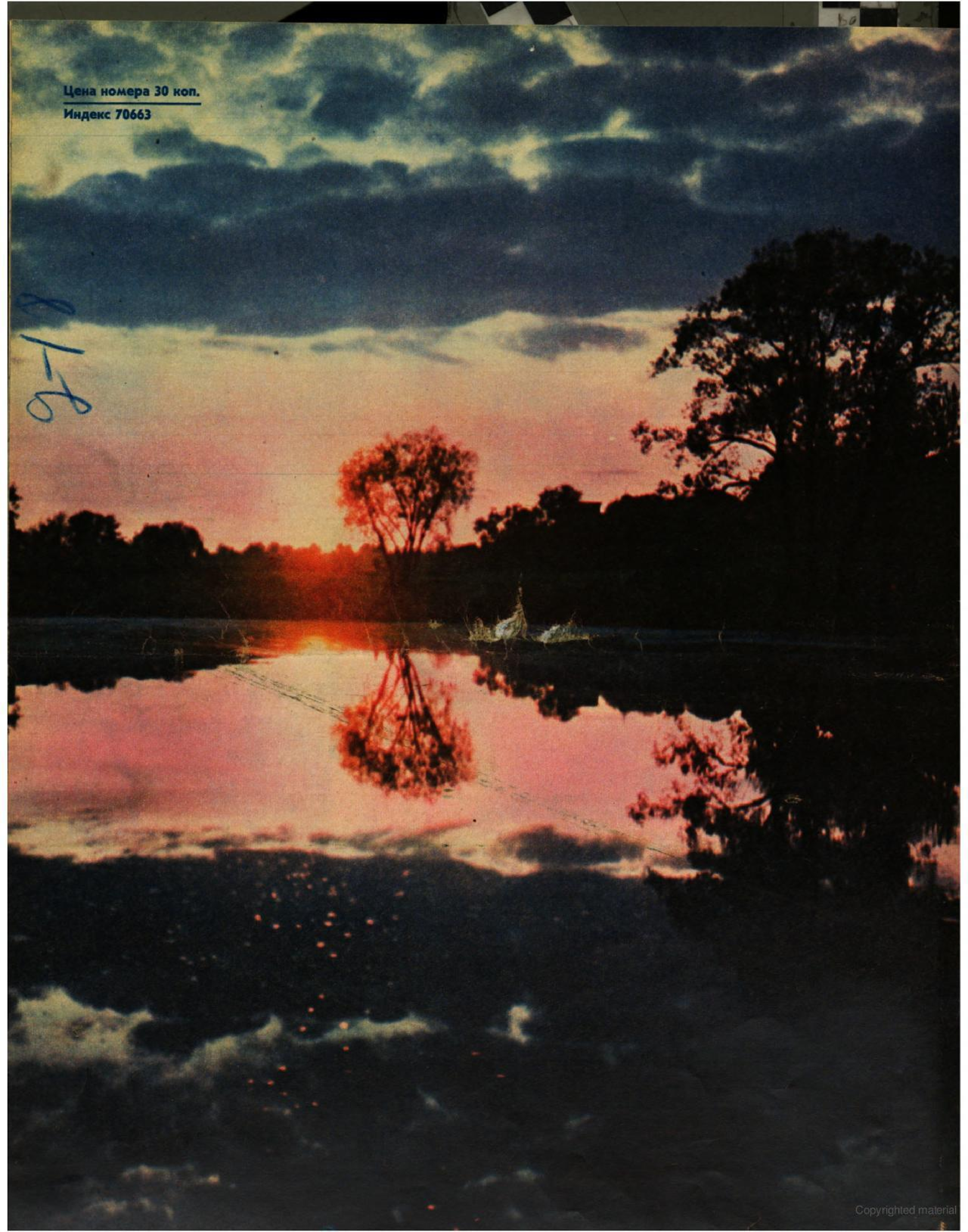

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00429. Сдано в набор 10/VI-68 г. Подписано к печ. 25/VI-68 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 108 200 экз.
Изд. № 1182. Заказ № 1617.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663